

Ты можешь продолжать жить, но если тебя ударяет идея смерти, ты дрожишь. Если же ты ни к чему не привязан, смерть может прийти в это самое мгновение, и ты будешь в очень присутственном настроении. Ты будешь абсолютно готов уйти. Перед таким человеком смерть бессильна. Смерть побеждают лишь те, кто готов умереть в любое мгновение, без малейшей неохоты. Они становятся бессмертными, они становятся буддами.

Эта свобода — цель религиозного поиска. Свобода от привязанности — это свобода от смерти.

Свобода от привязанности — это свобода от колеса рождения и смерти.

Свобода от привязанности делает тебя способным войти во вселенский свет и стать с ним одним. И это — величайшее благословение, высочайший экстаз, за пределами которого ничего не существует. Ты пришел домой.

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

Неведомое путешествие за пределы последнего табу

Введение

Жизнь очень растянута во времени — семьдесят лет, сто лет... Смерть так интенсивна, что вообще не имеет времени — одно-единственное мгновение. Жизни предстоит происходить сто или семьдесят лет, она не может быть столь же интенсивной. Смерть наступает в одно-единственное мгновение; она приходит целиком, не частями. Она будет так интенсивна, что ничего более интенсивного ты не можешь знать. Но если ты испугаешься, если прежде, чем придет смерть, убежишь от нее и из страха станешь бессознательным, то упустишь одну из золотых возможностей, золотые врата. Если же всю жизнь ты был в принятии, то и когда придет смерть, терпеливо, пассивно ты ее позволишь и войдешь в нее без всяких попыток от нее бежать. Если ты сможешь войти в смерть пассивно, в молчании, без всякого усилия, смерть исчезает.

В Упанишадах есть древняя история, которую я всегда любил. Великому королю, которого звали Йайати, исполнилось сто лет. Он жил достаточно; он прожил огромную жизнь. Он наслаждался всем, что только могла предоставить жизнь. Он был одним из величайших королей своего времени. Но эта история прекрасна...

Смерть пришла к Йайати и сказала:

— Готовься. Настало твое время, и я пришла забрать тебя.

Йайати увидел смерть, — а он был великий воин, победивший во многих войнах... — Йайати задрожал и сказал:

— Но еще слишком рано.

— Слишком рано! — сказала Смерть. — Ты прожил сто лет. Даже твои дети состарились. Твоему старшему сыну восемьдесят лет. Что же еще ты хочешь?

У Йайати было сто сыновей, потому что у него было сто жен. Он спросил Смерть:

— Не окажешь ли ты мне услугу? Я знаю, ты должна кого-то взять. Если я смогу убедить одного из своих сыновей уйти вместо меня, не могла бы ты взять его и оставить мне еще сто лет?

Смерть сказала:

— Если кто-то другой готов уйти вместо тебя, это вполне приемлемо. Но не думаю... Если не готов ты сам, ты, отец, проживший дольше и наслаждавшийся жизнью в полной мере, почему должен быть готов твой сын?

Йайати созвал сто своих сыновей. Старшие сыновья промолчали... полное молчание, никто ничего не сказал. Только один, самый младший из сыновей, которому было только шестнадцать лет, встал и сказал:

— Я готов.

Даже Смерти стало жаль этого мальчика, и она сказала ему:

— Может быть, ты слишком невинен. Разве ты не видишь, что девяносто девять твоих братьев молчат? Кому-то из них восемьдесят лет, кому-то семьдесят, кому-то шестьдесят — они жили — но они все еще хотят жить. А ты еще совсем не жил! Даже мне тебя жаль. Подумай еще.

Юноша ответил:

— Нет, я просто вижу эту ситуацию и абсолютно уверен в своем выборе. Пусть тебе не будет меня жаль, я уйду вполне осознанно. Я вижу, что если мой отец не удовлетворен своей сотней лет, какой тогда смысл здесь оставаться мне? Как могу быть удовлетворен я? Я вижу девяносто девять моих братьев; никто из них не удовлетворен. Так зачем тратить время впустую? По крайней мере, я могу оказать отцу эту услугу. Пусть он порадуется еще ста годам. Но я все

закончил. Видя эту ситуацию, — что никто не удовлетворен, — я могу абсолютно ясно понять только одно: даже если я проживу сто лет, то не буду удовлетворен и тогда. Поэтому неважно, уйду ли я сегодня или через девяносто лет. Возьми меня.

Смерть взяла мальчика. И еще через сто лет она вернулась, и Йайати оказался в таком же положении. Он сказал:

— Эти сто лет прошли слишком скоро. Все мои старые сыновья умерли, но у меня есть еще сто. Я могу дать тебе еще кого-то из сыновей, только пощади меня.

Это продолжалось — история продолжает рассказывать — тысячу лет. Десять раз приходила Смерть. И девять раз она брала одного из сыновей, и Йайати жил еще сто лет. На десятый раз Йайати сказал:

— Хотя я все еще так же не удовлетворен, что и когда ты пришла за мной в первый раз, теперь — хотя и неохотно, невольно — я уйду, потому что не могу продолжать просить об услугах. Это уже слишком. И одно мне стало абсолютно ясно: что если тысяча лет не помогла мне достичь удовлетворения, то не поможет и десять тысяч лет.

Это привязанность. Ты можешь продолжать жить, но если тебя ударяет идея смерти, ты дрожишь. Если же ты ни к чему не привязан, смерть может прийти в это самое мгновение, и ты будешь в очень присутственном настроении. Ты будешь абсолютно готов уйти. Перед таким человеком смерть бессильна. Смерть побеждают лишь те, кто готов умереть в любое мгновение, без малейшей неохоты. Они становятся бессмертными, они становятся буддами.

Эта свобода — цель религиозного поиска. Свобода от привязанности — это свобода от смерти.

Свобода от привязанности — это свобода от колеса рождения и смерти.

Свобода от привязанности делает тебя способным войти во вселенский свет и стать с ним одним. И это — величайшее благословение, высочайший экстаз, за пределами которого ничего не существует. Ты пришел домой.

Часть первая:

За пределы последнего табу

*Смерти нельзя преградить путь, просто повторяя,
что смерти нет.*

*Смерть придется узнать, со смертью придется
столкнуться, смерть придется прожить.*

Вам предстоит с ней познакомиться.

В поисках бессмертного

На самом деле в центре религиозного поиска стоит не Бог — в центре его стоит смерть. Без смерти не было бы вообще никакой религии. Именно смерть заставляет человека исследовать и искать запредельного, бессмертного.

Смерть окружает нас, словно океан окружает небольшой остров. Остров может в любой момент затопить. Следующее мгновение может никогда не прийти, завтра может никогда не наступить. Животные не религиозны по той простой причине, что не осознают смерти. Они не могут представить себя умирающими, хотя видят, как умирают другие животные. Квантовый скачок отделяет видение того, что умирает кто-то другой, от заключения: «Я тоже умру». Животные недостаточно пробуждены и осознанны, чтобы прийти к такому заключению.

И большинство человеческих существ — тоже недочеловеческие. Человек достигает настоящей зрелости, когда приходит к заключению: «Если смерть происходит со всеми остальными, значит, не могу быть исключением и я». Как только это заключение глубоко просачивается в сердце, твоя жизнь никогда больше не будет прежней. Ты не можешь прежним образом оставаться привязанным к жизни. Если она будет отнята, какой смысл так собственнически к ней относиться? Если однажды она исчезнет, зачем так цепляться и страдать? Если жизнь не останется навсегда, зачем тогда столько боли, страдания и тревоги? Если ее не станет, ее не станет — неважно, когда. Тогда время не так важно — сегодня, завтра, послезавтра, но жизнь ускользнет из твоих рук.

В тот день, когда ты осознаешь, что тебе предстоит умереть, что смерть абсолютно определена... фактически, единственная определенная вещь в жизни — это смерть. Ни в чем другом нельзя быть абсолютно уверенным. Но, так или иначе, мы постоянно избегаем этого вопроса, этого вопроса смерти. Мы продолжаем удерживать себя в занятости другими вещами. Иногда мы говорим о великих материях — о Боге, рае и аде, но лишь для того, чтобы избежать настоящего вопроса. Настоящий вопрос — не о Боге и не может быть о Боге, потому что... каким образом ты знаком с Богом? Что ты знаешь о Боге? Как ты можешь спрашивать о чем-то, что абсолютно тебе неизвестно? Это будет пустой вопрос. Он будет задан, самое большее, из любопытства, он будет детским, инфантильным, глупым.

Глупые люди спрашивают о Боге, разумный человек спрашивает о смерти. Люди, которые продолжают спрашивать о Боге, никогда не находят Бога, а человек, который спрашивает о смерти, обязательно найдет — потому что именно смерть трансформирует, изменяет видение. Сознание обостряется, потому что ты поднял настоящий вопрос, подлинный вопрос, самый важный вопрос в жизни. Ты создал такой великий вызов, что не можешь долго оставаться спящим; тебе придется проснуться и быть достаточно бдительным, чтобы столкнуться с реальностью смерти.

Именно так начался поиск Гаутамы Будды.

В тот день, когда Будда родился... он был сыном великого короля, и единственным сыном, который родился, когда король был стар, очень стар; поэтому его рождение было великой радостью в королевстве. Люди долго его ждали. Люди очень любили этого короля; он им служил, он был добрым и сострадательным, он был очень любящим и щедрым. Он сделал свое королевство одним из самых процветающих, очаровательных королевств того времени.

Люди молились о том, чтобы у короля родился сын, потому что у него не было наследника. И тогда, в старости короля, родился Будда — его рождение было неожиданным. Великое празднование, огромная радость! Все астрологи королевства собрались, чтобы сделать предсказание о Будде. Его имя было Сиддхартха — ему дали это имя, Сиддхартха, потому что

это значит «осуществление». Король был осуществлен, его желание было осуществлено, его глубочайшая жажда была осуществлена — он хотел сына, он хотел сына всю жизнь; поэтому его называли «Сиддхартхой». Это просто означает «осуществление глубочайшего желания».

Сын сделал жизнь короля осмысленной, значительной. Астрологи, великие астрологи, составили предсказание — все они согласились друг с другом, кроме одного молодого астролога. Его звали Коданна. Король спросил:

— Что случится в жизни моего сына?

И все астрологи подняли два пальца, кроме Коданны, который поднял один палец. Король сказал:

— Пожалуйста, не говорите символами — я простой человек, я ничего не знаю об астрологии. Расскажите мне, что подразумевается под поднятием двух пальцев?

И все они сказали:

— Либо он станет чакравартином — правителем мира, либо отречется от мира и станет буддой, просветленным человеком. Есть эти две возможности, поэтому мы поднимаем два пальца.

Король тревожился о второй возможности — что он отречется от мира: «Снова проблема: кто тогда унаследует мое королевство, если он отречется от мира?» И он спросил Коданну:

— Почему ты поднял один палец?

— Я абсолютно уверен, что он отречется от мира, — сказал Коданна, — что он станет буддой, просветленным, пробужденным.

Король был недоволен Коданной. Правду принять очень трудно. Он проигнорировал Коданну; Коданна не получил никакой награды — правда в этом мире не вознаграждается. Напротив, правду тысячей и одним способом наказывают. Фактически, после этого дня престиж Коданны упал. Поскольку он не получил награды от короля, распространился слух, что он дурак. Когда все астрологи сошлись во мнении, он был единственным, кто не согласился.

Король спросил других астрологов:

— Что вы предлагаете? Что я должен сделать, чтобы он не отрекся от мира? Мне бы не хотелось, чтобы он был нищим, мне бы не хотелось видеть его санньясином. Я бы хотел, чтобы он стал чакравартином — правителем шести континентов.

Это амбиция всех родителей. Кто хочет, чтобы его сын или дочь отреклись от мира и стали жить в горах, вошли в собственную субъективность, исследовали и искали свое существо?

Наши желания экстравертны. Этот король был обычным человеком, точно таким, как и любой другой — с такими же желаниями и такими же амбициями. Астрологи сказали:

— Это можно устроить: дай ему все удовольствия, которые только возможны, окружи его таким комфортом и роскошью, какие только в человеческих силах. Не позволяй ему знать ничего о болезни, старости и особенно о смерти. Не позволяй ему узнать о смерти, и он никогда не отречется.

Они были по-своему правы, потому что смерть — центральный вопрос. Как только он возникает у тебя в сердце, твой образ жизни обязательно изменится. Ты не можешь продолжать жить прежним, глупым образом. Если эта жизнь закончится смертью, эта жизнь не может быть настоящей жизнью; тогда эта жизнь — только иллюзия. Истина, чтобы быть истиной, должна быть вечной — преходящей может быть только ложь. Если жизнь преходяща, тогда, должно быть, это иллюзия, ложь, недоразумение, непонимание; значит, наверное, в чем-то наша жизнь укоренена в невежестве. Мы, должно быть, живем таким образом, что эта жизнь приходит к концу.

Мы можем жить по-другому, чтобы стать частью вечного потока существования. Такой радикальный поворот может дать только смерть.

Поэтому астрологи сказали:

— Пожалуйста, не позволяй ему ничего знать о смерти.

И король принял все меры. Он построил для Сиддхартхи три дворца в разных местностях для каждого из времен года, чтобы он ни в какое время года не испытывал неудобств. Когда было жарко, у него был дворец в определенном месте на холмах, где было всегда прохладно. Когда было слишком холодно, у него был другой дворец у реки, где было всегда тепло. Король принял все меры, чтобы он никогда не испытывал никаких неудобств.

Ни одному старику или старухе не разрешалось входить в дворцы, в которых он жил, — только молодым людям. Он собрал вокруг него всех молодых красивых женщин королевства, чтобы он всегда оставался очарованным и увлеченным, чтобы он всегда оставался в мечтах, желаниях. Для него был создан очаровательный мир мечтаний. Садовникам говорили ночью убирать все мертвые листья; увядающие, засыхающие цветы убрали ночью — потому что, кто знает? — при виде мертвого листа он может спросить, что случилось с этим листом, и может возникнуть вопрос о смерти. При виде увядающей розы, ее опадающих лепестков, он может спросить: «Что случилось с этой розой?», и начать размышлять, медитировать о смерти.

Он абсолютно не осознавал смерти до двадцати девяти лет. Но долго ли можно избегать? Смерть такое важное явление — долго ли можно обманывать? Рано или поздно он должен был выйти в мир. Теперь король был уже очень стар, и его сын должен был знать пути мира, и мало-помалу ему стали разрешать выходить наружу, но каждый раз, когда он проезжал по улицам столицы, стариков и старух прогоняли, нищих удаляли. Ни одному санньясину, ни одному монаху не давали появляться в его поле зрения, пока он проезжал по городу, потому что при виде санньясина он мог подумать: «Что это за человек? Почему он одет в оранжевое? Что с ним случилось? Почему он выглядит другим, непривязанным, отстраненным? У него другие глаза, у него другой аромат, у его присутствия есть другое качество. Что случилось с этим человеком?» И тогда — вопрос об отречении, и, по сути, вопрос смерти... Но однажды это должно было случиться. Этого нельзя избежать.

Мы делаем то же самое: если кто-то умирает, и мимо идет похоронная процессия, мать тащит ребенка в дом и закрывает дверь.

Эта история очень значительна, символична, типична. Никакие родители не хотят, чтобы их дети знали о смерти, потому что тогда они тут же начнут задавать неудобные вопросы. Именно поэтому мы строим кладбища вне городов, чтобы никому не нужно было туда ходить. Смерть — это центральный факт; кладбище должно быть прямо в центре города, чтобы каждый ходил мимо него много раз в день. По дороге в контору, возвращаясь домой, по дороге в школу, колледж, возвращаясь домой, по дороге на фабрику.. чтобы человек снова и снова получал напоминание о смерти. Но мы хотим убрать кладбище за город, хотим сделать кладбище очень привлекательным, украшая его цветами, деревьями. Мы пытаемся скрыть смерть — особенно на Западе, где смерть табуирована. Точно так же, как табуирован был секс, теперь табуирована смерть.

Смерть — это последнее табу.

Нужен кто-то, подобный Зигмунду Фрейду, — такой Зигмунд Фрейд, который сможет снова принести в мир смерть, кто сможет показать людям явление смерти.

Когда на Западе человек умирает, его тело украшают, моют, ароматизируют, подкрашивают. Теперь есть профи, которые делают всю эту работу. И если вы увидите мертвого мужчину или мертвую женщину, вы удивитесь — они выглядят гораздо красивее, чем были при жизни! Раскрашенные, щеки с румянцем, лицо ясное; человек кажется крепко спящим, в спокойном и тихом состоянии.

Мы сами себя обманываем! Мы обманываем не его, его больше нет. Нет никого, только

мертвое тело, труп. Но мы обманываем себя, раскрашивая его лицо, украшая венками его тело, надевая на него красивую одежду, перевозя его тело в красивой машине, создавая большое шествие и восхищаясь человеком, который умер. Им никогда не восхищались, пока он был жив, но теперь никто его не критикует, все его хвалят.

Мы пытаемся обмануть самих себя; мы делаем смерть как можно красивее, чтобы этот вопрос никогда не возникал. И мы продолжаем жить в иллюзии, что умирает всегда кто-то другой, — очевидно, ты не видишь собственной смерти, ты всегда видишь, что умирает кто-то другой. Логическое заключение — умирает всегда кто-то другой, так о чем беспокоиться? Ты кажешься исключением, Бог создал для тебя специальные правила.

Помни, никто не исключение. Будда говорит: Эс дхаммо санантано — только один закон правит всем, вечный закон. Что бы ни случилось с муравьем, это же случится и со слоном, и что бы ни случилось с нищим, это случится и с императором. Бедный или богатый, невежественный или знающий, грешник или святой, закон не различает — закон очень справедлив.

И смерть очень коммунистична — она уравнивает людей. Она не обращает внимания на то, кто ты такой. Она никогда не смотрит на страницы опубликованных книг, не читает «Кто Есть Кто». Она никогда не беспокоится о том, бродяга ты или Александр Великий.

Однажды Гаутама Сиддхартха Будда должен был осознать, и он осознал. Он собирался участвовать в празднике молодежи; он должен был его открыть. Принц, конечно, должен был открывать ежегодный праздник молодежи. Это был прекрасный вечер; вся молодежь королевства собралась, чтобы танцевать, петь и веселиться всю ночь. Первый день года — празднование ночь напролет. И Сиддхартха должен был его открыть.

По пути с ним случилось то, чего так боялся его отец: он встретил и увидел все эти вещи. Сначала он увидел больного, свой первый опыт болезни. Он спросил:

— Что случилось?

Эта история очень красива." Она говорит, что возница собирался солгать, но развоплощенная душа вселилась в него и принудила сказать правду. Ему пришлось сказать, вопреки самому себе:

— Этот человек болен.

И Будда тотчас же задал разумный вопрос:

— Значит, я тоже могу заболеть?

Возница снова собирался солгать, но душа Бога, просветленная душа, заставила его сказать: -Да.

Возница был сам озадачен, потому что собирался ответить отрицательно, но его уста произнесли:

— Да, ты тоже заболеешь.

Им встретился старик — и те же вопросы... Тогда им встретилась процессия, несущая мертвое тело в крематорий, и тот же вопрос... и когда Будда увидел мертвое тело, он сказал:

— Я тоже однажды умру? И возница ответил:

— Да, господин. Никто не исключение. Мне жаль это говорить, но никто не исключение — даже ты умрешь.

Будда сказал:

— Тогда поворачивай колесницу. Ехать на праздник молодежи бессмысленно. Я уже заболел, я уже состарился, я уже на пороге смерти. Если однажды я умру, тогда какой смысл во всей этой чепухе? — жить и ждать смерти. Прежде чем она придет, я хотел бы знать то, что никогда не умирает. Теперь я посвящу всю свою жизнь поискам чего-то бессмертного. Если есть что-то бессмертное, тогда единственной важной вещью в жизни может быть поиск этого.

И пока он это говорил, он увидел четвертую картину — санньясина, монаха, одетого в

оранжевое, идущего очень медитативно. И Будда спросил:

— Что случилось с этим человеком? И возница ответил:

— Господин, именно об этом ты думаешь. Этот человек увидел, что происходит смерть, и отправился на поиски бессмертного.

В тот же вечер Будда отрекся от мира; он покинул дом в поисках бессмертного, в поисках истины.

Смерть — самый важный вопрос в жизни. И те, кто принимает вызов смерти, — вознаграждены безмерно.

Осторожно: верование

Если ты веришь, то одновременно и не веришь. Никто не может верить, одновременно не «не веря». Пусть это будет установлено раз и навсегда: никто не может верить без неверия. Каждое верование — это прикрытие для неверия.

Верование — только периферия центра, который называется сомнением; поскольку есть сомнение, вы создаете верование. Сомнение ранит, оно подобно ране, оно причиняет боль. Поскольку сомнение подобно ране, оно болит; оно заставляет вас чувствовать внутреннюю пустоту, внутреннее невежество. Вам хочется чем-то его прикрыть. Но прикрывать рану цветком розы — думаете ли вы, что это поможет? Думаете ли вы, что роза поможет ране исчезнуть? Как раз наоборот! Рано или поздно роза начнет пахнуть раной. Рана не исчезнет из-за розы; фактически, роза исчезнет из-за раны.

И тебе, может быть, удастся обмануть кого-то другого, кто смотрит снаружи, — может быть, соседи подумают, что это не рана, а роза — но как ты обманешь самого себя? Это невозможно. Никто не может обмануть самого себя; где-то глубоко внутри ты будешь знать, обязательно будешь знать, что рана существует, и ты скрываешь ее за розой. И ты знаешь, что роза произвольна: она не выросла в тебе, ты сорвал ее снаружи, пока внутри тебя росла рана; ее ты не сорвал снаружи.

Ребенок приносит с собой сомнение — внутреннее сомнение, это естественно. Именно из-за сомнения он исследует, и именно из-за сомнения он задает вопросы. Пойдите с ребенком утром на прогулку в лес, и он так надоеет вам вопросами, что захочется сказать ему: «Заткнись!» Но он продолжает спрашивать.

Откуда берутся все эти вопросы? Они естественны для ребенка. Сомнение — это внутренний потенциал; это единственный путь, которым ребенок сможет исследовать, открывать и искать. В этом нет ничего неправильного. Это естественно, и это нужно принять и уважать. Ваши священники лгали вам, что в сомнении есть что-то неправильное. В нем нет ничего неправильного. Оно естественно, и его нужно принимать и уважать. Если вы относитесь к сомнению уважительно, это больше не рана; если вы отвергаете его, оно становится раной.

Пусть это будет очень ясно: само по себе сомнение — это не рана. Это огромная помощь, потому что это делает тебя искателем приключений, исследователем. Оно приведет тебя к самой дальней звезде в поисках истины, оно сделает тебя паломником. В том, чтобы сомневаться, нет ничего нездорового. Сомнение красиво, сомнение невинно, сомнение естественно. Но священники осуждали его веками. Из-за их осуждения сомнение, которое могло стать цветением доверия, стало зловонной раной. Осудите что угодно, и это становится раной, отвергните что угодно, и это становится раной.

Мое учение состоит в том, что первое, что нужно сделать, — это не пытаться верить. Почему? Потому что, если есть сомнение, есть сомнение! Не нужно его скрывать. Фактически, позвольте его, помогите ему, пусть оно станет великим поиском. Пусть оно станет тысячей и одним вопросом — и, в конце концов, вы увидите, что важны не вопросы, а вопросительный знак! Сомнение — это не поиск верования; сомнение — это просто поиск на ощупь в тайне, совершение всех возможных усилий, чтобы понять непостижимое для понимания, чтобы постичь непостижимое — попытка поиска ощупью.

И если ты продолжаешь искать, исследовать, не набивая себя заимствованными верованиями, случатся две вещи. Одна: ты никогда не будешь испытывать неверия. Помни, сомнение и неверие не синонимичны. Неверие происходит, только если ты уже веришь, если ты уже обманул себя и других. Неверие приходит, только если уже вошло верование; это тень

верования.

Все верующие одновременно и неверующие — они могут быть индуистами, они могут быть христианами, они могут быть джайнами. Я знаю их всех! Все верующие одновременно и неверующие, потому что верование приносит неверие, это тень верования. Можешь ли ты верить, одновременно не испытывая неверия? Это невозможно; этого нельзя сделать по природе вещей. Если ты хочешь испытать неверие, первое требование — верить. Можешь ли ты верить без того, чтобы сколько-то неверия не вошло через черный ход? Или, можешь ли ты испытывать неверие без того, чтобы, прежде всего, не верить? Верь в Бога, и тут же входит неверие. Верь в жизнь после смерти, и возникает неверие. Неверие вторично, верование первично. Но миллионы людей в мире хотят только верования — они не хотят неверия. Я не могу помочь, никто не может помочь. Если тебя интересует только верование, придется и страдать от неверия. Ты будешь оставаться разделенным, ты будешь оставаться расщепленным, ты будешь оставаться шизофреничным. Ты не сможешь чувствовать органического единства; ты сам преградил дорогу тому, чтобы это произошло.

Каково мое предложение? Прежде всего, отбросьте верование. Пусть верования будут отброшены, это мусор! Доверяй сомнению, вот мое предложение; не пытайся скрывать его. Доверяй сомнению. Это первое, что нужно принести в твое существо, — доверяй сомнению и посмотри, как красиво, как красиво вошло доверие.

Я не говорю верить, я говорю доверять. Сомнение — это естественный дар; должно быть, оно от Бога — откуда еще оно могло взяться? Ты можешь принести с собой сомнение — доверяй ему, доверяй своим вопросам и не торопись набивать и скрывать его верованиями, заимствованными снаружи, пришедшим от родителей, от священников, от политиков, от общества, от церкви. Твое сомнение — нечто красивое, потому что оно твое; это нечто красивое, потому что оно подлинно. Из подлинного сомнения однажды вырастет цветок подлинного доверия. Это будет внутренний рост, это не будет навязанным снаружи.

В этом разница между верованием и доверием: доверие растет внутри тебя, в твоей внутренности, в твоей субъективности. Доверие настолько же внутренне, что и сомнение. И только внутреннее может трансформировать внутреннее. Верование снаружи; оно не может помочь, потому что не может достичь глубочайшего ядра твоего существа, а сомнение именно там.

Откуда начать? Доверяй своему сомнению. Это мой способ внести доверие. Не верь в Бога, не верь в душу, не верь в жизнь после смерти. Доверяй своему сомнению, и тотчас же начнется разговор. Доверие — это такая мощная сила, что даже если ты доверяешь своему сомнению, то тем самым вносишь свет. А сомнение подобно темноте. Это маленькое доверие к сомнению начнет изменять твой внутренний мир, внутренний пейзаж.

И задавай вопросы! Чего бояться? Зачем быть таким трусом? Оспаривай, подвергай сомнению — подвергай сомнению всех будд, подвергай сомнению меня, потому что, если есть истина, истина не побоится твоих вопросов. Если Будды истинны, они истинны; тебе не нужно в них верить. Продолжай в них сомневаться... и все же однажды ты увидишь, что возникло доверие.

Если ты сомневаешься и продолжаешь сомневаться до самого конца, до самого логического конца, рано или поздно ты наткнешься на истину. Сомневаться - значит блуждать ощупью в темноте, но дверь существует. Если Будда мог выйти в дверь, если Иисус мог до нее добраться, если я мог до нее добраться, почему не можешь ты? Каждый способен найти дверь — но ты боишься искать ощупью, поэтому ты сидишь в темном углу и веришь в кого-то, кто нашел дверь. Ты не видел этого кого-то, ты слышал о нем от других, и так далее, так далее.

Каким образом ты веришь в Иисуса? Почему? Ты же не видел Иисуса! И даже если бы ты

его видел, то упустил бы. В тот день, когда он был распят, тысячи собрались, чтобы на него посмотреть, и ты знаешь, что они делали? Они плевали ему в лицо! Может быть, ты был в этой толпе, потому что толпы совершенно ничем не отличаются друг от друга. Человек не изменился.

Теперь улучшились дороги и транспортные средства, чтобы перевозить вас с одного места на другое, великая технология — человек высадился на Луне — но человек не изменился. Именно поэтому многие из вас, наверное, были в той толпе, которая плевала в Иисуса. Вы не изменились. Как вы можете верить в Иисуса? Вы плевали ему в лицо, когда он был жив, а теперь верите в него, через две тысячи лет? Это просто отчаянная попытка скрыть сомнение. Почему вы верите в Иисуса?

Если одну вещь выбросить из истории Иисуса, все христианство исчезнет. Если одну вещь, одну только вещь, явление воскресения — то, что Иисус вернулся, после того, как был распят и три дня был мертв, — если эту часть отбросить, все христианство исчезнет. Вы верите в Иисуса, потому что боитесь смерти, и он кажется единственным человеком, который вернулся, который победил смерть.

Христианство стало величайшей в мире религией. Буддизм не стал такой великой религией, и по той простой причине, что страх смерти помогает людям верить в Иисуса более чем в Будду. Фактически, чтобы верить в Будду, нужно иметь мужество, потому что Будда говорит: «Я учу вас тотальной смерти». Эта небольшая смерть — он ею не удовлетворен. Он говорит: эта небольшая смерть не подойдет, вы вернетесь снова. Я учу тотальной смерти, предельной смерти. Я учу полному уничтожению, чтобы вы никогда больше не пришли, чтобы вы исчезли, чтобы вы растворились в существовании, чтобы вы больше не существовали; от вас не останется и следа.

В Индии Будда исчез, совершенно исчез. Такая великая, так называемая религиозная страна, а буддизм исчез полностью. Почему? Люди верят в религии, которые учат, что вы будете жить после смерти, что душа бессмертна. Будда говорил, что единственное, что стоит осознать, — это, что вас нет. Буддизм не смог выжить в Индии, потому что не давал прикрытия этому вашему страху.

Будда не говорил людям: «Верьте в меня». Поэтому его учение исчезло из Индии — люди хотят верить. Люди не хотят истины, они хотят верования.

Верование дешево, истина опасна, тяжела, трудна; человек должен за нее заплатить. Человек должен искать и исследовать, и нет гарантии, что она найдется, нет гарантии, что вообще есть какая-то истина. Ее может вообще не существовать.

Люди хотят верования — а Будда сказал, его последним посланием людям было: «Аппо дипо бхава» — «Будь светом самому себе». Его ученики плакали, десять тысяч санньясинов окружали его... конечно, они были грустны, и падали слезы; их мастер уходил. И Будда им сказал:

— Не плачьте. Почему вы плачете? Один из его учеников, Ананда, ответил:

— Потому что ты покидаешь нас, потому что ты был нашей единственной надеждой, потому что мы надеялись, и надеялись так долго, что через тебя достигнем истины.

И тогда в ответ Ананде Будда сказал:

— Не волнуйся об этом. Я не могу дать тебе истины; никто другой не может тебе ее дать, она непередаваема. Но ты можешь достичь ее сам. Будь светом самому себе.

Мой подход такой же. Вам не нужно в меня верить. Я не хочу здесь верующих, я хочу искателей, а искатель — это совершенно другое явление. Верующий — не искатель. Верующий не хочет искать, и именно поэтому верит. Верующий хочет избежать поиска, именно поэтому он верит. Верующий хочет быть избавленным, спасенным, ему нужен спаситель. Он всегда находится в поиске мессии — кого-то, кто может есть за него, жевать за него, переваривать за него. Но если я ем, это не утолит вашего голода. Никто не может вас спасти, кроме вас самих.

Мне здесь нужны искатели, исследователи, не верующие. Верующие — самые посредственные люди в мире, люди самого низкого в мире разума. Поэтому забудьте о веровании; вы создаете для себя трудности. Начните верить в меня, и появится неверие — обязательно появится, потому что я здесь не для того, чтобы соответствовать вашим ожиданиям.

Я живу по-своему, я на вас не смотрю. Я ни на кого не смотрю — потому что, если начать смотреть на других, нельзя прожить свою жизнь подлинно. Смотрите на других, и вы станете фальшивыми.

Георгий Гурджиев часто говорил своим ученикам одну из самых фундаментальных вещей:
— Не смотрите на других, иначе вы никогда не будете расти.

И именно это происходит во всем мире, каждый смотрит на других:

— Что подумает моя мать? Что подумает мой отец? Что подумает общество? Что подумает моя жена, мой муж?..

Что говорить о родителях — даже родители боятся детей! Они думают:

— Что подумают наши дети?

Люди смотрят друг на друга — а смотреть приходится на миллионы людей. Если ты будешь продолжать смотреть на всех и каждого, то никогда не будешь индивидуальностью, ты будешь просто шалтай-болтай. Живя в таком количестве компромиссов, ты давно совершил бы самоубийство.

Говорят, что люди умирают в тридцать лет, а хоронят их в семьдесят. Смерть происходит очень рано — я думаю, даже говорить о тридцати годах неправильно, смерть происходит еще раньше. Где-то около двадцати одного года, когда закон признает тебя гражданином — в этот момент человек умирает. Фактически, именно поэтому тебя и признают гражданином: теперь ты больше не опасен, теперь ты больше не дикий, теперь ты больше не сырой. Теперь все в тебе вставлено правильно, укреплено правильно; теперь ты подстроился под общество. Именно это подразумевается, когда нация дает тебе право голосовать: нация может быть уверена, что теперь твой разум разрушен — ты можешь голосовать. Ты не вызываешь никакого страха; ты гражданин, цивилизованный человек. Ты больше не человек, ты гражданин.

Вот мое собственное наблюдение: люди умирают в возрасте около двадцати одного года. Все, что происходит потом, - посмертное существование. На могилах мы должны начать писать три даты: рождение, смерть и посмертная смерть.

Умным называют человека, который умеет находить выход из трудностей, а мудрым — того, кто знает, как в них никогда не попадать. Будьте мудрыми. Почему не обрубить сам корень? Не верьте. И тогда не будет вопроса о неверии, и раздвоенность никогда не возникнет, и вам не нужно будет искать из нее выхода. Пожалуйста, не входите в нее.

***

Истина индивидуальна; толпа не заботится об истине. Толпа заботится о сплоченности; толпа заботится об удобстве. Толпа не состоит из исследователей, искателей приключений, людей, желающих двигаться в неизвестное, без страха — рискнуть всей жизнью, чтобы найти смысл и значение их жизней и жизни всего существования. Толпа просто хочет, чтобы ей говорили вещи, которые приятно слышать, комфортные и удобные. Без всякого усилия со своей стороны, толпа хочет расслабиться в этой утешительной лжи.

Это случилось, когда я в последний раз приехал в свой родной город в 1970 году. Один из моих старых учителей, с которым у меня всегда были очень теплые отношения, был на смертном одре, и первое, что я сделал, это пришел к нему.

Меня встретил его сын и сказал:

— Пожалуйста, не беспокойте его. Он уже на пороге смерти. Он тебя любит, он тебя вспоминал, но мы знаем, что твое присутствие отнимет у него утешение. А в момент смерти мы не хотим этого с ним делать.

Я сказал:

— Если бы это не был момент смерти, я послушался бы твоего совета, но я должен его увидеть. Даже если он отбросит ложь и утешения перед самой смертью, его смерть будет иметь гораздо большую ценность, чем вся предыдущая жизнь.

Я оттолкнул сына с дороги. Я вошел в дом. Старик открыл глаза, улыбнулся и сказал:

— Я вспоминал тебя и в то же время боялся. Я слышал, что ты приехал в город, и думал, что, может быть, прежде чем мне умереть, я смогу еще раз тебя увидеть. Но в то же время мне было очень страшно, потому что встретиться с тобой может быть опасно!

— Это, несомненно, опасно, — сказал я. — Я пришел как раз вовремя. Я хочу отнять все твои утешения, прежде чем ты умрешь. Если ты сможешь умереть невинно, в твоей смерти будет огромная ценность. Отложи в сторону знание, потому что все оно заимствованно. Отложи в сторону все своего Бога, потому что это только верование и ничего больше. Отложи в сторону все свои идеи о рае и аде, потому что это только твой страх и жадность. Всю жизнь ты постоянно цеплялся за эти вещи. По крайней мере, прежде чем умереть, наберись храбрости — теперь тебе нечего терять!

Умиравшему человеку нечего терять: смерть разобьет все. Лучше отбросить утешения собственной рукой и умереть невинно, полным удивления и вопрошания, потому что смерть — это предельный опыт в жизни. Это сама ее кульминация.

Старик сказал:

— Ты просишь меня именно о том, чего я боялся. Я поклонялся Богу всю жизнь, и я знаю, что это только гипотеза — я никогда не переживал его. Я молился небесам и знаю, что ни на одну молитву никогда не было ответа; ни одного ответа нет. Но это утешало меня в страданиях и тревогах жизни. Что еще делать беспомощному человеку?

Я сказал:

— Теперь ты больше не беспомощен, теперь нет речи, ни о какой тревоге, страдании и проблемах; они принадлежат жизни. Теперь жизнь ускользает у тебя из рук; может быть, ты помедлишь на этом берегу еще несколько минут. Наберись храбрости! Не встречай смерть, как трус.

Он закрыл глаза и сказал:

— Я сделаю, что только смогу.

Собралась вся его семья; все они были злы на меня. Они были браминами высокой касты, очень ортодоксальными, и не могли поверить, что старик согласился со мной. Смерть была таким потрясением, что разбила в нем все ложное.

В жизни ты можешь продолжать верить в ложь, но в смерти прекрасно знаешь, что лодки, сделанные из бумаги, не помогут в океане. Лучше знать, что тебе придется плыть, и никакой лодки нет. Цепляться за бумажную лодку опасно; это может помешать плыть. Вместо того чтобы перевезти на другой берег, она может тебя утопить.

Все они были злы на меня, но не могли ничего сказать. Старик, закрыв глаза, улыбнулся и сказал:

— Очень жаль, что я никогда тебя не слушал. Я чувствую такую легкость и освобождение от бремени. Я чувствую себя таким бесстрашным; во мне не только нет страха, но даже любопытно умереть и увидеть тайну смерти.

Он умер, и у него на лице осталась улыбка.

У смерти много лиц

В истории человеческого ума можно найти три выражения смерти. Одно — выражение обычного человека, который живет привязанным к телу, который никогда не знает ничего большего, чем удовольствие еды или секса, вся жизнь которого была не более чем едой и сексом; который наслаждался едой, наслаждался сексом, и его жизнь была очень примитивна; его жизнь была очень груба, и он жил на задворках своего дворца, никогда не входя в него, и думал, что в жизни больше ничего нет. В момент смерти он попытается цепляться. Он будет сопротивляться смерти, и бороться со смертью. Смерть придет как враг.

Поэтому все общества в мире изображали смерть как что-то темное и дьявольское. В Индии говорят, что посланец смерти очень уродлив — темный, черный, и что он приходит, сидя на очень большом безобразном буйволе.

Это обычный подход. Эти люди упустили; они не смогли узнать всех измерений жизни. Они не смогли коснуться глубин жизни, не смогли долететь до высот жизни. Они упустили ее многообразие и благословение.

Затем есть второй вид выражения. Поэты и философы иногда говорили, что в смерти нет ничего плохого, что в смерти нет ничего злого; это просто отдых — полный отдых, почти как сон. Этот подход лучше первого. По крайней мере, эти люди познали что-то за пределами тела, они познали что-то от не-ума. У них были не только еда и секс; вся их жизнь была не только поглощением пищи и воспроизведением. У них есть некоторая утонченность души; они немного более аристократичны и культурны. Они говорят, что смерть подобна великому отдыху; человек устаёт, входит в смерть и отдыхает. Она приносит отдых. Но и они далеки от истины.

Те, кто познал жизнь в ее глубочайшей сердцевине, говорят, что смерть божественна. Это не только отдых, но и воскресение, новая жизнь и новое начало; открывается новая дверь.

Когда суфийский мистик, Баязид, умирал, люди, которые собрались вокруг него, — его ученики — внезапно были удивлены, потому что, когда пришел его последний момент, он стал сияющим, ярко сияющим. У него была прекрасная аура. Баязид был красивым человеком, и его ученики всегда чувствовали ауру вокруг него, но никогда не видели ничего подобного. Такой сияющий!

Они спросили:

— Баязид, скажи нам, что с тобой случилось. Что с тобой происходит? Прежде чем уйти, дай нам свое последнее послание.

Он открыл глаза и сказал:

— Бог приветствует меня. Я иду в его объятия. До свидания!

Он закрыл глаза, и его дыхание прекратилось. Но в тот момент, когда его дыхание прекратилось, произошел взрыв света. Комната наполнилась светом, потом свет исчез.

Если человек узнал трансцендентальное в себе, то смерть — не что иное, как еще одно лицо божественного. Тогда в смерти есть танец.

Иллюзия смерти — это социальное явление. Это нужно рассмотреть немного подробнее.

Ты видишь, что человек умирает, и думаешь, что он умер. Так как ты сам не умер, у тебя нет права думать таким образом. Очень глупо с твоей стороны заключать, что этот человек умер. Вот все, что тебе следовало бы сказать:

— Я не могу определить, тот ли это самый человек, и остался ли он таким же, как я знал его раньше.

Если сказать больше, это опасно, и это пересекает границы достоверности.

Вот все, что следовало бы сказать:

— До вчерашнего дня этот человек говорил, теперь он больше не говорит. Раньше он ходил, теперь он больше не ходит. Того, что я до вчерашнего дня понимал как его жизнь, больше не существует. Если есть какая-то жизнь за пределами этого, тогда пусть так и будет; если ее нет, да будет так.

Но говорить, что «этот человек умер», значит заходить немного слишком далеко; это значит, уходить за пределы действительного. Следовало бы просто сказать: «Этого человека больше нет среди живых». В том смысле, в котором человек знал, что у кого-то есть жизнь, ее больше нет.

Такого рода негативное утверждение справедливо: того, что мы знали как его жизнь — его борьбы, любви, еды и питья, — больше нет, но говорить, что этот человек мертв, значит делать очень позитивное утверждение. Мы не просто говорим, что того, кто присутствовал в этом человеке, больше нет, мы говорим, что случилось нечто большее и превышающее это: этот человек мертв. Мы говорим также, что случилось явление смерти. Может быть справедливым, если мы скажем, что вещи, которые происходили вокруг этого человека, больше не происходят. Мы говорим не только это, но и то, что к этому добавлено новое явление: этот человек тоже мертв.

Мы, те, кто не мертв, мы, те, кто ничего не знает о смерти, окружающая человека толпа, объявляем его мертвым! Толпа определяет смерть человека, даже не спрашивая его, даже не давая ему в этом права голоса! Это все равно, что одностороннее решение в суде; вторая сторона отсутствует. У этого бедняги не было даже шанса сказать, действительно ли он мертв. Вы понимаете, что я имею в виду?

Смерть — это социальная иллюзия. Это не иллюзия этого человека. По сути дела, мы чувствуем внешне, что он мертв, но это социальное определение, которое неправильно. В этом случае явление смерти определяется теми, кто для этого не квалифицирован. Никто в толпе не может быть правомочным свидетелем, потому что никто на самом деле не видел, как этот человек умирал. Никто не видел этого человека умирающим! Никто никогда не был свидетелем акта смерти. Все, что мы знаем, это, что до определенного момента человек был жив, и теперь он больше не жив. Вот и все; дальше этого стена. До сих пор никто никогда не видел явления смерти.

Человек, который никогда не воспринимал в своей жизни ничего большего, чем еду, питье, сон, движение, ссоры, любовь, дружбу и вражду, — внезапно, в момент смерти он находит, что жизнь просачивается у него между пальцами. То, что он понимал под жизнью, совершенно не было жизнью. Были просто действия, видимые в свете жизни. Подобно тому, как объекты видны на свету, человек, в определенном смысле, видел определенные вещи, когда внутри него было светло. Он принимал пищу, заводил друзей и врагов, строил дома, зарабатывал деньги и добивался высоких постов — все эти вещи были видны в свете жизни. Теперь, в момент смерти, он находит, что они ускользают от него.

Поэтому теперь человек думает, что его вот-вот не станет, что он умирает, и жизнь потеряна навсегда. Раньше он видел, как умирают другие люди, и социальная иллюзия смерти застряла и у него в уме. И он чувствует, что умирает. Это его заключение — тоже часть социальной иллюзии. Он начинает чувствовать, что умирает точно так же, как другие умирали до него.

Он видит себя окруженным любимыми, семьей и родственниками, и они горько плачут. Теперь его иллюзия начинает подтверждаться. Все это оказывает на него гипнотический эффект. Все эти люди... — ситуация просто идеальна — ...доктор у постели, кислород наготове, вся атмосфера в доме изменилась, люди в слезах... Теперь этот человек уверен в собственной смерти. Его ум захватывает социальная иллюзия, что он умирает. Собравшиеся друзья и

родственники накладывают на него гипнотические чары, что он вот-вот умрет. Кто-то проверяет у него пульс. Все они убеждают этого человека, что он сейчас умрет, — все, что раньше на его памяти делали с любимым умирающим, теперь делают с ним.

Это социальный гипнотизм. Этот человек совершенно убежден, что сейчас умрет, что умирает, что его вот-вот не станет. Этот гипноз смерти заставит его стать бессознательным, испугаться, прийти в ужас; он заставит его сжиматься, чувствовать: «Сейчас я умру, сейчас я умру. Что мне делать?» Побужденный страхом, он закрывает глаза и в этом состоянии страха теряет сознание.

Фактически, потеря сознания — это средство, которое мы применяем против того, чего боимся. Например, у тебя болит живот, и если боль становится невыносимой, ты теряешь сознание. Это только трюк с твоей стороны, чтобы отключить ум, чтобы забыть боль. Когда боль слишком сильна, потеря сознания — это умственный трюк; ты не хочешь больше страдать от боли. Если боль не проходит, единственная альтернатива — это отключить ум. Человек «отключается», чтобы перестать осознавать боль.

Таким образом, потеря сознания — наш уникальный способ справиться с невыносимой болью. Помните, как бы то ни было, что нет ничего подобного невыносимой боли: вы чувствуете боль только до тех пор, пока она выносима. Как только боль достигает точки, в которой становится невыносимой, ты исчезаешь; поэтому ты никогда не чувствуешь невыносимой боли. Не верьте ни одному слову, если кто-то говорит, что страдает от невыносимой боли, потому что этот человек, говорящий с вами, еще в сознании. Если бы боль была невыносимой, он потерял бы сознание. Сработал бы естественный трюк, и он потерял бы сознание. Как только человек пересекает предел того, что можно терпеть, он падает без сознания.

Даже небольшая болезнь нас пугает, и мы теряем сознание — что говорить об ужасающей мысли о смерти? Сама идея смерти убивает нас! Мы теряем сознание, и в этом бессознательном состоянии случается смерть. Таким образом, когда я называю смерть иллюзией, я не имею в виду иллюзию, которая случается с телом или с душой. Я называю ее социальной иллюзией — которую мы культивируем в каждом человеке с детства. Мы насаждаем в каждом ребенке идею: «Ты умрешь, и смерть происходит так-то и так-то». И к тому времени, как ребенок вырастает, он узнает обо всех симптомах смерти, и когда эти симптомы оказываются применимыми к нему, он просто закрывает глаза и теряет сознание. Он попадает под гипноз.

Противоположна этому техника активной медитации — техника того, как войти в смерть сознательно. В Тибете эта техника известна как Бардо. Таким же образом, как человека социально «гипнотизируют» в тот момент, когда он умирает, в Бардо умирающему делают антигипнотическое внушение. В Бардо люди собираются вокруг умирающего и в момент смерти говорят ему:

— Ты не умираешь, потому что никто никогда не умирал.

Ему делают антигипнотическое внушение. Никаких слез, никаких рыданий; никто ничего больше не делает. Люди собираются вокруг, и деревенский священник или монах приходит и говорит:

— Ты не умираешь, потому что никто никогда не умирал. Ты уйдешь в расслаблении и полном сознании. Ты не умрешь, потому что никто никогда не умирает.

Человек закрывает глаза, и ему описывают весь процесс: как его жизненная энергия покидает ноги, руки, и теперь он не может говорить, и так далее — и, тем не менее, говорят этому человеку, он сам все еще есть, он сохраняется. Эти внушения производятся со всех возможных сторон. Эти внушения — просто антигипноз. Это значит, что они предназначены для того, чтобы убедиться, что человек не схватится за социальную иллюзию, что находится на грани смерти. Бардо применяют как противоядие, чтобы это предотвратить.

В тот день, когда в этом мире воцарится более здоровое отношение к смерти, Бардо станет ненужным. Но мы — очень нездоровые люди; мы живем под властью иллюзии, и из-за этой иллюзии остается важным противоядие. Каждый раз, когда кто-то умирает, все его близкие должны совершить попытку разбить иллюзию того, что он умирает. Если они смогут удержать этого человека в состоянии бодрствования, если смогут в каждое мгновение ему напоминать...

Когда сознание устраняется из тела, это происходит не сразу; все тело не умирает в одно и то же время. Сознание сжимается вовнутрь, мало-помалу покидая каждую из частей тела. Оно отсоединяется в несколько стадий, и все стадии этого процесса можно перечислить умирающему, чтобы помочь ему остаться в сознании.

Умирал дзэнский мастер. Он созвал к себе монахов и сказал:

- Я хочу кое о чем вас спросить. Подходит мое время, но я не вижу никакого проку в том, чтобы умирать, как все. Все умирают одинаково. Можно немного развлечься. Вот мой вопрос: видели ли вы когда-нибудь, чтобы кто-нибудь умер на ходу?

Монахи ответили:

— Мы сами такого не видели, но слышали об одном мистике, который умер на ходу.

— Значит, это исключается! — сказал Мастер. — Позвольте вас спросить: видели ли вы какого-нибудь мистика, который умер бы, стоя на голове?

— Не только никогда не видели и не слышали, но и не можем вообразить ничего подобного, — сказали они.

— Ладно, — сказал мастер, — значит, так и сделаем. Он встал на голову и умер.

Толпа вокруг него очень испугалась. Вид трупа сам по себе пугает, но если нужно уложить плашмя труп, стоящий на голове, это еще страшнее. Этот мастер был опасным человеком. То, как он расположил свое тело... он был мертв, но никто не смел, сдвинуть его с места или переложить на носилки. Тогда кто-то предложил позвать его старшую сестру, монахиню, жившую в соседнем монастыре. Она была известна тем, что ставила его на место, когда он был непослушным маленьким мальчиком.

За сестрой послали, и она осознала всю ситуацию. Она очень рассердилась. Она сказала:

— Он всегда был таким же непослушным. Он не оставил своих привычек даже в старости. Даже умирая, он не мог воздержаться от того, чтобы не сыграть трюк!

Девяностолетняя женщина схватила посох и пришла в дом мастера. Ударив посохом о землю, она воскликнула:

— Прекрати сейчас же это безобразие! Если уж ты должен умереть, то умри, как положено.

Мастер тут же встал и рассмеялся.

— Я просто развлекался, — сказал он. — Мне было любопытно, что сделают эти люди. Теперь я лягу и умру традиционным способом.

И он вскоре лег и умер. Его сестра ушла.

— Вот теперь другое дело, — сказала она. — Выбросьте его.

Она не оглянулась.

— Нужно все делать, как положено, — сказала она. — Что бы ты ни делал, делай как надо.

Таким образом, наша иллюзия смерти — социальная иллюзия. Если у тебя есть хоть немного опыта медитации — если с тобой случился хотя бы проблеск той истины, что ты отделен от тела, если чувство разотождествленности с телом хотя бы на мгновение проникло в тебя глубоко — ты не будешь бессознательным в момент смерти. Фактически, к этому моменту состояние бессознательности уже будет разрушено.

Осознанно, сознательно никто никогда не может умереть, потому что все время продолжает осознавать, что не умирает, что в нем что-то умирает, но не он сам. Человек продолжает наблюдать это отделение и, в конце концов, находит, что его тело лежит в стороне от него, на

расстоянии. Тогда смерть оказывается просто отделением; она равнозначна разрыву связи. Словно я выхожу из дома, а члены семьи, не осознающие мир за стенами дома, подходят к двери и со слезами прощаются со мной, чувствуя, что человек, с которым они пришли попрощаться, умер.

Смерть есть рассоединение тела и сознания. Называть это рассоединение смертью бессмысленно, — это просто ослабление, разрушение связи. Это не более чем переодевание. Таким образом, тот, кто умирает с осознанностью, на самом деле никогда не умирает, поэтому для него вопрос смерти никогда не возникает. Он даже не называет смерть иллюзией. Он даже не говорит, кто умирает, а кто нет. Он просто говорит, что то, что мы до вчерашнего дня называли жизнью, было просто ассоциативным рядом. Этот ассоциативный ряд должен быть разрушен. Теперь началась новая жизнь, которая не входит в прежний ассоциативный ряд. Может быть, это новая связь, новое путешествие.

Но умереть в этом состоянии осознанности возможно, только с осознанностью прожив. Если ты научился жить сознательно, несомненно, ты сможешь сознательно и умереть, потому что смерть — явление жизни; она происходит в жизни. Другими словами, смерть — это финальное свершение того, что ты понимаешь под жизнью. Это не явление, происходящее вне жизни.

Это все равно, что дерево, которое возвращает плод. Сначала плод зеленый, потом начинает желтеть. Он становится все более желтым, пока, в конце концов, не пожелтеет полностью и не упадет с дерева. Это падение с дерева — не явление вне процесса созревания плода; скорее, это окончательное свершение самого созревания.

Событие падения плода с дерева не оторвано от процесса его желтения и созревания, скорее, это его кульминация, успешное завершение. А что происходило, пока плод был зеленым? Он готовился столкнуться лицом к лицу с все тем же последним событием. И тот же самый процесс продолжался, когда он еще не расцвел цветком на ветви, когда он был еще скрыт внутри почки. Даже в том состоянии он готовился к окончательному событию. А что сказать о том времени, когда дерево еще не было проявлено, когда оно еще содержалось внутри семени? Та же подготовка продолжалась и тогда. А то время, когда это семя еще не родилось, и было еще скрыто в каком-то другом дереве? Продолжается тот же процесс.

Таким образом, явление смерти — только часть цепи событий, принадлежащих одному и тому же явлению. Конечное событие — не конец, это только разделение. Одни отношения, один порядок заменяются другими отношениями, другим порядком.

На земле до сих пор существовали два типа культур — обе однобокие, обе неуравновешенные. Еще не оказалось возможным развить культуру, которая была бы тотальной, целой и святой.

Прямо сейчас на Западе предоставлена полная свобода сексу, но — может быть, вы не замечали — подавлена смерть. Никто не хочет говорить о смерти; все говорят о сексе. Существует огромное количество литературы о порнографии, о сексе. Существуют такие журналы, как «Плэйбой», — непристойные, болезненные, больные и невротичные. На Западе царит невротичная одержимость сексом, но смерть? Смерть — это табуированное слово. Если ты говоришь о смерти, люди сочтут тебя не вполне нормальным: «Почему ты говоришь о смерти?» Ешь, пей и веселись — таков девиз. «Зачем ты вносишь смерть? Держись от нее подальше. Не говори о ней».

На Востоке секс был подавлен, но о смерти говорят свободно. Точно как сексуальная, непристойная порнографическая литература, на Востоке существует другого рода порнография. Я называю ее порнографией смерти — настолько же непристойная и болезненная, как сексуальная порнография Запада. Мне встречались священные писания... Вы можете найти их где угодно; почти все индийские писания полны порнографией смерти. О смерти говорят слишком много. О сексе никогда не говорят; секс табуирован. Говорят о смерти.

Все так называемые махатмы в Индии постоянно говорят о смерти. Они продолжают постоянно намекать на смерть. Если ты любишь женщину, они говорят: «Что ты делаешь? Что такое женщина? — только мешок из кожи. А внутри у нее все возможные грязные вещи». И они выносят всевозможные грязные вещи; кажется, они наслаждаются этим. Это ненормально. Они говорят о слизи внутри тела, о том, что живот полон испражнений, что мочевого пузыря полон мочи. «Это ваша красивая женщина. Мешок с грязью! А ты влюбляешься в этот мешок. Будь бдительным».

Но это что-то такое, что нужно понять: на Востоке, когда тебя хотят заставить осознать, что жизнь грязна, в это вносят идею женщины; на Западе, когда тебя хотят заставить осознать, что жизнь прекрасна, снова вносят идею женщины. Посмотрите на «Плэйбой»: пластмассовые девушки, такие красивые. Они не существуют в этом мире; они нереальны. Это произведенные фотографические трюки — и сделано все, что только можно, вся возможная ретушь. Они становятся идеалами, и тысячи людей фантазируют и мечтают о них.

Сексуальная порнография зависит от тела женщины, и порнография смерти тоже зависит от тела женщины. И тогда они говорят: «Ты влюбляешься? Эта женщина скоро состарится. Вскоре она станет грязным старым мешком. Будь бдителен и не влюбляйся, потому что эта женщина скоро умрет: тогда ты будешь плакать и рыдать, тогда ты будешь страдать». Если нужно внести жизнь, нужно тело женщины. Если нужно внести смерть, нужно тело женщины.

Мужчина, кажется, постоянно одержим телом женщины — плэйбой он или махатма, не имеет значения. Но почему? Это происходит всегда: когда общество подавляет секс, оно выражает смерть; когда общество подавляет смерть, оно экспрессивно в сексе. Секс означает жизнь, потому что жизнь возникает из него. Жизнь — это сексуальное явление, а смерть — ее конец.

И если подумать о том и другом одновременно, кажется, есть противоречие: нельзя привести в соответствие смерть и секс. Как привести их в соответствие? Легче забыть одно и помнить другое. Если помнить их одновременно, уму будет трудно переварить их существование вместе — а они существуют вместе, они взаимосогласованы. Это, фактически, не две вещи, но

одна и та же энергия в двух состояниях: активном и неактивном, инь и ян.

Вы это не наблюдали? Когда ты занимаешься любовью с женщиной, приходит момент оргазма, когда тебе становится страшно, ты пугаешься и дрожишь; потому что в высочайшей кульминации оргазма жизнь и смерть существуют вместе. Ты переживаешь жизнь в ее вершине и одновременно смерть в ее глубине. И вершина, и смерть доступны в одно мгновение — и поэтому оргазм пугает. Люди к нему стремятся, потому что это один из самых красивых, экстатичных моментов, но его и избегают, потому что это также и один из самых опасных моментов: потому что в нем распаивается пасть смерти.

Человек осознанности сразу осознает, что смерть и секс — это одна энергия, и тотальная культура, целая культура, святая культура примет то и другое. Она не будет односторонней; она не будет двигаться в одну крайность и избегать другой. В каждое мгновение ты — одновременно жизнь и смерть. Ты это понимаешь и выходишь за пределы двойственности.

И когда человек осознает смерть — только тогда возможна жизнь самодисциплины. Если ты осознаешь только секс, жизнь и избегаешь смерти, бежишь от нее, закрываешь на нее глаза, удерживая ее всегда позади и сбрасывая в бессознательное, ты не сможешь создать жизни самодисциплины. Зачем? Тогда твоя жизнь будет просто жизнью самопотакания — ешь, пей и веселись. В этом нет ничего неправильного, но само по себе это - не вся картина. Это только часть, и когда ты принимаешь часть за целое, то упускаешь — упускаешь безмерно.

Животные живут без всякого осознания смерти: именно поэтому невозможен никакой учитель, который учил бы животных медитации. Нет никакой возможности, потому что животные не готовы к самодисциплине. Животное спросит: «Зачем?» Есть только жизнь, смерти нет, потому что животное не осознает, что умрет. Если ты осознаешь, что умрешь, тогда тотчас же ты начинаешь переосмысливать жизнь. Тогда тебе хочется, чтобы смерть была поглощена жизнью.

Когда смерть впитывается в жизнь, рождается самодисциплина. Тогда ты живешь, но всегда живешь, помня о смерти. Ты движешься, но всегда знаешь, что движешься к смерти. Ты наслаждаешься, но всегда знаешь, что это не будет длиться вечно. Смерть становится твоей тенью, частью твоего существа, частью твоего мировоззрения. Ты впитал смерть... теперь возможна самодисциплина. Теперь ты будешь думать: «Как жить?», потому что жизнь теперь — не единственная цель; ее частью является и смерть. «Как жить?» — так, чтобы не только жизнь становилась кульминацией блаженства, но и смерть достигала высочайшей точки, потому что смерть — кульминация жизни.

Жить таким образом, чтобы ты был способен жить тотально и умереть тотально — вот весь смысл самодисциплины. Самодисциплина — это не подавление; самодисциплина означает: жить направленной жизнью, жизнью с чувством направления. Это значит, жить, полностью осознавая смерть и оставаясь к ней бдительным. Тогда у реки твоей жизни будут оба берега. Жизнь и смерть... — и текущая река сознания между ними. Каждый, кто пытается жить жизнью, отказывая смерти в ее роли, движется вдоль одного берега; река его сознания не может быть тотальной. Ему будет чего-то не хватать; ему будет не хватать чего-то очень красивого. Его жизнь будет поверхностной — в ней не будет никакой глубины. Без смерти нет никакой глубины.

И если ты движешься в другую крайность, как делают индийцы... — они начинают постоянно жить смертью: испуганные, боящиеся, молящиеся, делающие всевозможные вещи, только чтобы найти, как стать бессмертными, добиться вечной жизни... — тогда они вообще прекращают жить. Тогда это тоже одержимость. Они текут вдоль одного берега; их жизнь тоже становится трагедией.

Запад — это трагедия, Восток — трагедия, потому что тотальная жизнь еще не стала

возможной. Возможно ли иметь красивую сексуальную жизнь, помня смерть? Возможно ли есть, и есть в блаженстве, помня смерть? Возможно ли любить, и любить глубоко, хорошо зная, что ты умрешь, и любимый тобой человек умрет? Если это возможно, становится возможной тотальная жизнь. Тогда ты абсолютно уравновешен; тогда ты завершен. Тогда в тебе нет ничего недостающего; тогда ты будешь осуществлен, и к тебе низойдет глубокая удовлетворенность.

***

На Востоке было разработано много дисциплин, чтобы позволить человеку узнать заранее, что он умрет. Но зачем об этом беспокоиться? Как это поможет? Какой в этом смысл?

Если вы спросите западных психологов, они скажут, что это ненормально, что это своего рода болезненное воображение. Зачем беспокоиться о смерти? Избегай ее. Продолжай верить, что смерти не случится, по крайней мере, не с тобой. Она всегда случается с кем-то другим. Ты видел, что люди умирают, ты никогда не видел, как умираешь ты сам, так зачем бояться? Может быть, ты будешь исключением.

Но никто не исключение, и смерть уже случилась при твоём рождении, и ты не можешь ее избежать. Теперь рождение за пределами твоей власти. Ты ничего не можешь с ним сделать; оно уже случилось, оно уже в прошлом. Это уже сделано — ты не можешь этого переделать. Смерти еще предстоит случиться — с ней возможно что-то сделать.

Весь восточный подход основан на этом видении смерти, потому что это возможность, которой предстоит случиться. Если ты заранее о ней знаешь, эта возможность безмерна. Открываются многие двери. Тогда ты можешь умереть по-своему. Ты можешь умереть, поставив на смерти собственную подпись. Ты можешь сделать так, чтобы никогда больше не родиться, — в этом весь смысл.

Это не болезненное воображение. Это очень, очень научно. Если каждому предстоит умереть, абсолютно глупо не думать о смерти, не медитировать на смерть, не фокусироваться на ней и не добиваться глубокого ее понимания.

Это случится. Если ты это знаешь, возможно многое.

Патанджали, основатель Йоги, говорит, что даже точную дату, час, минуту и секунду смерти можно знать заранее. Если ты знаешь точно, когда придет смерть, то можешь к ней подготовиться. Смерть нужно принять как великого гостя. Она не враг. Фактически, это дар, данный Богом. Это великая возможность, через которую можно пройти. Это может стать прорывом: ты можешь умереть бдительным, сознательным, осознанным и никогда больше не родиться — и смерти больше не будет. Если ты упустишь, то родишься снова. Продолжая упускать, ты будешь постоянно, снова и снова, рождаться, пока не выучишь урок смерти.

Интенсивность смерти так велика, что почти всегда люди теряют сознание. Они не могут смотреть смерти в лицо. В тот момент, когда приходит смерть, ты так боишься, и тебя охватывает такая тревога, что, чтобы избежать ее, ты становишься бессознательным. Почти девяносто девять процентов людей умирают бессознательно. Они упускают свою возможность.

Знать смерть заранее — просто метод, чтобы помочь подготовиться, чтобы, когда приходит смерть, ты был совершенно бдителен и осознан, ожидал, был готов уйти со смертью, был готов сдаться и обнять смерть. Как только ты принимаешь смерти в осознанности, для тебя больше нет рождения — ты выучил урок. Теперь не нужно больше возвращаться в школу. Эта жизнь была просто школой, дисциплиной, и дисциплиной того, чтобы научиться смерти. В этом нет ничего болезненного.

Прежде чем человек умрет, почти за девять месяцев до этого, что-то происходит. Обычно

мы этого не осознаем, потому что мы вообще неосознанны, а это явление очень тонко. Я говорю: «почти девять месяцев», потому что срок может быть разным. Это зависит от многого: важно время между зачатием и рождением. Если ты родился через девять месяцев после зачатия, значит, девять месяцев. Если ты родился через десять месяцев, значит, десять. Если ты родился через семь месяцев — семь. Все зависит от промежутка времени между временем зачатия и рождением.

Точно за такое же время до смерти что-то переключается в центре хары, находящемся в районе пупка. Что-то должно переключиться, потому что между зачатием и рождением был промежуток в девять месяцев. На то, чтобы родиться, тебе потребовалось девять месяцев; точно такое же время потребуется на то, чтобы умереть. Точно так же, как девять месяцев готовился к рождению, ты будешь девять месяцев готовиться к смерти. Тогда круг будет замкнут. Что-то происходит в центре в районе пупка. Те, кто осознает, тут же узнают, что что-то сломалось в центре у пупка; теперь приближается смерть. Примерно через девять месяцев...

Или, например, есть другие знамения и предзнаменования. Человек, прежде чем умереть, примерно за шесть месяцев до смерти мало-помалу теряет способность видеть кончик своего носа, потому что, очень постепенно, глаза начинают закатываться вверх. В смерти они полностью закатываются вверх, но они начинают закатываться, начинают обратное путешествие перед смертью. Это происходит: когда рождается ребенок, требуется почти шесть месяцев, обычно — бывают исключения — ребенку требуется шесть месяцев, чтобы его глаза сфокусировались. До этого у них плавающий фокус. Именно поэтому дети очень легко могут свести глаза к носу или развести в разные стороны. Их глаза еще не жестко сфокусированы. В тот день, когда у ребенка фокусируются глаза... если этот день наступает через шесть месяцев, или девять месяцев, или десять, или двенадцать, тогда точно таким же будет время в смерти. Снова глаза начнут терять фокус и двигаться вверх.

Именно поэтому в Индии в деревнях говорят — должно быть, люди узнали это от йогов — что, прежде чем человек умирает, он перестает видеть кончик носа. Есть много методов, которыми йоги постоянно наблюдают кончик носа. Они концентрируются на нем. Люди, которые на нем концентрируются, однажды внезапно осознают, что не могут видеть носа. Они знают, что приближается смерть.

Согласно физиологии йоги, в человеке есть семь центров. Первый — сексуальные органы, и последний — сахасрара — в голове. Между ними есть еще пять. Когда ты умираешь, то умираешь из определенного центра. Это показывает рост, сделанный тобой за данную жизнь. Обычно люди умирают в сексуальных органах, потому что всю жизнь они прожили вокруг сексуального центра, постоянно думая о сексе, фантазируя о сексе, и вся их деятельность вращалась вокруг секса — как будто вся жизнь центрирована вокруг сексуального центра. Эти люди умирают в сексуальном центре. Если ты немного эволюционировал, достиг любви и вышел за пределы секса, то умрешь из сердечного центра. Если ты эволюционировал полностью, если ты стал сиддхой, то умрешь из сахасрары. Центр, из которого ты умрешь, раскроется, потому что из него будет высвобождена вся жизненная энергия.

В Индии стало символичным, что когда человек умирает и его кладут на погребальный костер, ему разбивают голову. Это просто символично, потому что, если человек достиг предельного, тогда голова расколется сама; но этот человек не достиг. Но мы надеемся и молимся, и разбиваем ему череп. Точка высвобождения раскрывается и становится видимой.

Рано или поздно, когда западная медицинская наука осознает физиологию йоги, это тоже станет частью вскрытия — установить, как человек умер. Теперь медики могут только определить, умер ли он естественно или был отравлен, или убит, или совершил самоубийство... все это обычные вещи. Самого основного в отчете не хватает — как человек умер: из

сексуального центра, из сердечного центра или из сахасрары? Откуда он умер? Есть возможность — и йоги много работали над этим — увидеть это в теле, потому что определенный центр разрушается, словно разбивается яйцо, из которого что-то вылупилось. Определенная деятельность, или движение, точно на вершине головы начинается за три дня до того, как человек умирает. Эти меры могут подготовить тебя к тому, чтобы встретить смерть, и если ты знаешь, как встретить смерть, это великое празднование, огромная радость и наслаждение — почти танец и экстаз — ты не будешь снова рождаться. Твой урок усвоен. Ты научился всему, чему можно научиться здесь, на земле. Теперь ты готов двигаться за пределы, к высшей миссии, к высшей и безграничной жизни. Теперь ты готов к тому, чтобы тебя поглотил космос, целое. Ты это заслужил.

Если ты хочешь чего-то, чего у тебя нет, это желание будет продолжать тебя тревожить, пока не будет исполнено. Если все желания умирают, зачем человеку возвращаться в мир? Но вы возвращаетесь, потому что умираете неудовлетворенными. И это происходит много раз. Вас все еще интересует мирское счастье; все еще есть желания, и они вам кричат: «Куда ты? Вернись!». Никто не посылает вас обратно в этот мир, вы возвращаетесь из-за собственных желаний. Вы возвращаетесь сами; вы путешествуете по мосту собственных желаний. Тело остается позади, но вы возвращаетесь с прежним умом и начинаете все путешествие заново. Вы входите во чрево следующей матери и повторяете ту же процедуру.

Смерть, которая становится средством для следующего рождения — это, фактически, не настоящая смерть. Мистик Кабир называет это «неполной смертью». Это незрелая смерть, не созревшая полностью. Ты еще не вырос. Ты еще не достиг мудрости и не умер зрелой смертью. Мудрость не обязательно наступает вместе со старением. Волосы седеют согласно естественному направлению вещей, но есть огромная разница между тем, чтобы достичь мудрости и просто поседеть. Мудрость достигается, только когда желания старятся и разваливаются, только когда желаний человека больше не существует.

Животные тоже стареют, деревья стареют, и вы тоже однажды состаритесь. Однажды вы тоже умрете. Но человек, желания которого старятся, человек, который знает, что такое желания, человек, желания которого умирают, — это человек, достигший мудрости. Смерть такого человека совершенно другая. Кабир умирает, Будда умирает, и вы тоже умрете, но есть качественная разница между вашей смертью и смертью Кабира, между вашей смертью и смертью Будды.

Кабир говорит, что каждый в этом мире умирает, но никто не умирает правильным и достойным образом. Он говорит, как и все остальные просветленные люди, что умереть — это искусство.

Может быть, вы никогда не думали о смерти таким образом; вы даже не считаете искусством жизнь. Вы живете, как бревно, плывущее по реке, которое тянет туда, куда его несет течением. Ваша жизнь — это трагедия; она еще не стала искусством. Прежде чем совершить какой-то шаг, вы даже не останавливаетесь, чтобы подумать.

Если кто-то тебя спросит: «Почему ты это сделал?», у тебя на самом деле нет ответа. Хотя ты готовишь ответ и даешь его, внутри ты очень хорошо знаешь, что это совершенно не ответ. Ты живешь так, словно пробираешься ощупью в темноте. Твоя жизнь не стала искусством. Именно поэтому до самого конца жизни ты не узнаешь, что такое красота, что такое истина или что такое блаженство. Ты не переживаешь ни одной из этих вещей. Ты чувствуешь себя так, словно прожил всю жизнь, блуждая в пустыне; ты чувствуешь себя так, словно за всю свою жизнь ничего не достиг.

Но это все очень естественно, потому что твоя жизнь не стала произведением искусства. Если бы это было так, ты мог бы сделать из своей жизни прекрасную скульптуру. Ты мог бы придать своей жизни определенную форму; ты мог бы очистить ее, отполировать и придать ей внутренне свойственный ей блеск. Если бы ты сжег в своей жизни весь мусор, то к этому времени достиг бы чистоты золота. Если бы ты отсек весь избыточный камень, каждая конечность статуи была бы сейчас сущим художеством. Ты мог бы создать из своей жизни прекрасную скульптуру, прекрасное произведение искусства. Но нет, несмотря на тот факт, что сделал в своей жизни многие вещи, ты не достиг ничего существенного.

Твоя жизнь — это не искусство; это не искусство, ни в каком смысле — а Кабир говорит,

что даже смерть должна быть полным искусством. Смерть — настолько же искусство, что и жизнь. И смерть — это испытание. Если ты правильно жил, то можешь правильно умереть.

Если ты не жил правильно, то не сможешь правильно умереть. Смерть — это окончательное приношение. Это высочайшее; это корона, венчающая вершину. Смерть — это сущность и цветение жизни. Как может быть правильной твоя смерть, если ты провел неправильно всю жизнь? Как может быть смерть полной смысла, если вся твоя жизнь была пустой растратой? Как может дерево, корни которого прогнили, вырастить сладкий плод? Это невозможно.

В чем тайна искусства жизни? Вот в чем секрет — жить в полной осознанности. Не нащупывай в темноте; не ходи во сне; ходи в осознанности. Что бы ты ни делал, неважно, что это — даже если это так незначительно, как открыть и закрыть глаза, — делай это внимательно, делай это с осознанностью. Кто знает, все может зависеть от этого крошечного движения — от открытия и закрытия глаз. Может быть, идя по дороге, ты увидишь женщину и проживешь с ней всю жизнь! Даже закрывая и открывая глаза, оставайся бдительным.

Будда обычно говорил своим ученикам, при ходьбе не смотреть дальше, чем на четыре фута вперед: «Для ходьбы этого вполне достаточно, — говорил он. — Не нужно смотреть по сторонам и постоянно глазеть во все стороны. Закончив видеть первые четыре фута, ты увидишь перед собой следующие. Этого достаточно; таким образом можно совершить путешествие в тысячи миль. Зачем смотреть по сторонам? Не смотрите постоянно во все стороны». Такое путешествие никогда не кончается.

Если ты изучишь свою жизнь, то сможешь увидеть, что все, что бы в ней ни происходило, было случайно и по стечению обстоятельств. Что-то случилось само собой, и из-за этой случайности изменился весь курс жизни. Ты шел по дороге к храму, например, и тебе улыбнулась женщина. Вместо того чтобы достичь точки назначения, ты оказался в каком-то другом месте. Ты женился на этой женщине; у вас появились дети. Ты тревожился о том, чтобы на ней жениться, и таким образом попался в колесо, которое вращается и вращается. Тебе никогда не приходило в голову, что все это вызвано случайностью, стечением обстоятельств? Если бы ты следовал совету, который Будда давал своим ученикам, может быть, ничего этого не случилось бы.

Чтобы обрести искусство жить, помни это — никогда не действуй в неосознанности, никогда не действуй во сне. Никогда не позволяй ничему случаться самому по себе. Сначала увидь это как следует. Сначала рассмотри это правильно: прежде чем привести что-то в действие, посмотри на это твердо, с осторожностью и мудростью. Делая это, ты найдешь, что твоя жизнь приобретет нового рода красоту, определенную элегантность. Ты станешь как скульптура; ты станешь подобным ситуации, в которой скульптор и скульптура не отделены. Ты сам и скульптор, и статуя, ты сам и камень, и инструмент. Ты — всё и вся.

Живя в осознанности, ты найдешь, что инструмент проделал хорошую работу. Он отсекает бесполезный камень и не позволил остаться ничему, недостойному этого. Инструмент отсекает все лишнее и подошел прямо к сути. И тогда однажды ты найдешь, что достиг храма, что сам стал божественной скульптурой. Ты найдешь, что достиг своего рода красоты, что достиг глубокого сознания.

Если ты остаешься пробужденным и бдительным до самой смерти, ты прожил правильно. И тогда ты сможешь встретить правильным образом и смерть.

В своем стихотворении Кабир говорит: «Смерть, смерть, все постоянно умирает».

Кабир говорит, что каждый в этом мире умирает, что смерть свершается ежедневно, случается в каждое мгновение. Он говорит, что мы со всех сторон окружены морем смерти. Целое постоянно тонет в нем.

«Никто не умирает, как надо».

Никто не умирает правильным образом. Кабир говорит, что никто не умирает в сознании.

Он говорит: «Кабир встретил смерть, чтобы никогда больше не умирать. Это искусство. Это свидетельство того, что смерти больше нет. Если ты что-то один раз делаешь правильно, тебе не придется делать этого снова. Что-то приходится делать снова и снова, если раньше ты не мог сделать это правильно. Существование дает нам возможность за возможностью прожить правильно. Оно не торопится; у него нет недостатка времени. И пока ты продолжаешь делать те же самые ошибки, ты будешь снова выброшен в мир. Ты не будешь пойман в его сети, только когда сможешь вернуться в существование с полным и завершенным опытом жизни.

Ты точно как ребенок, которого снова и снова отправляют в один и тот же класс, пока он не сдаст экзамен. Мы говорим, что ему не позволят перейти в следующий класс, пока он не закончит этого. Обитель любви остается для тебя закрытой таким же образом, пока ты не закончишь жизни.

Искусство жизни состоит в том, чтобы пройти по жизни успешно. И человеку, который проходит жизнь успешно, нечему больше учиться в этом мире. Он научился всему, чему можно научиться таким образом. Он прошел через суровые испытания и огонь страстных желаний и стремлений. Теперь ему открывается дверь в высший класс; теперь его туда допускают. Он научился всему, чему только можно было научиться в этом мире. Поэтому эта дверь, ведущая в этот мир, закрыта для него. Он не может вернуться: «Кабир встретил смерть, чтобы никогда больше не умирать».

Живи таким образом, чтобы никогда больше не было другого рождения, и умри таким образом, чтобы никогда больше не было другой смерти. Если есть рождение, тогда, несомненно, будет и смерть; смерть последует автоматически. Поэтому живи таким образом, чтобы другого рождения не было, — и тогда больше не будет и смерти.

Каждый хочет быть спасенным от смерти. Можно ли найти человека, который не хотел бы спастись от смерти? Тогда почему эти люди не спасаются от смерти? Тебя нельзя спасти от смерти, пока тебя нельзя спасти от рождения. Рождение — это другой конец смерти. Если ты говоришь, что хочешь вечно, снова и снова рождаться, ты говоришь ерунду. Все это означает, что ты не понимаешь самого простого правила арифметики: что рождение — это один полюс жизни, а смерть — другой.

Человеку, который родился, предстоит умереть. То, что началось, должно также и кончиться. Но если конца нет, не может быть и начала. Поэтому, если ты хочешь спастись от конца, никогда не желай начала. Не жажди начала, если хочешь безначального, если хочешь вечного. Просто попытайся спастись от начала.

Даже небольшие опыты жизни помогут в этом усилении. Люди приходят ко мне и говорят: «Мы хотим спастись от того, чтобы чувствовать гнев. Что нам делать?» Я говорю им оставаться бдительными с самого начала. Если гнев уже поймал тебя в свои руки, будет очень трудно, почти невозможно его избежать или от него освободиться. Тебе придется через него пройти. Не имеет значения, быстро ты пройдешь или медленно, но пройти через него придется. На это может потребоваться время, но все, что началось, обязательно в какой-то точке кончится.

Ты хочешь спастись от смерти. Но ты не знаешь даже, когда начинается смерть. Люди думают, что смерть начинается со старостью, когда тело теряет жизненную силу, когда лекарства больше не помогают, или когда врачи оказываются беспомощными. Если ты думаешь

таким образом, то ошибаешься. Тогда тебе придется умирать снова и снова; тогда ты не сможешь понять истины о жизни.

Начало смерти происходит с рождением.

Если ты пойдешь глубже в это явление, то увидишь, что смерть случается одновременно с зачатием. Когда ты рождаешься, ты уже был мертв девять месяцев, потому что эти девять месяцев ты уже прожил в утробе матери. Эти девять месяцев начинаются в момент зачатия и, несомненно, должны быть включенными в путешествие к смерти. Тебе уже девять месяцев возраста к моменту рождения. Такое количество старости уже тебя догнало. Твое рождение, на самом деле, начинается с того момента, как твое существо вошло в утробу матери, и в этот же момент начинается и смерть.

Ты умираешь каждый день. Это не такое событие, которое случается в конце жизни.

Смерть — это не чудо, смерть — это не волшебный трюк. Смерть — это процесс. Ты постепенно умираешь, умираешь мало-помалу каждый день, и придет день, когда этот процесс умирания, прекратится. Смерть — последний шаг в этом процессе. Смерть — это конец начала. И она длится долгое время, около семидесяти лет!

Если хочешь спастись от смерти, спасись от того, чтобы не войти в следующую утробу матери... Если ты не хочешь входить в другую утробу матери, иди глубже и глубже в самого себя. И по мере того, как это делаешь, ты придешь к осознанию, пониманию истинного искусства жизни и смерти; ты придешь к знанию того, что такое на самом деле жизнь и смерть. Если ты не хочешь входить в другую утробу матери, нужно спастись от желаний, от акта желания.

Старик, который умирает — который на пороге смерти, но привязан к жизни, — он скажет: «Если бы только у меня было еще немного времени, то я смог бы исполнить все свои неисполненные желания. Мой дом еще не достроен, а сын еще не женился. Во мне все еще столько желаний, которые я хочу осуществить. Я начал их осуществлять лишь недавно. Справедливо ли это, правильно ли, что меня нужно утащить из мира? Только в последнее время мне удалось организовать все немного лучше. И я планировал небольшой отдых. Теперь, когда дети выросли и начали зарабатывать себе на жизнь, я думал, что смогу посвятить немного времени, поклоняясь Богу, ходя в церковь и поя гимны».

Никто никогда этого не делает. И все же, когда приближается смерть, человек всегда думает: «Если бы у меня было время, я провел бы его, поклоняясь Богу. Кажется несправедливым, что Бог отнимает у меня жизнь, не позволив осуществить желаний».

Это составляет трудность во время смерти. Желания человека не осуществлены полностью, а тело готово его покинуть. И эти незавершенные и неисполненные желания будут тотчас же искать нового рождения. Они должны быть удовлетворены. Ты не можешь освободиться от мира прежде этого. Твое желание получить еще немного жизни, прожить немного дольше становится причиной следующего рождения.

Поэтому пойми хорошо, что начало смерти — это на самом деле даже не утроба матери, оно происходит еще до того, как ты входишь в утробу матери. Эта цепь смерти началась, когда ты пожелал больше жизни во время своей предыдущей смерти. Входя в это явление глубже и глубже, ты найдешь, что желания — это связующие звенья в цепи смертей. Стар ли кто-то или молод, у него есть желания, которые он хочет исполнить, — и это становится причиной серии рождений и смертей. Будда постоянно говорил: «Будь свободен от желаний, и ты освободишься от сансары, освободишься от мира».

Таким образом, никогда не поощряй желаний. Будь счастлив с тем, что у тебя есть, и будь удовлетворен тем, кто ты такой. Тогда для тебя не будет другого рождения. Ты должен быть удовлетворенным — как будто достиг своей цели; как будто больше не нужно продолжать

никакого путешествия; как будто идти больше некуда. Неважно, что тобой достигнуто, этого должно быть более чем достаточно. Не должно быть вообще никакой мысли о том, чтобы достичь чего-то большего, чем у тебя уже есть.

Если это случается с тобой, - как ты родишься снова? Ты умрешь полностью удовлетворенным. А у человека, который умирает полностью удовлетворенным, нет причины, чтобы снова возвращаться в мир. Такой человек познал искусство смерти. Человек, который умирает в «безжеланности», знает искусство смерти.

Достигнув этой мудрости, став осуществленным, Кабир умирает. Он умирает, познав реальность, познав истину. А ты умираешь, вообще ничего не узнав. Ты умираешь без удовлетворения, без пробужденности и без мудрости. Состарившись, ты умираешь; достигнув мудрости, умирает просветленный. Именно это говорит Кабир. Ты умираешь в состоянии беспомощности, плача о том, чтобы кто-то тебе помог, плача о докторах и лекарствах.

Человек умирает, но не хочет умирать. Он умирает, потому что он беспомощен. Ты пытаешься совершать множество трюков, чтобы не умирать. Ты веришь в ложные заверения, которые дают тебе астрологи и так называемые святые люди. Некоторые люди даже носят амулеты в попытке спастись от смерти. Вы пытаетесь делать все возможные вещи, чтобы спастись.

Состариться — не значит стать мудрым. Достижение мудрости означает, что ты осознал, что нет ничего, чего стоило бы достигать в этой жизни, и нет ничего, что стоило бы спасать. Достижение мудрости означает, что ты исследовал все свои желания и нашел, что в них нет ничего существенного. Ты занимался любовью и нашел, что это не более чем похоть; ты нашел, что природа просто использует тебя как средство для воспроизведения вида. Ты заработал деньги и нашел, что хотя это и считается ценным в обществе, это не что иное, как грязные куски бумаги. Ты достиг высокого положения, и сотни тысяч смотрят на тебя снизу вверх с благоговением и уважением, но ты осознаешь, что твое положение не принесло тебе никакой удовлетворенности, что твой ум остался неудовлетворенным.

Ты исследовал высоты эго и нашел, что и там тоже нельзя найти ничего, кроме посредственности и мелочности. Ты жил во дворцах, но твоя внутренняя бедность не исчезла.

Может быть, ты заработал все, что только возможно, достиг всего, что только возможно, но лишь тогда, когда ты осознаешь, что все это приобретение — на самом деле ничто, кроме потери, ты становишься мудрым человеком. Лишь тогда ты осознаешь, что в жизни нет ничего, что стоило бы достигать. Несмотря на тот факт, что ты исследовал каждый уголок и каждую трещинку, ты нашел, что в твоей жизни нет ничего существенного.

Ты учишься этому из собственного огромного опыта. Не слушая кого-то, не читая слова Кабира и не слушая меня, ты осознаешь, что вся эта игра жизни играется в невежестве — ты это осознаешь путем собственных проб и ошибок и посредством собственного опыта.

В этом мире нет никакого места для просветленного человека. Здесь просветленному человеку делать нечего. Этот мир — детская игрушка, дети с ней играют, дети ею поглощены. Став просветленным, ты будешь смеяться; тогда ты увидишь, что это просто игрушка. Тогда ты узнаешь. Тогда ты просветлен. И в то мгновение, когда ты это осознаешь, цепь желаний разрушена.

Во время смерти ты делаешь все, что в твоих силах, чтобы спастись. Ты в ужасе, ты дрожишь. Ты — океан страха и возбуждения. Тебя тащит в смерть; ты не хочешь, чтобы твоя жизненная сила покидала тело. Ты цепляешься за тело, как только можешь, и тебя отделяют от него насильно. Ты умираешь, рыдая; ты умираешь в боли. Ты умираешь побежденным, в полной беспомощности.

Сядь рядом с человеком, который умирает, и посмотри, какие лихорадочные усилия он

совершает, чтобы уцепиться за жизнь. Сделай это, потому что, может быть, ты не будешь достаточно сознательным, чтобы увидеть все это во время собственной смерти. Умиравший человек пытается схватиться за любую соломинку, чтобы остаться в живых немного дольше, чтобы остаться на этом берегу немного больше. Пришел зов двигаться на другой берег — на берегу тебя ждет лодка, тебя подзывает лодочник, прося поторопиться, говоря: «Пришло твое время», спрашивая: «Почему ты все еще цепляешься за этот берег?»

Ты говоришь: «Пожалуйста, обожди еще мгновение. Позволь мне еще немного счастья! У меня всю жизнь его вообще не было». Ты был несчастлив всю жизнь, и все же хочешь прожить еще одно мгновение в надежде достичь счастья... Это трагедия.

Ты умираешь неудовлетворенным и жаждущим. Ты пил из многих источников, но твоя жажда не утолена. Твой голод был неутолим, тебе не удалось удовлетворить своих вкусов, и твои желания остались такими же, что и были. Хотя ты и пережил все возможные опыты, твои желания остались прежними. Они продолжают тебя беспокоить даже в момент смерти. Такого рода смерть — смерть невежественного и глупого человека.

Если же после того, как ты пережил все возможные опыты, желания начинают исчезать, и ты начинаешь смеяться — если ты осознаешь, что пытаться выжать счастье из этой жизни все равно, что пытаться выжать масло из камня... Если ты видишь, что в этой жизни не может быть никаких подлинных отношений, и что нет способа добиться в этой жизни счастья... Если ты видишь, что бродил впустую, что путешествовал во сне... Если ты осознаешь все это, тогда ты становишься мудрым человеком. Стань мудрым до смерти. Ты уже умирал столько раз!

Когда за тобой придет смерть и постучит в двери, иди в нее с полным сознанием. Сопровождай смерть так, как это сделал бы просветленный. Не продолжай плакать, рыдать и вопить, как ребенок, у которого отобрали игрушку. Не будь ребенком во время смерти.

Умри с улыбкой на лице.

Скажи смерти: «Добро пожаловать. Я к тебе готов».

И когда ты это говоришь, не должно оставаться ни тени сожаления. По сути, если ты действительно знал жизнь, в твоём голосе будет блаженство и экстаз — и ни малейшего страдания.

Певец-новичок пришел в город, который в основном населяли музыканты. Весь город собрался, чтобы послушать новоприбывшего музыканта. Он был совсем новичок, только начинающий. Он едва ли знал даже азы музыки, и все же у него была привычка посещать места, в которых никто ничего не знал о музыке, и его скудное знание всегда считалось великим. Но в этом городе были знатоки; классическая музыка была у них в крови.

Едва он пропел первую ноту, как все закричали:

— Еще раз! Еще раз!

Он понял неправильно. Он подумал: «Какие милые эти люди! Они действительно великие любители музыки! Они совершенно такие, как мне о них говорили».

И он пропел еще раз, и весь зал закричал снова:

— Еще раз!

И он продолжал, повторил семь или восемь раз. Тогда у него заболело горло, и он устал. В конце концов, он сказал:

— Друзья, я глубоко тронут вашей любовью, но, пожалуйста, извините меня. Я больше не могу! Мой голос вот-вот сорвется.

И тогда вся аудитория закричала:

— Тебе придется продолжать петь, пока ты не сможешь спеть правильно!

Все это время новичок думал, что крики: «Еще раз!» восхваляли его пение. Но эти люди были знатоками.

— Если у тебя сорвется голос, — закричали они, — пусть срывается, но тебе придется продолжать петь, пока ты не споешь правильно!

Тебя раз за разом выносит обратно в сансару, в этот мир, но не думай, что это потому, что ты так важен, или потому, что ты имеешь большую ценность. Тот факт, что тебя посылают обратно, — это послание существования, что тебе придется продолжать петь, пока ты не научишься петь песню жизни правильно. Ты нуждаешься в этой практике и повторении, потому что всегда возвращаешься к ним, не став законченным. Существование не признает незаконченных вещей; им признается только законченное.

Человек, который познал истину жизни, будет наполнен радостью от прихода смерти, потому что вскоре освободится от запутанности в сансаре, от запутанности в этом мире. Вскоре это бесполезное продолжение закончится; вскоре эта детская игрушка будет отложена в сторону.

Этот человек достоин того, чтобы путешествовать в то место, откуда нет возврата.

Есть ли жизнь после смерти?

Это неправильный вопрос, неправильный в своей основе. Никогда не нужно забегать вперед самого себя: очень возможно, что ты споткнешься и упадешь. Человек должен задать вопрос по делу, человек должен начинать с самого начала. Вот мое предложение: задай вопрос, более близкий к делу.

Например, ты можешь спросить: «Есть ли жизнь после рождения?» Это будет ближе к делу, потому что рождаются многие-люди, но у очень немногих есть жизнь. Ты не живешь только потому, что родился. Ты существуешь, несомненно, но жизнь — больше, чем просто существование. Ты рождаешься, но пока ты не родишься заново в свое существо, ты не живешь, никогда не живешь.

Рождение необходимо, но недостаточно. Нужно нечто большее, иначе человек просто ведет растительное существование и просто умирает. Конечно, это очень постепенная смерть — ты так неосознан, что никогда ее не знаешь, никогда ее не осознаешь. От рождения до смерти... долгий прогресс смерти. Очень редко можно встретить живого человека. Будда, Иисус, Кабир — они живы. И это чудо: те, кто жив, никогда не задают вопроса: «Есть ли жизнь после смерти?». Они это знают. Они знают, что такое жизнь, и в этом знании смерть исчезает. Как только ты знаешь, что такое жизнь, смерть не существует. Смерть существует только потому, что ты не знаешь, что такое жизнь, потому что ты еще не осознаешь жизни, ее бессмертия. Ты не коснулся жизни, поэтому существует страх смерти. Как только ты узнаешь, что такое жизнь, в это самое мгновение смерть становится несуществующей.

Внеси свет в темную комнату, и темнота исчезает; узнай жизнь, и смерть исчезает. Человек, который действительно жив, просто смеется над самой возможностью смерти. Смерть невозможна; смерть не может существовать по самой природе вещей; то, что есть, останется, оставалось всегда. Это то, что не может исчезнуть. Но не теоретически; тебе придется пережить это экзистенциально.

Обычно этот вопрос остается в уме, задаешь ты его или нет, вопрос: «Что происходит после смерти?» — потому что до смерти ничего не произошло, вот откуда этот вопрос. Поскольку жизни не случилось даже после рождения, как ты можешь верить и доверять, что жизнь случится после смерти? Ее не случилось после рождения, как она может случиться после смерти? И тот, кто знает жизнь, знает также, что смерть — это другое рождение и ничего больше. Смерть есть другое рождение; открывается новая дверь. Смерть — другая сторона той же самой двери, которую вы называете рождением: с одной стороны, эта дверь известна как смерть, с другой — как рождение.

Смерть приносит другое рождение, другое начало, другое путешествие — но все это будет для тебя только рассуждениями. Это будет мало значить, пока ты не знаешь, что такое жизнь. Именно поэтому я говорю: задай правильный вопрос. На неправильный вопрос ответить нельзя, а если и можно, то только неправильно. Неправильный вопрос предполагает неправильный ответ. Я здесь не для того, чтобы помочь вам что-то узнать, не для того, чтобы помочь вам стать великими мыслителями, логиками. Целью является опыт, не философствование — и только опыт решает эту головоломку.

Ты родился, но еще не родился по-настоящему. Нужно второе рождение; тебе предстоит быть рожденным дважды. Первое рождение только физическое, второе — настоящее — духовное рождение. Ты должен прийти к тому, чтобы узнать самого себя, узнать, кто ты такой.

Ты должен задать правильный вопрос: кто я такой? И пока есть жизнь, почему не спросить этого у самой жизни? Зачем беспокоиться о смерти? Когда она придет, ты можешь столкнуться с ней лицом к лицу и узнать ее. Не упускай эту возможность узнать жизнь, пока жизнь окружает тебя.

Если ты узнал жизнь, ты, несомненно, узнаешь и смерть — и тогда смерть не будет врагом, смерть будет другом. Тогда смерть не более чем глубокий сон. Снова приходит утро, и все начинается снова. Тогда смерть не более чем отдых — великий отдых, нужный отдых. После всей жизни труда и усталости человеку нужен большой отдых. В смерти он возвращается к источнику, точно как во сне.

Каждую ночь ты умираешь небольшой смертью. Ты называешь это сном; было бы лучше называть это небольшой смертью. Ты исчезаешь с поверхности, движешься в свое глубочайшее существо. Ты теряешься, ты не знаешь, кто ты такой. Ты забываешь все о мире, об отношениях, о людях. Ты умираешь небольшой смертью, крошечной смертью, но даже эта крошечная смерть оживляет тебя. Утром ты снова полон сил и энергии, снова пульсируешь жизнью, снова готов прыгать в тысячу и одно приключение, готов принять вызов. К вечеру ты снова устанешь.

Это происходит ежедневно. Ты даже еще не узнал, что такое сон; как тебе узнать смерть? Смерть — это великий сон, великий отдых после всей жизни. Она воссоздает тебя заново, делает тебя свежим, воскрешает.

Существует ли на самом деле ад?

Я слышал одну историю.

Атеист спросил у священника... потому что священник в тот день сказал в проповеди, что люди, которые верят в Бога и совершают добродетельные поступки, попадают в рай, а те, кто не верит в Бога, грешники — в ад. Атеист поднял руку и сказал:

— Господин, тогда нужно решить один вопрос. Что происходит с теми людьми, которые не верят в Бога и все же совершают добродетельные поступки: куда попадут они? И что происходит с людьми, которые верят в Бога и совершают грехи: куда попадут они?

Священник, естественно, растерялся. Если сказать, что добродетельные люди попадут в ад только потому, что не верят в Бога, это кажется неправильным. Какой тогда смысл быть добродетельным? Тогда нужно просто верить в Бога и наслаждаться всеми грехами, которые только возможны. Зачем беспокоиться о том, чтобы быть добродетельным? Если он скажет, что в рай попадут люди, которые верят в Бога и все же совершают грехи, тогда достаточно просто верования. Тогда Бога не интересует, что ты делаешь, его не интересуют твои действия. Ты можешь убивать, ты можешь быть Чингиз-ханом или Адольфом Гитлером, если при этом веришь в Бога.

А Адольф Гитлер верил в Бога, помните, и Чингиз-хан верил в Бога, помните: прежде чем зверски убить тысячи людей, каждое утро он читал Коран. Первым, что он делал, был намаз, молитва, и затем он совершал всевозможные уродливые вещи, невообразимые зверства.

Священник, наверное, был очень чувствительным человеком, бдительным. Он сказал:

— Пожалуйста, дай мне время. Это трудный вопрос, это непросто. Я отвечу в следующее воскресенье.

Для священника эти семь дней были настоящим адом; как он ни пытался, ничего не получалось. Наступило воскресенье, и он знал, что атеист придет за ответом, но не явиться самому было бы унижительно. И он пришел немного раньше и помолился Иисусу Христу:

— Помоги мне! Я твой слуга, я говорил от твоего имени. Теперь помоги мне — дай намек. Этот человек создает такие трудности!

Молясь Христу — семь дней он не спал, думая ночами напролет, думая целыми днями, — он заснул перед статуей Христа, и ему приснился сон. Во сне он увидел поезд, готовый отправиться в рай. Он вскочил в него. Он сказал:

— Это очень хорошо. Почему бы мне не съездить туда самому и не увидеть своими собственными глазами? Если я увижу в раю Адольфа Гитлера, Чингиз-хана и Тамерлана, вопрос будет решен. Или, если я увижу Сократа, который не верил в Бога, но был одним из самых добродетельных людей, если увижу Гаутаму Будду, который не верил в Бога, но был одним из самых богоподобных людей, которые только ходили по Земле, вопрос будет решен.

Он поспешил на поезд, и поезд тронулся. Он достиг рая. Он был немного удивлен, озадачен, потому что рай выглядел совсем не по-райски; он был очень унылым, печальным и тусклым — никакой радости, ничего солнечного, никакой песни. Он столько слышал об ангелах, которые все время играют на арфах, поют и танцуют. Никаких арф, никакого пения, никаких танцев. Лишь несколько глупо выглядящих святых под пыльными деревьями.

Он навел справки — он подошел к начальнику вокзала и спросил:

— Нет ли какой-нибудь ошибки? Это действительно рай?

— Да, это рай, — ответил тот, — никакой ошибки нет.

— Но это больше похоже на ад! — сказал священник. — Идет ли какой-нибудь поезд в ад? Потому что я хотел бы увидеть и ад, чтобы можно было сравнить.

Ему забронировали место, и он отправился в ад — и был удивлен еще более чем при виде рая. Там было радостно, там играла музыка и пелись песни — все было солнечным и ярким. Люди работали, у них в глазах был свет. Никакого дьявола, никакого адского огня, никто никого не мучит — ничего подобного. И он сказал:

— Это больше похоже на рай! И начальник вокзала ответил:

— Да, действительно, похоже, но прежде все было очень похоже на то, как описывают твои священные писания. Но с тех пор, как здесь оказались Будда, Махавира и Сократ, все преобразилось.

Все зависит от тебя. Ад — как и рай — это не часть географии, это часть твоей психологии. Ты создаешь свой собственный ад, ты создаешь свой собственный рай. И это не в будущем. Здесь и сейчас кто-то живет в раю, а кто-то в аду — и они, может быть, сидят рядом, может быть, они друзья.

Не беспокойся о рае и аде; это только твои состояния. Если ты живешь в уме, ты живешь в аду. Если ты живешь в не-уме, ты живешь в раю.

Если Бог хороший, почему существует смерть?

Ты видишь, как кто-то умирает, и тут же, согласно аристотелевскому уму, возникает проблема: если Бог хороший, откуда смерть? Если Бог хороший, откуда бедность? Если Бог хороший, откуда рак? Если Бог хороший, тогда хорошим должно быть все. Иначе возникает сомнение: никакого Бога быть не может. Или, если он есть, он не может быть хорошим. Как можно называть «Богом» бога, который даже не хорош? Веками христианская теология разрабатывала эту проблему; как это объяснить? Но это невозможно — невозможно с аристотелевским умом. Ты можешь этого избежать, но не можешь совершенно рассеять, потому что этот вопрос возникает из самой структуры ума.

На Востоке мы говорим, что Бог не хороший и не плохой, и все, что бы ни происходило, происходит. В этом нет никакой моральной ценности; нельзя называть это ни хорошим, ни плохим. Ты так все называешь, потому что у тебя определенного рода ум. Именно по отношению к твоему уму что-то становится хорошим, а что-то плохим.

Посмотрите... Родился Адольф Гитлер; если бы мать убила Адольфа Гитлера, это было бы хорошо или плохо? Теперь мы видим, что если бы мать убила Адольфа Гитлера, это было бы очень хорошо для мира. Миллионы людей были убиты; было бы лучше убить одного. Но если бы мать Адольфа Гитлера убила его, ее наказали бы ужасно. Ей могли бы вынести смертный приговор, ее могло бы расстрелять правительство, суд или полиция. Никто не сказал бы, что правительство ошибается, потому что убивать ребенка — грех. Но видите ли вы, что из этого вытекает?

Все, что мы называем хорошим, - хорошо, согласно определенному узкому уму.

Все, что мы называем плохим, - плохо, согласно определенному узкому уму.

Если я отброшу верования, за что мне тогда держаться перед лицом смерти?

Когда смерть постучится в двери, ты узнаешь, что все верования исчезли. Верование в бессмертие души не поможет, когда смерть постучится в двери, — ты будешь плакать и рыдать, ты будешь цепляться за жизнь.

Когда придет смерть, ты забудешь все о Боге; когда придет смерть, ты не сможешь вспомнить теорию — и ее сложные коннотации — о реинкарнации. Когда смерть сшибает тебя с ног, она сшибает с ног всю структуру знания, которую ты построил вокруг себя, — она оставляет тебя абсолютно пустым и с осознанностью, что вся жизнь была пустой растратой.

Мудрость — это совершенно другое явление: это опыт, не верование. Это экзистенциальный опыт, это не знание извне. Ты не веришь в Бога — ты знаешь. Ты не веришь в бессмертие души — ты его испытал. Ты не веришь в реинкарнацию — ты помнишь ее; ты помнишь, что был здесь много раз. И если так было в прошлом, так будет и в будущем.

Ты помнишь, что был во многих телах: ты был скалой, ты был деревом, ты был животными, птицами, ты был мужчиной, женщиной. Ты жил во множестве форм. Ты видишь, что формы меняются, но внутреннее сознание остается прежним; поэтому ты видишь только поверхностные изменения, но существенное - вечно.

Это видение, не верование. И все настоящие мастера заинтересованы в том, чтобы помочь вам увидеть, не поверить. Мудрость возникает внутри вас, это не священное писание. Вы начинаете читать свое собственное сознание.

Мне кажется, христианская концепция души — то же самое, что ты подразумеваешь под настоящим существом, тем, кто наблюдает. Почему Иисус не говорил о возможности реинкарнации души? Кажется, в этом разница между восточными и западными религиями. Не мог бы ты что-нибудь об этом сказать?

Иисус прекрасно знал о реинкарнации.

Косвенные указания на нее распространены по всем евангелиям. Только вчера я говорил, цитируя Иисуса: «Я был раньше Авраама». И Иисус говорит: «Я вернусь».

В его словах есть тысяча и одно косвенное указание на реинкарнацию. Он прекрасно знал, но была какая-то другая причина тому, что он не говорил о ней, не проповедовал ее.

Иисус был в Индии и видел, что случилось из-за теории реинкарнации. В Индии этой теории учили почти за пять тысяч лет до Иисуса. И это правда, это не только теория; теория основана на истине. Человек проживает миллионы жизней. Этому учили Махавира, Будда, Кришна, Рама; все индийские религии с этим соглашаются. Вы удивитесь, узнав об этом: они не соглашаются ни в чем, кроме этой теории.

Индуисты верят в Бога и душу. Джайны вообще не верят в Бога, только в душу. А буддисты

не верят ни в Бога, ни в душу. Но относительно реинкарнации все три религии соглашаются — соглашаются даже буддисты, которые не верят в душу. Очень странно... кто же тогда реинкарнирует? Даже они не могут отрицать явления реинкарнации, хотя и отрицают существование души; они говорят, что души не существует, но реинкарнация существует. И им очень трудно доказать реинкарнацию без души; кажется, это почти невозможно. Но они нашли способ — конечно, очень тонкий способ и очень трудный для понимания, но они кажутся ближе, ближе всех к истине.

Легко понять, что есть душа, и когда ты умираешь, тело остается на земле, а душа входит в другое тело, в другое материнское чрево; это простая, логичная, математическая вещь. Но Будда говорит, что никакой души нет, есть только континуум. Это все равно, что вечером зажечь свечу, а утром, задувая ее, спросить: «Тот ли это самый свет, который я зажег вечером?» Нет, свет не тот же самый, и все же есть континуум. Вечером, когда ты зажег свечу... этой свечи больше нет, пламя постоянно исчезает; его заменяет другое пламя. Эта замена так быстра, что ты не видишь промежутков, но при помощи чувствительных научных приборов возможно увидеть промежутки: одно пламя исчезает, другое приходит; одно уходит, другое возникает. Обязательно есть небольшие промежутки, но их не видно невооруженным глазом.

Будда говорит, что точно как пламя свечи не остается прежним — оно постоянно меняется, хотя в другом смысле оно остается прежним, потому что это тот же континуум, — точно таким же образом, в тебе нет сущности души как вещи, но есть как пламя. Она постоянно меняется; это река.

Будда не верит в существительные, он верит только в глаголы, и я полностью согласен с ним. Он подошел к истине ближе всего; по крайней мере, его выражение — самое глубокое.

Но почему Иисус, Моисей, Мухаммед — источники всех трех религий, рожденных вне Индии, — не говорят о реинкарнации прямо? По определенной причине, и причина эта в том, что Моисей осознал... потому что Египет и Индия были в постоянном контакте. Подозревают, что когда-то Африка была частью Азии, и континент постепенно отодвигался. Индия и Египет были соединены, поэтому между ними так много общего. И нет ничего странного в том, что население Южной Индии чернокожее; в их жилах часть негритянской крови, они негроиды — не полностью, но если Африка была соединена с Азией, тогда, несомненно, случилось смешение ариев с негроидами, и южная Индия стала чернокожей.

Моисей, наверное, очень хорошо знал Индию. Вы удивитесь, но Кашмир утверждает, что в нем похоронены и Иисус, и Мухаммед. Есть могилы, могила Моисея и могила Иисуса... Они увидели, что случилось с Индией из-за теории реинкарнации.

Из-за теории реинкарнации Индия стала очень летаргической; нет никакой спешки. В Индии нет никакого чувства времени, даже теперь. Хотя каждый носит часы на руке, никакого чувства времени нет, даже сейчас. Если кто-то говорит: «Я приду и встречу с тобой в пять часов», — это может значить что угодно. Он может явиться в четыре, он может явиться в шесть, он может вообще не явиться! — ...и это не принимается всерьез. Это не воспринимается так, словно он не выполнил своего обещания, — нет никакого чувства времени! Как можно иметь чувство времени, если доступна целая вечность? Если жизнью так много, куда торопиться? Человек может идти очень медленно; он обязательно, в тот или другой день, достигнет цели.

Теория реинкарнации сделала Индию очень летаргической, вялой. Она сделала Индию совершенно не осознающей времени. Она помогла людям откладывать. Если ты откладываешь на завтра, сегодня останется таким же, как и когда ты родился; завтра никогда не приходит. А Индия умеет откладывать не только на завтра, но даже и на следующую жизнь.

И Моисей, и Иисус были в Индии, и оба хорошо ее знали. Мухаммед никогда не посещал Индию, но прекрасно ее знал, потому что был очень близко к Индии, и между Индией и

Аравией была постоянная связь. Они решили, что лучше говорить людям: «Есть только одна жизнь, это последний шанс — первый и последний — и если ты его упустишь, то упустишь навсегда». Это средство к тому, чтобы создать интенсивную жажду, чтобы создать в людях такую интенсивность, чтобы они легко могли быть трансформированными.

Но возникает вопрос: не осознавали ли этого Махавира, Будда и Кришна? Не осознавали ли они, что эта теория реинкарнации создаст летаргию? Они пытались использовать совершенно другого рода средство. И у каждого средства есть свое время; как только оно использовано... его нельзя использовать всегда. Люди к нему привыкают. Когда Будда, Махавира и Кришна пытались использовать средство реинкарнации, они подходили под совершенно другим углом.

Индия в те времена была очень богатой страной. Она считалась золотой страной мира, самой процветающей. А в богатой стране настоящая проблема, величайшая проблема — это скука. Именно это происходит сейчас на Западе. Теперь в такой же ситуации оказалась Америка, и скука стала ее величайшей проблемой. Людям совершенно скучно, настолько скучно, что хочется умереть.

Кришна, Махавира и Будда использовали эту ситуацию. Они сказали людям:

— Это ничто, скука одной жизни — это ничто. Вы жили много жизней, и помните, если вы не будете слушать, то будете жить еще больше жизней; вам будет скучно снова и снова. Это движение одного и того же колеса рождения и смерти.

Они раскрасили скуку в такие мрачные цвета, люди, которым уже было скучно от одной жизни, действительно глубоко вовлекались в религию. Человек должен избавиться от жизни и смерти; человек должен избавиться от этого колеса, этого порочного колеса рождения и смерти. Поэтому это было важно в то время.

Потом Индия стала бедной. Как только страна становится бедной, скука исчезает. Бедному человеку ни когда не скучно, помните; только богатый человек может позволить себе скуку, это привилегия богатого человека. Бедному человеку чувствовать скуку невозможно; у него нет на нее времени. Весь день он работает, и когда он приходит домой, он так устает, что падает и засыпает. Ему не нужно много развлечений: телевизоры, фильмы, музыка, искусство и музеи — ему не нужны все эти вещи, он не может их иметь. Его единственное развлечение — это секс: естественная вещь, встроенная. Именно поэтому бедные страны продолжают производить больше детей, чем богатые, — единственное развлечение.

Если вы хотите сократить население бедных стран, дайте им больше развлечений. Дайте им телевизоры дайте им радио, кино — что-то, что отвлекало бы их от секса.

Я слышал об американских парах, что они настолько одержимы телевизором, что продолжают смотреть телевизор, даже занимаясь любовью. Любовь становится вторичной, первичным становится телевизор. Они не хотят пропускать передачу.

Бедная страна знает только одно развлечение, потому что не может себе позволить ничего другого; она может себе позволить только естественные, встроенные. Поэтому бедная страна продолжает производить людей; она становится более и более переполненной. И им не надоедает жизнь. Какая у них жизнь? Чтобы жизнь надоела, сначала нужно, чтобы она была. Чтобы пресытиться жизнью, нужно иметь деньги. Чтобы надоели женщины, нужно, чтобы они были. Чтобы покончить с миром, нужно иметь много его опытов.

В тот момент, когда Индия стала бедной, теория реинкарнации превратилась в бегство, надежду — из скуки она стала надеждой, возможностью откладывать. «Я беден в этой жизни. Не о чем беспокоиться; жизнью много. В следующей жизни я буду бороться немного больше и буду богаче. В этой жизни у меня есть только уродливая женщина. Не о чем беспокоиться, это только вопрос одной жизни. В следующий раз я не сделаю такую же ошибку. В этот раз я страдаю от прошлых карм. В этой жизни я не буду совершать никаких неправильных вещей и

буду наслаждаться следующей жизнью». Это становится откладыванием.

Иисус увидел это — то средство больше не работает таким образом, каким должно. Ситуация изменилась. Теперь Иисус должен создать другое средство: есть только одна жизнь — поэтому, если ты хочешь быть религиозным, если хочешь медитировать, если хочешь быть искателем, будь прямо сейчас — потому что завтра ненадежно. Завтра может не быть.

Поэтому Запад стал слишком осознающим время; каждый спешит. Эта спешка — из-за христианства. Средство снова потерпело поражение. Никакое средство не может работать вечно.

Мой собственный опыт состоит в том, что определенное средство работает, только пока Мастер жив, потому что он его одухотворяет; он управляет им таким образом, что оно работает; как только Мастер уходит, средство теряет полезность, или люди начинают находить ему новые интерпретации.

Теперь на Западе это средство потерпело полное поражение; теперь оно стало проблемой. Люди живут в постоянной спешке, напряжении, тревоге, потому что есть только одна жизнь. Иисус хотел, чтобы они помнили: так как есть только одна жизнь, помните Бога. А что они делают? Видя, что есть только одна жизнь, они хотят пить, есть и веселиться, потому что никакой другой жизни нет. Поэтому потакай себе, как только возможно. Выжми из жизни весь сок прямо сейчас! И кого волнует, что случится в Судный День? Кто знает, будет ли вообще Судный День?

На Западе во всем возникла огромная спешка, потому что никакой другой жизни нет.

Мэри и Джон живут в большом многоквартирном доме в Нью-Йорке. Однажды они встречаются и тут же влюбляются друг в друга, но не устанавливают ни какого контакта. Это продолжается шесть месяцев, когда Джон, наконец, не может выносить напряжения, приглашает ее к себе домой. Нерешительно она соглашается, и вскоре они добираются до его дома, закрывают дверь, спешат в спальню и бросаются на кровать.

Через несколько минут Джон объясняет хриплым голосом:

— Послушай, мне очень жаль, но если бы я знал, что ты девственница, я подождал бы еще немного.

Мария отвечает:

— Ладно, если бы я знала, что у тебя есть больше времени, то сняла бы трусы!

Такая спешка! Скорость — это мания, быстрее и быстрее. Никто не заботится о том, куда движется, но ты должен двигаться быстро; изобретай более быстрые средства передвижения.

И все это случилось из-за этого средства. Оно работало во времена Иисуса. Он постоянно говорил своим людям: «Остерегайтесь! Судный День очень близок. Вы увидите конец мира при своей собственной жизни, и никакой другой жизни нет. И если вы ее упустите, то будете брошены в ад навечно!» Он просто создавал психологическую атмосферу. Она работала, пока он был жив, и работала еще несколько дней после того, когда его не стало. Это продолжало работать несколько дней из-за ближайших учеников, в которых было что-то от климата Иисуса, какая-то аура, но потом это создало прямо противоположный эффект.

Это создало самую нерелигиозную цивилизацию, которую только знал мир. А желание было в том, чтобы сделать людей настолько бдительными и осознанными, чтобы они искали божественности и отбросили все свои желания и другие занятия. Вся их жизнь должна быть единоплавленным поиском, исследованием, потому что никакой другой жизни нет, есть только одна жизнь — наслаждайся ею, как только можешь! Наслаждайся ею, не откладывай ее на завтра.

Индийское средство потерпело поражение, потому что люди впали в летаргию. Оно

работало при Будде. Он действительно создал одно из величайших движений в мире. Тысячи людей отrekliсь от своих жизней, стали санньясинами. Это означало, что они посвятили всю энергию поиску истины, потому что он создал такую атмосферу скуки, что скучно было бы это упустить.

Но то, что случилось позднее, было прямо противоположно. Так бывает и будет всегда. Мастеров обязательно понимают неправильно. И люди так коварны, так дипломатичны, что всегда могут найти способы разрушить все средства.

Иисус прекрасно знает, что жизнь вечна, и реинкарнация — это факт. Он упоминает это косвенными путями, может быть, упоминает это со своими самыми близкими учениками, но не говорит массам — по одной простой причине: он видел, что это потерпело поражение в Индии, нужно попробовать что-то другое.

Ты говоришь, что Будда не говорил о Боге, потому что его нельзя доказать. Все же, он тут же, не переводя дыхания, говорит о других жизнях, о реинкарнации. Как, это вписывается в научный факт?

Будда говорит, что души нет. Что же тогда остается после смерти? Что такое реинкарнация? Я смутно понимаю, что то, что остается, может быть бесформенным, но может ли у этого быть индивидуальная сущность? Одна и та же волна не рождается дважды.

Этот вопрос очень значителен. Это один из самых важных вкладов Будды в человеческое сознание: идея не-сущности. Это очень сложно. Вам придется быть очень молчаливо бдительными, чтобы ее понять, потому что она идет против всех образцов, в которых вы были обусловлены.

Сначала несколько аналогий, чтобы у вас было определенное представление о том, что он подразумевает под не-сущностью. Твое тело — это мешок из кожи. Кожа определяет тело; она определяет, где кончаешься ты, и начинается мир. Это окружающая тебя демаркационная линия. Она защищает тебя от мира, отделяет тебя от мира и оставляет открытыми только определенные, точки, из которых ты можешь выйти в мир или позволить миру войти в тебя. Если кожи нет, ты не можешь существовать. Ты теряешь границы между собой и всем, что тебя окружает. Но ты — не твоя кожа. Кожа постоянно меняется.

Это точно как змея, которая продолжает снова и снова выбираться из старой кожи. Ты тоже много раз выбираешься из старой кожи. Если спросить физиологов, они скажут: «Если человек живет семьдесят лет, он полностью сменяет кожу около десяти раз». Но этот процесс очень медленный, поэтому ты его никогда не осознаешь. В каждый момент меняется такая крошечная часть, что ты не можешь этого почувствовать; твои чувства недостаточно тонки. Перемены очень тонки. Кожа постоянно меняется, и ты продолжаешь думать внутри себя, что это твое тело, то же самое тело. Это не то же самое тело; это континуум.

Когда ты был в утробе матери, в первый день ты был только маленькой клеткой, невидимой вооруженным глазом. Тогда это была твоя кожа, это было твое тело. Потом ты начал расти. Через девять месяцев ты родился — и тогда твое тело было совершенно другим. Если бы внезапно ты столкнулся с самим собой, когда тебе был всего один день, когда ты только что родился, то не узнал бы себя. Ты так изменился. Но все же ты считаешь себя прежним. В определенном смысле ты остался прежним, потому что остался той же продолжительностью. В определенном смысле, ты больше не тот же, потому что постоянно меняешься.

Таким же образом, точно как и кожа — эго. Кожа удерживает твое тело в определенном образце, в определении, в определенных пределах. Эго удерживает в определенных пределах

содержимое твоего ума. Эго — это внутренняя кожа, которая позволяет тебе знать, кто ты такой; иначе ты потеряешься — ты не будешь знать, кто есть кто; кто «я», а кто «другой».

Идея сущности, «я» (эго), дает тебе определение, утилитарное определение. Она делает тебя явственно отдельным от других. Но и это тоже кожа, очень тонкая кожа, удерживающая содержимое ума — твои воспоминания, прошлое, желания, планы, будущее, настоящее, любовь, ненависть, гнев, печаль, счастье — оно удерживает все это в мешке. Но ты, - и не эго. Потому что оно тоже постоянно меняется, и меняется сильнее, чем телесная кожа. Оно меняется с каждым мгновением.

Будда использует аналогию с пламенем. Зажжен светильник: ты видишь пламя, но оно постоянно меняется, оно никогда не остается прежним. К утру, когда ты гасишь свет, ты гасишь не то же самое пламя. Оно постоянно менялось, менялось всю ночь.

С каждым отдельным мгновением пламя исчезает в дыму, и его заменяет новое пламя. Но эта замена происходит так быстро, что ты не видишь этой замены, — не видишь, что одно пламя ушло, появилось другое. Это ушло, другое возникло. Это движение так быстро, что ты не видишь промежутка между ними. Но есть только продолжительность; это не одно и то же пламя. Но все же, в определенном смысле, оно остается прежним, потому что это продолжительность того же самого пламени. Оно родилось из того же пламени.

Точно как ты рождаешься из родителей — ты их продолжительность. Ты не то же самое. Ты не твой отец, ты не твоя мать — но все же ты - твой отец и мать, потому что продолжаешь ту же традицию, ту же линию, ту же наследственность.

Будда говорит, что эго — это продолжительность, не субстанция — продолжительность, подобная пламени, продолжительность, подобная реке, продолжительность, подобная телу.

Возникает проблема... мы можем допустить, что, ладно, может быть, так и есть: человек умирает, и при смерти все исчезает; прекрасно — может быть, это только пламя. Но Будда говорит, что человек рождается заново. Кто же тогда рождается?

Теперь снова несколько аналогий. Видели ли вы пожар в большом доме или в джунглях? Если вы будете наблюдать, то заметите одно явление. Пламя просто перепрыгивает с одного дерева на другое. В нем нет субстанции, это только пламя. В нем нет материала, это только чистая энергия, кванты энергии, определенные количества энергии — она перепрыгивает с одного дерева на другое, и другое загорается.

Или вы можете поднести незажженный светильник к зажженному. Что произойдет? Пламя с зажженного светильника перепрыгивает на незажженный. Это квантовый скачок, это прыжок. Чистое пламя перепрыгивает на другой светильник, и начинается другая продолжительность.

Или прямо сейчас вы слушаете меня. Если вы включите радио, то внезапно услышите определенную передачу какой-то станции, которая сейчас идет. Нужен только приемник. Как только есть приемник, если что-то передают из Лондона, Москвы или Пекина, вы можете это поймать.

Никакая субстанция вас не достигает, только чистые мыслительные волны, перепрыгивающие из Пекина в Пуну.. просто мыслительные волны, ничего вещественного. Нельзя взять их в руку, нельзя их увидеть, но они есть, потому что их ловит радио или телевизор.

Будда говорит, что когда человек умирает, все его накопленные за всю жизнь желания, накопленные за всю жизнь воспоминания, все кармы всей его жизни перепрыгивают как энергетические волны в новую утробу. Это прыжок. В физике есть для этого точное слово: это называют «квантовым скачком» — «скачок чистой энергии, в которой нет никакого вещества».

Будда был первым квантовым физиком. Эйнштейн последовал за ним через двадцать пять веков, но они оба говорят на одном и том же языке. И я все же говорю, что Будда научен. Он говорит на языке современной физики; он пришел на двадцать пять веков раньше своего

времени.

Когда человек умирает, его тело исчезает, материальная часть исчезает, но нематериальная часть, умственная часть — это вибрация. Эта вибрация высвобождается, «выходит в эфир». Теперь она войдет в первую утробу матери, которая окажется для нее подходящей.

Не переходит никакой сущности, никто не переходит, никакого эго не переходит. Нет необходимости в том, чтобы переходило что-то вещественное, это только толчок энергии. Ударение в том, что прыгает снова именно тот же прежний мешок с эго. Один дом стал необитаемым, с одним телом больше невозможно жить. Прежнее желание, страсть к жизни — Будда называет это термином *танка*, страсть к жизни — жива, горит. Это самое желание и совершает прыжок.

Теперь послушайте современных физиков. Они говорят, что материи нет. Вы видите эту очень вещественную стену позади меня? Вы не можете через нее пройти; если вы попытаетесь, то пораните себя. Но современная физика говорит, что это ничто, в ней нет ничего вещественного. Это просто чистая энергия, движущаяся с такой огромной скоростью, что само ее движение создает обман, иллюзию, видимость вещественности.

Наверное, вы иногда наблюдали быстро вращающийся вентилятор — лопастей не видно. Есть только три лопасти, но они вращаются так быстро, что становятся как круг, как тарелка; зазоров между лопастями не видно. Если бы вентилятор двигался с такой же скоростью, что и электроны — их скорость огромна, — тогда можно было бы сесть на вентилятор и не упасть. Вы могли бы сидеть точно так же, как я сижу в этом кресле, и не чувствовать никакого движения, потому что это движение так быстро.

Точно то же самое происходит в этом кресле, и то же самое происходит внизу, с полом. Это не мраморный пол, это только видимость, но энергетические частицы движутся так быстро, что само их движение, быстрота движения, создает иллюзию вещественности. Вещественности не существует, существует лишь чистая энергия. Современная наука говорит, что материи не существует, существует только нематериальная энергия.

Поэтому я говорю, что Будда очень научен. Он не говорит о боге, он говорит о нематериальной не-сущности. Точно так же, как современная наука из своей метафизики взяла идею вещества, Будда взял из своей метафизики идею сущности. Сущность и вещество коррелируют. Трудно поверить, что стена невещественна, и таким же образом трудно поверить, что в вас нет никакой сущности.

Теперь еще несколько вещей, которые еще более это прояснят. Не могу сказать, поймете ли вы, но будет немного яснее.

Ты ходишь, ты идешь, ты вышел на утреннюю прогулку. Сам язык: мы говорим, «ты идешь», — создает проблему; проблема в самом нашем языке. Когда мы говорим, что кто-то идет, то тут же предполагаем, что идет кто-то — есть «идуший». Мы спрашиваем, как это возможно, что идущего нет?

Будда говорит, что идущего нет, есть только ходьба. Жизнь не состоит из вещей. Будда говорит, что жизнь состоит из событий. И именно это в точности говорит и современная наука: есть только процессы, не вещи — события.

Даже сказать, что жизнь существует, неправильно. Существуют только тысячи и тысячи жизненных процессов. Жизнь — это только идея. Нет ничего, подобного жизни.

В один день вы видите в небе, что собрались темные тучи, бьет гром и сверкает молния. Во время вспышки молнии разве вы говорите: «Есть ли что-нибудь за этой молнией? Кто бьет молнией? Что ударяет?» Вы говорите: «Молния — это просто молния — за ней никого нет; это просто процесс. Нет ничего такого, что "делает" молнию. Это просто молния».

Раздвоенность вносится языком. Ты идешь — Будда говорит, что есть только ходьба. Ты

думаешь — Будда говорит, что есть только думание, думающего нет. Думающий — только созданная языком видимость. Используя язык, основанный на раздвоенности, мы все делим надвое.

Пока ты думаешь, есть пучок мыслей, да — но думающего нет. Если вы действительно хотите это понять, вам придется глубоко медитировать и прийти к точке, в которой думание исчезает. В тот момент, когда думание исчезнет, вы удивитесь — думающего тоже нет. Вместе с думанием исчезает и думающий. Это была только видимость, созданная движением мыслей.

Ты видишь реку. Действительно ли она существует, или это только движение? Если удалить движение, будет ли река? Если движение удалить, река тут же исчезнет. Не «река течет»; река есть не что иное, как «течение».

Язык создает трудности. Может быть, именно из-за этой особенной структуры определенных языков Будда стал важным и значительным и укоренился только в Японии, Китае, Бирме — потому что их языки совершенно другие. Очень важно понять, почему он стал так значителен для китайского ума, почему Китай смог его понять, а Индия не смогла. У Китая совершенно другой язык, который совершенно не соответствует буддистской идеологии. Китайский язык не разделяет надвое. В китайском языке, или в корейском, или в японском, или в бирманском, существует совершенно другая структура, нежели чем в санскрите, хинди, английском, греческом, латинском, французском, немецком — совершенно другая структура.

Когда впервые Библию перевели на бирманский язык, было много трудностей, потому что несколько предложений вообще нельзя было перевести. В момент перевода теряется весь смысл. Например, просто предложение «Бог есть» нельзя перевести на бирманский язык. Если перевести, то это превращается в «Бог становится». «Бог есть» перевести нельзя, потому что нет эквивалента термину «есть», потому что «есть» показывает статичность.

Мы можем сказать: «дерево есть», но в бирманском языке придется сказать «дерево становится», не «дерево есть». Для «есть» эквивалента нет. Дерево «становится». К тому времени, как вы говорите «дерево есть», оно больше не то же самое дерево, поэтому, зачем говорить «есть»? «Есть» придает статическое качество. Это рекообразное явление — «дерево становится». Я должен сказать: «дерево есть становящееся» [Tree is becoming], но в бирманском языке это будет просто «дерево становится», «есть» не будет. «Река есть» — если вы захотите перевести, получится «река течет». Река «речится» — вот каким будет буквальный перевод на бирманский.

Но сказать «Бог становится» очень трудно, потому что христиане этого сказать не могут. Бог совершенен, он не может «становиться». Он не процесс, у него нет возможности роста — он уже прибыл. Он абсолютен — что вы подразумеваете под «становлением»? Становление возможно, если кто-то несовершенен. Бог совершенен, он не может становиться. Как это перевести? Очень трудно.

Но Будда тут же проник в бирманский, китайский, японский, корейский ум; тут же просочился. Сама структура языка сделала это возможным; носителям этих языков было очень легко понять Будду.

В жизни есть только события. Есть «едение», но нет того, кто ест. Просто наблюдайте еду. Есть ли действительно тот, кто ест? Вы чувствуете голод, правильно — голод есть, но нет никого, кто голоден. Тогда вы едите — есть «едение», но нет никого, кто ест. Тогда голод удовлетворен, вы чувствуете насыщение — эта удовлетворенность есть, но нет никого, кто был бы удовлетворен.

Будда говорит, что жизнь состоит из событий. Жизнь значит «житие». Жизнь — это не существительное, это глагол. И все остальное — глаголы. Наблюдайте, и вы сможете увидеть: все становится, ничто не статично.

Эддингтон сказал, что в английском языке есть несколько слов, которые абсолютно ложны, например, покой. Ничто никогда не находится в покое, само слово неправильно, потому что в реальности нет ничего ему равнозначного. Видели ли вы когда-нибудь что-нибудь в покое? Даже если вы отдыхаете, это не покой. Это процесс: что-то происходит, вы все еще дышите.

Можно лечь, расслабиться — но это не покой; происходят многие вещи, тысячи вещей. Видели ли вы когда-нибудь что-нибудь в покое? Это невозможно, покоя не существует. Даже если человек мертв, все равно тело продолжает свои процессы.

Может быть, вы не слышали — иногда это происходит: мусульмане, христиане, те люди, которые хоронят мертвых в земле, иногда узнают, что человек умер, но у него выросла борода, выросли волосы, выросли ногти. Этот человек умер!

Это очень странно. Вы бреете человека, кладете в могилу, а через шесть месяцев откапываете, и у него борода! Что же тогда сказать, - жив он или мертв? Вы очень испугаетесь, вы убежите домой, и это лицо приснится вам ночью. Что случилось? Если этот человек мертв, как тогда у него выросла борода? И если может расти борода, действительно ли он мертв — или только притворяется?

Жизнь — это миллионы процессов. Даже когда эго исчезает из этой базы, взлетает из этого аэропорта и приземляется в другом чреве матери, многие процессы все еще продолжают. Все процессы не останавливаются, потому что есть процессы, не имеющие ничего общего с твоим эго; ничего общего с эго — эго может исчезнуть, а они будут продолжаться. Волосы растут, ногти растут, ничего общего... И тотчас же, в то мгновение, как эго покидает тело, миллионы маленьких микробов оживают и начинают работать и функционировать. Ты становишься почти как рыночная площадь. В этом смысле ты будешь пульсировать жизнью. Много будет происходить: много микробов бегают, снуют туда-сюда, занимаются любовью, женятся, умирают, и все течет своим чередом. В то мгновение, когда ты покидаешь тело, твое тело становится посадочной площадкой для множества других ребят, которые ждут и говорят: «Пожалуйста, уходи поскорее! Позволь нам войти».

Жизнь — это постоянный процесс, не только процесс, но процессы, продолжительность.

Будда говорит, что сама идея сущности возникла из-за языка. Ты чувствуешь голод, в языке мы говорим: «Я голоден». Язык создает идею «я». Как это сказать? Чтобы быть в точности правым, ты можешь сказать только: «Голод». Выражение «я голоден» вносит что-то абсолютно ложное. «Голод» — этого достаточно.

Наблюдай свои процессы, и ты это почувствуешь. Когда сегодня ты почувствуешь голод, просто наблюдай это. Есть ли действительно кто-то, кто голоден, или есть только голод? Или только этот речевой оборот все перекручивает и разделяет надвое, и ты начинаешь чувствовать: «Я голоден»?

Буддизм — первая религия, принесящая это послание миру: что ваши религии, ваши философии более укоренены в ваших лингвистических образцах, чем в чем-либо другом. И если вы поймете свой язык лучше, то сможете лучше понять и свои внутренние процессы. Он был первым лингвистом, и его прозрение безмерно значительно.

Ты говоришь, что Будда не говорил о боге, потому что его нельзя доказать.

Да, он не говорил о боге, потому что его нельзя доказать, и он не говорил о боге, потому что бога, который, как вы думаете, существует, не существует. Ваш бог — это то же, прежнее заблуждение сущности. Вы думаете, что у вас есть сущность, и поэтому у всей вселенной должна быть сущность. Поскольку сущность есть у вас, вся вселенная должна обладать высшей сущностью. Эта высшая сущность — бог.

Будда говорит, что у вас нет никакой сущности. Вселенная есть, но в ней нет никакой высшей сущности... миллионы процессов, но никакой высшей сущности. В ней нет никакого

центра; все — периферия.

Очень трудно это уловить — если не медитировать. Именно поэтому Будда никогда не вдается в метафизические дискуссии; он говорит: «Медитируй». Потому что в медитации эти вещи становятся такими ясными. Когда мышление останавливается, внезапно ты видишь, что мыслящий исчез. Он был тенью. И когда мыслящий исчезает, как ты можешь сказать, как ты можешь почувствовать: «Я есть»? Не остается никакого «я», ты — чистое пространство. Именно это Будда называет анаттой, чистым пространством без всякой сущности. Это колоссальный опыт ...и тут же, не переводя дыхания, он говорит о других жизнях и реинкарнации.

Он говорит, и буддисты всегда испытывали из-за этого трудности. Будда так научен, что не может исказить факт. Если бы он не был таким научным человеком, если бы он был просто метафизиком, он либо принял бы сущность, чтобы придать своей философии последовательный вид, либо отбросил бы идею реинкарнации, потому что обе эти вещи вместе выглядят противоречивыми. Но он такой добросовестный ученый, что не может навязывать реальности ничего от своего ума. Он просто констатирует факт. Если это противоречиво, он говорит: «Может быть, это противоречиво, но это так».

Именно это происходит в современной науке. Только пятьдесят лет назад, когда ученые вошли в глубочайшее ядро материи, они были озадачены, потому что электроны вели себя очень нелогичным образом. Нельзя заставить электроны быть логичными, нельзя отправить их в университет изучать Аристотеля, и нельзя им сказать: «Перестаньте безобразничать! Это нелогично, это неправильно!» Вы не можете этого сказать. Если они ведут себя нелогично, они ведут себя нелогично - вы должны это понять, вот и все; сделать ничего нельзя.

И эта нелогичность была действительно огромной, это было не обычное дело. Иногда электрон вел себя как волна, а иногда — как квант, частица. Обе эти вещи одновременно невозможны, это не по-эвклидовски и не по-аристотелевски — можно подумать, что эти электроны не верят в Эвклида и Аристотеля! Что они делают? Они что, никогда не слышали об Эвклиде?

Это простая геометрия, которую мы все учили в школе, — что точка не может быть линией, а линия — точкой. Линия — это множество точек, сложенных в последовательность, поэтому одна точка не может вести себя как линия, иначе это разрушит всю геометрию. Ты ставишь точку и идешь в ванную, потом возвращаешься, а она стала линией! Что ты тогда будешь делать?

Но именно это происходит в глубочайшем внутреннем ядре материи. Ты продолжаешь наблюдать, и что-то выглядит как точка, и вдруг, ни с того, ни с сего — линия, И прыжок происходит таким образом, что ты даже не видишь, как она вырастает в линию.

В одно мгновение времени это точка, в другое мгновение — линия, она даже не вырастает в линию, просто прыжок... так внезапно, так нелогично. Если она растет постепенно, мы можем понять и это: может быть, она, как семя, прорастает и становится деревом. Ладно, мы это можем понять. В одно мгновение времени это семя, в другое мгновение оно растет, мало-помалу, мало-помалу, постепенно, и становится деревом. Мы можем понять.

Если точка становится линией постепенно, мы сможем это понять. Но внезапно? И мало того, что внезапно, но вот еще более нелогичное: два наблюдателя в один момент времени, одновременно, могут наблюдать разные вещи — один видит что-то как точку, другой то же самое — как линию. Что с этим делать? Один наблюдатель видит семя, а другой дерево? — ...в один и тот же момент времени.

Вся западная наука выросла из греческой логики. Эти электроны бунтуют против Аристотеля, и никак нельзя наставить их на истинный путь. Ученые пытались, как только могли, потому что ум имеет тенденцию цепляться за собственные концепции, образцы. Ему нелегко расслабиться и сдаться на милость каких-то дурацких электронов.

Два или три десятилетия ученые были озадачены и пытались найти какой-то способ это объяснить или, по крайней мере, рационально отмахнуться: почему это происходит? Но, в конце концов, им пришлось признать факт и просто принять это. Так возникла теория квантовой физики.

Квант: само слово пришлось изобрести; его раньше никогда не существовало, потому что никогда еще человек не сталкивался с таким нелогичным явлением. Квант означает линию и точку одновременно, вместе. Квант означает частицу и волну вместе, одновременно. Нам пришлось найти название для чего-то такого, что абсолютно нелогично, и у нас не было для этого словесного символа.

И когда люди спросили ученых: «Как вы это объясняете? — это же нелогично!», они сказали: «Да, это нелогично, но это так и есть, и мы ничего не можем сделать. Мы должны прислушиваться к реальности. Если реальность нелогична, тогда, наверное, что-то неправильно в нашей логике, вот и все. Мы можем изменить логику, но не можем изменить реальность».

Именно это случилось, когда в мир пришел Будда. Он вошел в глубочайшее ядро вашей так называемой сущности и был тоже озадачен — что делать? Никакой сущности нет, а реинкарнация есть. И если бы он не был таким великим ученым, если бы он был просто обычным философом, он забыл бы об этом; он не стал бы говорить об этом факте — он выбрал бы одно. Выбор прост: либо ты говоришь, что реинкарнации нет, потому что нет сущности...

Именно это всегда говорили люди, которые не верят в душу. Атеисты, эпикурейцы, — они просто говорят, что никакой сущности нет, — когда ты умираешь, ты просто умираешь, ничто не выживает, и нет никакого нового рождения. Это просто, логично. Или есть «этерналисты», теисты, люди, которые верят в сущность. Они говорят, что ты умираешь, но умирает только тело; твоя сущность, центр выживает. Твоя душа, атма, выживает; она вечна. Это тоже логично.

Будда очень нелогичен, и нелогичен потому, что абсолютно упорствует в том, чтобы не идти против реальности. Вот его настояние: мы должны слушать все, что бы ни открыла реальность. Мы не должны навязывать ей своих идеологий. Кто мы такие?

Если это факт, значит, что-то неправильно в нашей логике, в нашем языке, в самом нашем образе мышления. Мы должны изменить его, вместо того чтобы избегать реальности, бежать от реальности. И он кажется самым абсурдным мыслителем в мире, потому что это одно из самых абсурдных утверждений: что ты не существуешь, но реинкарнируешь.

Явственно видно, что это абсурд. Если ты не существуешь, как ты можешь реинкарнировать? А он говорит: «Этого я не знаю. Вы не существуете, и вы реинкарнируете — это я знаю, я это вижу, я это увидел. И если вы хотите это увидеть сами, медитируйте. Идите глубже в свое существо, как вошел в свое существо я, и вы будете озадачены, придете в большое замешательство. Мало-помалу вы утвердитесь в реальности. И тогда вам придется изменить весь язык».

Будда изменил весь язык, весь философский стиль. Никогда раньше не было такого оригинального человека. Было почти невозможно его понять, потому что он не говорил тем же языком, что и вы; он приносил в мир какие-то новые видения.

Человек, который не верит в душу, очень стар, в этом нет ничего нового. Маркс не сказал ничего нового. Тысячи лет были атеисты, которые отрицали существование души, которые отрицали реинкарнацию. Ни Махавира, ни Патанджали не говорили ничего нового, потому что всегда были люди, которые верили в душу и реинкарнацию.

Будда вносит настоящее видение, очень оригинальное. Он говорит: никакой души нет, но все же реинкарнация есть. Это квантовый скачок».

Поэтому, когда я называю его ученым, то действительно подразумеваю это. И если ты понимаешь язык современной физики, то сможешь понять и Будду. Фактически, понять Будду

без понимания современной физики невозможно. Впервые современная физика провела параллель. Хайзенберг, Планк и Эйнштейн — они провели параллель. Материя исчезла; есть только энергия, в которой нет никакой сущности, никакой субстанции. И именно это говорит и Будда: анатта, не-сущность.

Как это вписывается в научный факт?

Прекрасно вписывается. Фактически, спрашивая, как это вписывается в научный факт, автор этого вопроса показывает, что его представление о науке принадлежит девятнадцатому веку; он не знает современной науки, не осведомлен о ее последних достижениях. Его представление о науке очень ортодоксально, очень старо, отстало. Наука колоссально изменилась.

Если вернется Ньютон, то вообще не сможет понять науку, потому что наука изменилась так быстро, и ее прозрение стало таким странным, что сейчас ученые говорят как метафизики, мистики. Они не говорят как математики, они говорят как мистики и поэты.

Я смутно понимаю, что то, что остается, может быть бесформенным.

Нет, ты не сможешь понять этого интеллектуально, потому что и у твоего бесформенного снова будет определенная форма. Как ты можешь постичь бесформенное? Это слово приемлемо, но в тот момент, когда ты пытаешься постичь бесформенное, оно тут же начинает принимать форму — потому что постичь можно только форму; бесформенное постичь нельзя. Это пустое слово.

Ты можешь продолжать называть бога бесформенным, но не можешь этого постичь. И каждый раз, когда даже такие люди, как Шанкара, который говорит о бесформенном боге, идут поклоняться, они поклоняются форме. Тогда они начинают петь песни преданных. Тогда снова появляются статуя, ритуал, бог, богиня, форма.

Даже такой человек, как Шанкара, продолжает говорить о бесформенном, о лишенном атрибутов — ниргуна, но его поклонение, его молитва обращены к сагуне — атрибуту, форме, потому что невозможно постичь бесформенное. Концепция может охватывать только форму; или: что угодно, что ты можешь постичь, по самой возможности постижения, принимает форму. Именно поэтому, это только смутная идея. Автор вопроса говорит:

Я смутно понимаю, что то, что остается, может быть бесформенным.

Нет, это не вопрос «смутного понимания». Интеллектуально, никакого пути к пониманию нет. Единственный путь — медитативный, экзистенциальный. Ты не рассчитываешь интеллектом, ты просто движешься более в медитацию, открываешь новое измерение видения. Никто не настаивал на медитации так, как Будда. Всем его методом была медитация.

А что такое медитация? Медитация — это постепенное становление «безмысленным»; не засыпая, оставаясь бдительным и все же оказываясь без мыслей. Как только мысли исчезают, все кристально ясно: что мыслитель — это только побочный продукт движущихся мыслей. ...Это был пучок мыслей и ничего больше. У него не было отдельного существования.

Тогда ты ходишь, но ходящего больше нет; тогда ты ешь, но того, кто ест, больше нет; тогда ты спишь, но спящего больше нет; тогда ты живешь, но нет никого, кто бы жил; тогда ты умираешь, но нет никого, кто бы умирал.

Ты — просто чистое пространство, в котором существуют миллионы процессов, в котором жизнь течет со всеми своими процессами, и ты остаешься неразвращенным ею. Ты - как открытое небо... облака приходят и уходят.

Одно из самых красивых имен, данных Будде, — татхагата. Это означает: «Так пришёл, так ушел». Нет никого, кто пришел, и нет никого, кто ушел, — только приход и уход. В этом смысл слова татхагата — просто процесс прихода и процесс ухода; нет никого, кто пришел, и никого, кто ушел.

Дзэнские мастера всегда говорили, что этот человек никогда не существовал, что человека по имени Гаутама Будда никогда не существовало. Да, несомненно, он пришел, и он также ушел, но он никогда не существовал. Это точно как процесс сновидения. Сон приходит и уходит, и к утру, ты знаешь, что он никогда не существовал.

Как только ты понимаешь себя как чистое пространство, в котором происходят многие вещи, ты становишься отстраненным. Тогда ты становишься бесстрашным, потому что терять нечего, нет никого, кто бы мог что-то потерять. Тогда ты больше не полон страсти к жизни, потому что не воспринимаешь никакой сущности. Тогда ты не боишься смерти и не жаждешь жизни. Тогда ты не думаешь о прошлом и не проецируешь будущего. Тогда ты просто есть — такой же чистый, как и безграничное небо снаружи; ты тоже становишься чистым небом внутри. И встречу этих двух небес, внутреннего и внешнего, Будда называет нирваной.

Я смутно понимаю, что то, что остается, может быть бесформенным, но может ли у этого быть индивидуальная сущность?

Нет, у этого нет индивидуальной сущности.

Одна и та же волна не рождается дважды.

Правда. Фактически, если ты посмотришь внимательнее — пойди к реке или к океану и наблюдай волны; ты будешь удивлен, увидев что-то новое, о чем никогда раньше не думал. Когда ты видишь, что к тебе приближается волна, ничто не приходит, волна никогда не приходит к тебе. Ты видишь, что она к тебе движется; она не движется. Одна волна просто помогает другим волнам возникнуть рядом с собой. Но это происходит так быстро, что создается мираж, иллюзия, — ты думаешь, что к тебе приближается та же самая волна. К тебе ничто не приближается.

Когда приближается одна волна, под влиянием этой волны возникают другие волны; в непосредственной близости — другая волна. Силой первой волны — вторая волна; силой второй волны — третья волна; силой третьей волны — четвертая, именно так возникают волны. Но они создают иллюзию того, что к тебе приближается та же самая волна. Они никогда не приближаются. Когда ты видишь, что далеко, на горизонте, возникает волна, она там и остается; она никогда не приближается к тебе.

Это может случиться: ты можешь поместить кусок дерева точно посередине реки: этот кусок дерева приблизится к тебе, но пусть тебя это не обманывает — волна не приближается. Когда одна волна поднимается вверх, этот кусок дерева перемещается на другую волну; поднимается другая волна, и кусок дерева перемещается на третью. С поднимающимися и опускающимися волнами кусок дерева подплывает к берегу, но волны никогда не приближаются. Это научный факт. Только кажется, что они достигают берега.

Правильно, именно это и говорит Будда. Одна и та же волна не рождается дважды. Он не говорит, что ты реинкарнируешь, он просто говорит, что есть реинкарнация.

Но в определенном смысле мы можем сказать, что реинкарнируешь ты, потому что это будет продолжительностью. Одна и та же волна: волна А создает волну Б, волна Б создает волну В — это продолжительность; правильное слово - «континуум». Это слово тоже происходит из современной физики: континуум.

Будда называет это *сантати*. Точно как у тебя рождается ребенок: он, в определенном смысле, ты, и все же не ты, не совсем ты. У него будет своя собственная личность, но ты создал волну. Эту новую волну создает энергия матери и отца. Эта волна уйдет — отец может умереть, мать может умереть — эта волна будет продолжаться, эта волна создаст другие волны, по-своему, в свое собственное время. Сантати — континуум. Ты не рождаешься, только твои желания рождаются снова; поскольку тебя нет, ты не можешь переродиться. Поэтому, говорит Будда, если ты отбросишь желание, то никогда больше снова не родишься. Таким образом, если

ты понимаешь всю тщетность желая и прекращаешь желать, отбрасываешь желание, тогда для тебя больше не будет рождения.

***

Я хочу сказать вам одну вещь: вся идея реинкарнации — ошибочная концепция. Это правда: когда человек умирает, он становится частью целого. Был он грешником или святым, неважно. Но у него было также нечто, называемое умом, памятью. В прошлом не была доступна информация, чтобы объяснить память как пучок мыслей и мыслеволн, но теперь это легче.

И в этом, как и во многом другом, я нахожу, что Гаутама Будда опередил свое время. Он был единственным человеком, который согласился бы с моим объяснением. Он дал намеки, но не смог предоставить никаких доказательств; в его распоряжении не было нужной информации. Он сказал, что когда человек умирает, его память — не сущность — путешествует в новое материнское чрево. Теперь мы можем это понять — что, умирая, ты оставляешь волны памяти в эфире. Если ты был несчастен, все твои несчастья найдут себе какое-то место; они войдут в какую-то другую систему памяти. Либо ты войдешь полностью в одно чрево — именно так кто-то вспоминает свое прошлое. Это не твое прошлое; это ум кого-то другого, который ты унаследовал.

Большинство людей не помнят, потому что не получают всей связки, всего наследия индивидуальной системы памяти. Они получают фрагменты оттуда и отсюда, и эти фрагменты создают вашу систему памяти. Все эти люди, которые умерли на земле, умерли в несчастье. Очень немногие люди умерли в радости. Очень немногие люди умерли с осознанием не-ума. Они не оставляют за собой следа. Они не обременяют своей памятью никого другого. Они просто растворяются во вселенной. У них нет никакого ума, и у них нет никакой системы памяти. Они уже растворились в своих медитациях. Именно поэтому просветленный человек никогда больше не рождается.

Но непросветленные люди продолжают высвобождать, с каждой смертью, всевозможные образцы страдания. Точно так же, как богатство привлекает еще большее богатство, страдание привлекает еще большее страдание. Если ты несчастен, за многие мили к тебе будет путешествовать несчастье — ты для него правильное проводящее средство. Это очень невидимое явление, как радиоволны. Они путешествуют вокруг тебя; ты их не слышишь. Как только у тебя появляется правильный инструмент, чтобы их воспринимать, они тут же становятся доступны. Но даже до того, как появилось радио, они путешествовали вокруг тебя.

Инкарнации нет, но страдание инкарнирует. Раны миллионов людей движутся вокруг тебя, просто в поисках кого-то, кто хочет быть несчастным. Конечно, в блаженстве человек не оставляет никакого следа. Человек пробуждения умирает таким же образом, как птица движется по небу, не оставляя ни пути, ни следа. Небо остается пустым. Блаженство движется, не оставляя никакого следа. Именно поэтому вы не получаете никакого наследия от будд; они просто исчезают. Всевозможные идиоты и умственно отсталые люди продолжают реинкарнировать, и их воспоминания становятся гуще и гуще с каждым днем. Сегодня, может быть, они пришли к точке, в которой их нужно понять и растворить; иначе они станут слишком густыми, чтобы позволить тебе жить и смеяться.

У твоего собственного сознания нет никаких ран. Твое собственное сознание ничего не знает о страдании. Твое собственное сознание невинно и совершенно блаженно. Чтобы привести тебя в соприкосновение с твоим собственным сознанием, совершается каждое возможное усилие, чтобы отвлечь тебя от ума. Ум содержит все страдание, все твои раны. И он

продолжает создавать раны таким образом, что, не став осознанным, ты даже не узнаешь, как он их создает.

Я учу вас наблюдению.

Единственный способ вырваться из образцов несчастья, древние они или новые, — свидетельство. Я говорю, что это единственный способ, потому что никто еще не бежал из ума, не став свидетелем. Просто свидетель — и внезапно ты начинаешь смеяться над собственным несчастьем. Все наши несчастья так поверхностны — и, в своей основе, все они заимствованы.

Если каждый станет бдительным и медитативным, в мире не будет ран. Они просто исчезнут. Они не найдут никакого дома и приюта. Это возможно. Если это возможно для меня, это возможно для каждого.

Часть вторая:
Неведомое путешествие

Понимая страхи и встречая их лицом к лицу

Вещи могут оставаться вечно, они заменимы. Если одной машины не станет, ее можно заменить на точно такую же. Но человека нельзя заменить — если у тебя умрет жена, она умрет навсегда. Ты можешь жениться на другой женщине, но никакая другая женщина ее не заменит — хорошо это или плохо, никакая другая женщина не будет точно такой же.

В поисках бессмертия

Мы продолжаем верить в собственную отдельность. Мы не отдельны — ни на мгновение. Вопреки вашим верованиям, вы — одно с Целым. Но ваше верование создает для вас кошмарные сны; оно создает их неизбежно. Верить: «Я отделен» — значит создавать страх.

Оставаясь отдельным от целого, ты никогда не сможешь избавиться от страха, потому что целое так безгранично, а ты так мал, так ничтожно мал, так крошечен, и тебе постоянно приходится бороться с целым, чтобы оно тебя не поглотило. Тебе постоянно приходится быть бдительным, оставаться на страже, чтобы океан просто не выпитал тебя в себя. Тебе приходится защищаться за многими стенами. И все эти усилия — не более чем страх. Тогда ты постоянно осознаешь, что смерть достигает тебя, и смерть разрушит твою отдельность.

Именно в этом и заключается смерть: смерть — это процесс того, что целое вновь предьявляет права на часть. И ты боишься, что придет смерть, и ты умрешь. Как жить долго? Как достичь своего рода бессмертия? Человек пытается многими способами.

Один из способов — рожать детей; отсюда постоянное стремление иметь детей. Корни этого желания - иметь детей - не имеют совершенно ничего общего с детьми, они имеют что-то общее со смертью. Ты знаешь, что не сможешь жить вечно; как бы ты ни пытался, ты потерпишь поражение. Ты знаешь это, потому что терпел поражение миллионы раз, и никто никогда не добивался успеха. Ты надеешься вопреки надежде. Тогда ты находишь какие-то другие способы. Один из самых простых способов, древнейших способов — родить детей: тебя здесь не будет, но будет что-то от тебя, частица тебя, клетка тебя будет продолжать жить. Это заменитель того, чтобы стать бессмертным.

Сейчас наука находит более изощренные способы — потому что ваш ребенок может быть на вас немного похожим, но может быть и совершенно не похожим. Он будет только немного на вас похож; нет никакой внутренней необходимости в том, чтобы он выглядел точно, как вы. Поэтому наука находит способы вас редуцировать (клонировать). Некоторые из ваших клеток можно сохранить, и когда вы умрете, из этих клеток можно создать дубликат. Дубликат будет в точности похож на вас; даже близнецы так не похожи. Если вы встретите свой дубликат, то удивитесь: он будет точно таким же, как вы, абсолютно таким же, как вы.

Сейчас говорят, что это будет безопаснее, что можно создать дубликат, пока вы еще живы, и держать этот дубликат в замороженном состоянии, чтобы, если случится какой-то несчастный случай — если вы умрете в результате несчастного случая, — вас можно будет немедленно заменить. Твоя жена никогда не сможет этого установить; твои дети никогда не узнают, что этот папа — только имитация, потому что он будет в точности похож на тебя.

Люди пытались и другими способами, гораздо более изощренными, чем этот. Писать книги, создавать картины, сочинять великие симфонии: ты уйдешь, но музыка останется. Ты уйдешь, но твоя подпись останется на книге; ты уйдешь, но скульптура, которую ты создал, останется. Она будет напоминать людям о тебе; ты будешь продолжаться в их памяти. Ты не сможешь ходить по земле, но сможешь ходить по памяти людей. Это лучше, чем ничего. Стань знаменитым, оставь какие-то отметки в исторических книгах. Конечно, они будут только сносками и примечаниями; но все же это лучше, чем ничего.

Человек веками пытался, так или иначе, добиться какого-то рода бессмертия. Страх смерти так велик, он преследует тебя всю жизнь.

В то мгновение, когда ты отбрасываешь идею отделенности, страх смерти исчезает.

Поэтому я говорю, что состояние капитуляции — самое парадоксальное. Если ты умрешь сам по себе, тогда ты вообще не сможешь умереть, потому что целое никогда не умирает;

заменяются только его части. Если ты станешь одним с целым, ты будешь жить вечно: ты выйдешь за пределы рождения и смерти. Именно это и есть поиск нирваны, просветления, мокши, царства Божьего — состояния бессмертности. Но условие, которое нужно выполнить, очень пугающе. Это условие — что сначала ты должен умереть как отдельная сущность.

Именно в этом и заключается вся капитуляция: умереть как отдельная сущность, умереть как эго. И фактически, беспокоиться не о чем, потому что ты не отделен; это только верование. Поэтому умирает верование, не ты. Это только понятие, идея.

Это так, словно ты увидел веревку в темноте ночи и оказался под впечатлением, что это змея: ты убегаешь от змеи в огромном страхе, дрожа и покрываясь испариной. Потом кто-то подходит и говорит: «Не беспокойся — я видел ее при свете, и я прекрасно знаю, что это только веревка. Если ты мне не доверяешь, пойдем со мной! Я покажу тебе, что это только веревка».

Именно это делали Будды веками: «Ихи пассико, идем со мной! Иди и смотри!» Они берут веревку в руки, чтобы показать тебе, что это только веревка; змеи, прежде всего, вообще никогда не было. Весь страх исчезает, и ты начинаешь смеяться. Ты начинаешь смеяться над собой, над тем, каким был глупым. Ты бежал от чего-то такого, чего, прежде всего, никогда не существовало! Но, существовало оно или нет, эти капли испарины были реальными. Страх, дрожь, ускоренное сердцебиение, кровяное давление — все эти вещи были реальными.

Нереальные вещи могут спровоцировать реальные, помните это. Если ты думаешь, что они реальны, они действуют для тебя как реальность — только для тебя. Это реальность сновидения, но оно может подействовать на тебя; это может подействовать на всю твою жизнь и на весь твой образ жизни.

Эго нет. В тот момент, когда ты станешь немного бдительным, осозанным и сознательным, ты не найдешь вообще никакого эго. Это будет веревка, которую ты по ошибке принял за змею — ты нигде не найдешь самой змеи.

Смерть не существует, смерть нереальна.

Но ты ее создаешь. Ты создаешь ее, создавая отделенность.

Капитуляция означает отбросить идею отделенности: смерть исчезает автоматически, страха больше нет, и весь аромат твоей жизни меняется. Тогда каждое мгновение полно такой кристальной чистоты... чистоты радости, счастья и блаженства. Тогда каждое мгновение — вечность. И жить таким образом — это поэзия. Жить из мгновения в мгновение, без эго, — это поэзия. Жить без эго — это изящество, музыка; жить без эго — значит жить, действительно жить. Такую жизнь я называю поэзией: жизнь того, кто сдался существованию.

Помните, позвольте мне это повторить: когда ты сдаешься существованию, ты не отдаешь ничего реального. Ты просто отдаешь ошибочное понятие, просто отдаешь иллюзию, просто отдаешь майю. Ты отдаешь что-то, чего у тебя, прежде всего, никогда не было. И отдавая то, чего у тебя не было, ты достигаешь того, что у тебя есть.

Знать: «Я дома, я всегда был дома и всегда буду», — это великий момент расслабления. Когда ты знаешь: «Я не посторонний, я не отчужден, не выкорчеван с корнем», «Я принадлежу существованию, и существование принадлежит мне», — все становится спокойным и мирным, тихим. Эта тишина и есть капитуляция.

Слово капитуляция дает вам очень неправильное представление, словно вы что-то отдаете. Вы ничего не отдаете; вы просто отбрасываете сон. Вы просто отбрасываете что-то произвольное, что-то, созданное обществом.

Эго нужно; у него есть определенная функция, удовлетворяющая общество. Даже когда человек сдался существованию, он продолжает использовать слово «я» — но теперь это только что-то утилитарное, ничего экзистенциального. Он знает, что эго нет; он использует это слово, потому что не использовать его, значило бы напрасно создавать трудности для других и сделало

бы невозможным никакое общение. Оно и так невозможно! Общаться с людьми станет еще труднее! Таким образом, это только произвольное средство. Если ты знаешь, что это средство — произвольное, утилитарное и полезное, но в котором нет ничего экзистенциального, — тогда оно никогда не создает для тебя никаких проблем.

Тело принадлежит земле; ты принадлежишь небу.

Тело принадлежит материи, ты принадлежишь существованию.

Тело грубо, ты — нет.

У тела есть пределы, оно родилось и умрет; ты никогда не рождался и никогда не умрешь.

Это становится твоим собственным опытом, не верованием.

Верование ориентировано на страх. Тебе хотелось бы верить, что ты бессмертен, но верование — это только верование: что-то ложное, нарисованное снаружи. Опыт совершенно другой: он бьет ключом у тебя внутри, и он твой собственный. И в то мгновение, когда ты знаешь, никто никогда не может поколебать твоего знания, ничто не может разрушить твоего знания. Весь мир может быть против этого, но ты все равно будешь знать, что не отделен. Весь мир может говорить, что души нет, но ты будешь знать, что она есть. Весь мир может говорить, что Бога нет, но ты будешь улыбаться — потому что этот опыт доказывает собственную достоверность, он самоочевиден.

Не враг, но друг

Смерть — это предназначение. Так и должно быть, потому что это исток — ты приходишь из смерти и уходишь в смерть. Жизнь — это только движение между двумя ничто, только полет птицы между двумя состояниями несуществования.

Если смерть предназначение, — а это так и есть, — тогда вся жизнь становится подготовкой, тренировкой для нее, — дисциплиной того, как умереть правильно и как умереть тотально и полностью. Вся жизнь состоит в обучении тому, как умереть. Но, так или иначе, в человечество вошла неправильная концепция смерти, и это концепция смерти как врага. Это основа всех неверных концепций, и основа того, что человечество уходит в сторону от вечного закона, Дао. Как это случилось? Это нужно понять.

Человек воспринимал смерть как врага жизни, словно смерть против жизни. Если концепция такова, конечно, ты должен бороться со смертью, и жизнь становится усилием пережить смерть. Тогда ты борешься со своим собственным источником, борешься со своим предназначением, борешься с чем-то, что неизбежно случится. Вся эта борьба абсурдна, потому что смерти избежать нельзя.

Если бы это было что-то снаружи тебя, ты мог бы этого избежать, но она внутри. Ты несешь ее в себе с того самого мгновения, как родился. Ты на самом деле начинаешь умирать вместе с началом дыхания, в то же самое мгновение. Неправильно говорить, что смерть приходит в конце, она всегда была с тобой, с самого начала. Это часть тебя, твой глубочайший внутренний центр растет вместе с тобой и однажды приходит к кульминации, однажды приходит к цветению. Смерть росла в тебе все время, теперь она достигла вершины; а как только она достигает вершины, ты можешь снова исчезнуть в источнике.

Но человек принял неправильный подход, и этот неправильный подход создает борьбу, битву, насилие. Человек, который думает, что смерть против жизни, никогда не может быть ненасильственным. Это невозможно. Человек, который считает смерть врагом, никогда не может быть непринужденным, не может быть как дома. Это невозможно. Как ты можешь быть непринужденным, если враг подкарауливает тебя в каждое мгновение, и на тебе каждое мгновение лежит тень смерти? Она бросится на тебя и уничтожит. Это может случиться в любой момент. Как ты можешь отдыхать, если есть смерть? Как ты можешь расслабиться? Враг не позволит тебе расслабиться.

Отсюда напряжение, отсюда тревога, боль человечества. Чем более ты борешься со смертью, тем более будешь тревожен, и это неизбежно. Это естественное следствие. Если ты борешься со смертью, ты знаешь, что будешь побежден. Как ты можешь быть счастливым в жизни, которая окончится поражением? Ты знаешь, что какое бы усилие ни приложил, ничто не может победить смерть. Глубоко внутри ты уверен только в одном — и это смерть. В жизни все неопределенно, определена только смерть. Есть только одна определенность, и эта единственная определенность, которая у тебя есть, — твой враг. Борясь с этой определенностью и надеясь на неопределенные вещи, как ты можешь отдыхать? Как ты можешь быть расслабленным, спокойным, собранным? Невозможно.

Люди приходят ко мне и говорят, что хотели бы быть в мире, хотели бы быть как дома в этом мире, хотели бы быть молчаливыми; что им нужно некоторое расслабление. Но я смотрю им в глаза, и в них страх смерти. Может быть, они пытаются быть расслабленными, чтобы легче было бороться со смертью; может быть, они пытаются найти покой, чтобы получить силу против смерти. Но если смерть есть, как ты можешь быть расслабленным, молчаливым, спокойным и быть как дома? Если смерть враг, тогда по своей основе вся жизнь становится тебе

врагом. Тогда каждое мгновение всюду падает тень; тогда каждое мгновение отовсюду эхом отзывается смерть. Вся жизнь становится враждебной, и ты начинаешь бороться.

Вся концепция западного ума — бороться за выживание. Люди Запада говорят: «Выживает сильнейший», «Жизнь — это борьба». Почему борьба? Это борьба, потому что смерть принимается как противник. Как только ты понимаешь, что смерть не противоположна жизни, но является ее частью, внутренней частью, которая никогда не может быть от нее отделена — как только ты принимаешь смерть как друга, внезапно случается трансформация. Ты видоизменен, в твоём видении появилось новое качество. Теперь нет никакой борьбы, нет войны, ты ни с кем не борешься, теперь ты можешь расслабиться, теперь ты можешь быть как дома. Как только смерть становится другом... — только тогда становится другом и жизнь. Это может выглядеть парадоксальным, но это так, парадоксальна только видимость. Если смерть — враг, глубоко внутри — враг и жизнь, потому что жизнь ведет к смерти.

Жизнь в любом виде ведет к смерти — жизнь бедного человека, жизнь богатого человека, жизнь успеха и жизнь поражения, жизнь мудрого и жизнь невежественного, жизнь грешника и жизнь святого. Все виды жизни, какими бы они ни были разными, ведут к смерти. Как ты можешь любить жизнь, если ты против смерти? Тогда твоя любовь — не более чем чувство собственности, твоя любовь — не более чем цепляние. Против смерти, ты цепляешься за жизнь, но ты можешь понять, что эта самая жизнь с каждым днем подводит смерть ближе и ближе. И ты обречен, все твои усилия обречены. Тогда возникает тревога, и все существо дрожит. Ты живешь в дрожи, и тогда ты становишься насильственным и сумасшедшим.

На Западе пропорциональная доля сумасшедших людей гораздо выше, чем на Востоке. Причина ясна. Запад принимает смерть как противостоящую жизни, но у Востока совершенно другая основная точка зрения: жизнь и смерть — это одно целое, два лица одного и того же явления. Как только ты принимаешь смерть, принятыми оказываются и многие другие вещи. Фактически, если ты принимаешь смерть как часть жизни, тогда все остальные враги тоже принимаются как часть дружбы, потому что основное качество растворяется, качество жизни и смерти, существа и несущества. Если эта основная двойственность разрешена, тогда все остальные двойственности — лишь поверхностные — растворяются. Внезапно ты приходишь домой — глаза ясны, в них нет никакого дыма, восприятие абсолютно ясно, вокруг тебя нет никакой темноты.

Но почему, почему это случилось на Западе? И это происходит и на Востоке, потому что Восток с каждым днем становится более и более «озападненным». Во всем образовании, в научных подходах Восток больше не чистый Восток, он уже загрязнен. Восток теперь становится тревожным, испуганным. Не замечали ли вы, что на Западе столько осознания времени, но на Востоке его не так много, и даже если оно есть, то только в культурных, образованных частях? Если вы приедете в деревни, там нет никакого сознания времени. Фактически, сознание времени — это сознание смерти: когда ты боишься смерти, время коротко. Столько всего нужно сделать, и дано так мало времени, ты осознаешь каждую прошедшую секунду. Жизнь укорачивается, если ты напряжен, если ты бегаешь кругами, делаешь многие вещи, пытаешься наслаждаться всем, бежишь из одного места в другое, от одного наслаждения к другому — и ничем не наслаждаешься, потому что так остро осознаешь время.

На Востоке люди не так остро осознают время, потому что они приняли жизнь. Может быть, вы не знаете, что в Индии мы называли смерть так же, как и время.

Мы называем смерть «кала», и мы так же называем время «кала»; кала означает и «время», и «смерть». Использование одного и того же слова означает очень глубокое понимание, это очень осмысленно. Время есть смерть, смерть есть время: чем более ты осознаешь смерть, тем более ты осознаешь время, чем менее ты осознаешь смерть, тем менее осознаешь время. Тогда

нет вопроса о времени. Если ты совершенно поглощаешь смерть жизнью, сознание времени просто исчезает. Почему на Западе — теперь и на Востоке — столько тревоги о смерти; настолько, что жизнью вообще нельзя наслаждаться?

Живя в безвременном мире, скалы счастливее человека; живя в мире, где смерть неизвестна, деревья блаженнее человека; не потому, что они не умирают, но смерть неизвестна. Животные счастливы и празднуют, птицы поют, все существование, кроме человека, находится в блаженном неведении относительно смерти. Только человек осознает смерть, и это создает все остальные проблемы; это источник всех проблем, дно всех проблем.

Так не должно быть, потому что человек — это высочайшее и самое рафинированное, вершина существования — почему так должно быть с человеком? Каждый раз, когда ты достигаешь вершины, почти одновременно с этим долины становятся глубже. Высокая вершина может существовать только с глубокой долиной. Для скал нет никакого несчастья, никакой долиной части, потому что их счастье тоже опирается на равнину. Человек — это вершина, он поднялся высоко, но из-за этого подъема, рука об руку с высотой возникла глубина, долина. Ты смотришь вниз и чувствуешь тошноту, ты смотришь вниз и чувствуешь страх. Долина — это часть вершины, долина не может существовать без вершины, а вершина без долины, они вместе, они — одно целое. Но человек, стоящий на самой вершине, смотрит вниз и чувствует тошноту, головокружение, страх, боязнь.

Человек сознателен, и именно в этом его трудность.

Сознание — обоюдоострый меч; он режет в обе стороны. Сознание может сделать тебя предельно счастливым, и такого счастья не знает больше ничто в существовании; оно может сделать тебя таким несчастливым и несчастным, что такого несчастья не знает ничто в мире. Человек — двойная возможность; благодаря сознанию ему внезапно открываются две дороги.

Сознание может стать благословением, но может стать и проклятием. Каждое благословение приходит с проклятием, и проблема в том, что от тебя зависит, что ты выберешь. Позвольте мне это объяснить, и тогда вам легче будет вникнуть в эту сутру.

Человек сознателен. В то мгновение, когда человек становится сознательным, он осознает и свой конец — то, что он умрет. Он начинает осознавать завтра, время, течение времени — тогда рано или поздно конец приблизится. Чем более он становится сознательным, тем большей проблемой становится смерть — единственной проблемой. Как ее избежать? Это использование сознания неправильным образом. Это все равно, что дать подзорную трубу ребенку, который не умеет ею пользоваться. Он может посмотреть в трубу не с той стороны.

Сознание — это подзорная труба, ты можешь посмотреть в нее не с той стороны. И у этой неправильной стороны тоже есть свои преимущества — что создает еще больше проблем. Преимущества неправильной стороны подзорной трубы очевидны; в малом масштабе возможны преимущества. Люди, осознающие время, иногда добиваются большего в сравнении с людьми, не осознающими времени. Люди, осознающие и боящиеся смерти, достигают многого в сравнении с теми, кто не боится смерти. Именно поэтому Запад продолжает накапливать материальные ценности, а Восток остался бедным. Если тебя не подгоняет смерть, какая разница?

Люди живут от мгновения к мгновению, словно завтра не существует. Кто будет накапливать? Зачем? Сегодня так красиво, почему бы его не праздновать, а о завтра мы позаботимся, когда оно придет.

На Западе люди накопили огромные богатства, потому что они так остро осознают время. Они низвели все свои жизни до вещей, материальных вещей — небоскребов. Они достигли большого богатства... это преимущество того, чтобы смотреть в подзорную трубу не с той стороны. Они могут видеть только определенные вещи, которые близко, на близком расстоянии,

но не могут видеть дальше. Их глаза, словно стали близорукими. Близорукий человек смотрит только на то, что может получить прямо сейчас, не думая о том, что, может быть, в конце это окажется очень дорогим. В большем масштабе это преимущество может не оказаться преимуществом. Ты можешь построить большой дом, но к тому времени, как он построен, ты готов уйти; ты вообще не можешь в нем жить. Ты мог бы прекрасно жить в маленьком доме, подошла бы даже хижина, но ты думал, что будешь жить во дворце. Теперь дворец готов, но человека не стало. Его нет.

Люди накапливают богатство ценой собственной сущности. В конце концов, однажды они осознают, что потеряли себя и купили бесполезные вещи. Цена была огромной, но теперь ничего не сделаешь, время ушло.

Если ты сознаешь время, то будешь накапливать вещи как сумасшедший, превращая всю свою жизненную энергию в вещи. Человек, который осознает весь масштаб, будет наслаждаться этим моментом, как только может. Он будет течь. Он не будет беспокоиться о завтра, потому что знает, что завтра никогда не приходит. Он глубоко знает, что, в конце концов, нужно достичь только одного — и это его собственная сущность.

Живи, и живи так тотально, чтобы ты соприкоснулся с самим собой... И нет другого пути, соприкоснуться с самим собой. Чем глубже ты живешь, тем глубже знаешь себя, в отношениях, в одиночестве. Чем глубже ты в отношениях, в любви, тем глубже знаешь. Любовь становится зеркалом. И тот, кто никогда не любил, не может быть один, ему, самое большее, может быть одиноко.

Человек, который любил и знал отношения, может быть один. Теперь у его одиночества появилось совершенно другое качество; ему не одиноко. Он жил в отношениях, он осуществил свою любовь, он узнал другого, узнал себя посредством другого. Теперь он может узнать себя прямо, теперь зеркало не нужно. Только подумай о ком-то, кто никогда не сталкивался с зеркалом.

Может ли он закрыть глаза и увидеть свое лицо? Невозможно. Он не может даже представить себе свое лицо, он не может на него медитировать. Но человек, который подошел к зеркалу, заглянул в него, узнал в нем свое лицо, может закрыть глаза и увидеть свое лицо изнутри. Именно это происходит в отношениях. Когда человек движется в отношения, отношения отражают его, он отражается и узнает многие вещи, о существовании которых в себе никогда не подозревал.

Благодаря другому он узнает в себе гнев, жадность, ревность, стремление к владению, сострадание, любовь и тысячи настроений своего существа. В другом он сталкивается со многими климатами. Мало-помалу приходит момент, когда он может быть один; он может закрыть глаза и знать свое сознание непосредственно. Именно поэтому я говорю, что для людей, которые никогда не любили, медитация очень, очень трудна.

Те, кто любил глубоко, способны к глубокой медитации; те, кто любил в отношениях, теперь способны быть сами по себе. Теперь они стали зрелыми, теперь другой не нужен. Если есть другой, они могут делиться, но потребность исчезла; теперь нет никакой зависимости.

Сознание осознает, что в конце смерть. Если сознание осознает, что в конце смерть, возникает страх. Этот страх создает у тебя внутри постоянное стремление к бегству. Тогда ты бежишь от жизни; каждый раз, когда ты сталкиваешься с жизнью, каждый раз, когда ты сталкиваешься с намеком на жизнь, ты от нее убегаешь, потому что везде, где есть жизнь, приходит намек, проблеск смерти. Люди, которые слишком боятся смерти, никогда не влюбляются в людей, они влюбляются в вещи: вещи никогда не умирают, потому что никогда не живут.

Вещи могут оставаться с тобой вечно, к тому же они заменимы. Если одной машины не

станет, ты сможешь заменить ее другой, точно такой же марки. Но нельзя заменить человека — если твоя жена умирает, она умирает навсегда. У тебя может быть другая жена, но никакая женщина никогда ее не заменит — лучше или хуже, но никакая другая женщина не может быть точно такой же. Если твой ребенок умирает, ты можешь усыновить другого, но ни у какого усыновленного ребенка не будет такого же качества, как у твоего собственного. Рана остается, ее нельзя исцелить. Люди, которые слишком боятся смерти, начинают бояться жизни. Тогда они накапливают вещи: большой дворец, большая машина, миллионы долларов, рупий, того и другого, вещи, которые бессмертны. Рупия более бессмертна, чем роза. Они не беспокоятся о розах, они продолжают накапливать только рупии.

Рупия никогда не умирает, она почти бессмертна, но роза... Утром она была жива, к вечеру ее больше нет. Они начинают бояться роз, они не смотрят на них. Или иногда, если возникает желание, они покупают пластмассовые цветы. Они хороши. Ты можешь быть непринужденным с пластмассовыми цветами, потому что они дают тебе чувство бессмертия. Они могут быть с тобой вечно и бесконечно. Настоящая роза — утром она так жива, к вечеру ее не стало, лепестки опали на землю, она вернулась к изначальному источнику. Она приходит из земли, цветет некоторое время, посылает свой аромат всему существованию... Затем — миссия выполнена, послание отправлено, она тихо падает снова на землю и исчезает, без единой слезы, без малейшей борьбы. Видели ли вы, как падают на землю лепестки цветка? Как красиво и изящно они падают, не цепляясь; ни на мгновение они не пытаются уцепиться. Просто налетает ветерок, и весь цветок уходит в землю, возвращается к источнику.

Человек, который боится смерти, будет бояться и жизни, будет бояться и любви, потому что любовь — это тоже цветок, любовь — это не рупия. Человек, который боится жизни, может жениться, но никогда не влюбится. Брак похож на рупию, любовь похожа на цветок розы. Может быть, она есть, может быть, ее нет, но ты не можешь быть в ней уверенным, в ней нет никакого легального бессмертия. Брак — это что-то такое, за что можно уцепиться, о нем есть свидетельство, за ним стоит суд. За ним стоит власть полиции и президента, и все они придут на помощь, если что-то пойдет не так.

Но с любовью... Конечно, и в розах есть собственная сила, но розы не полицейские, не президенты, они не могут защищать.

Любовь приходит и уходит, брак только приходит. Это мертвое явление, это институция. Просто невероятно, что люди продолжают жить в институциях. Испуганные, боящиеся смерти, они убили все возможности смерти отовсюду. Они окружают себя иллюзией, что все останется таким, как есть. Все надежно и безопасно. Скрываясь за этой безопасностью, они чувствуют себя в безопасности, но это по-дурацки, глупо. Ничто не может их спасти; смерть придет и постучит в их двери, и они умрут.

Сознание может принять два взгляда на жизнь. Один — бояться жизни, потому что посредством жизни приходит смерть. Другой — любить жизнь так глубоко, чтобы ты начал любить и смерть, потому что это глубочайшее ее внутреннее ядро. Первый подход приходит из мышления, второй — из медитации. Первый подход приходит из-за слишком многих мыслей, второй — из лишнего мышления ума, из не-ума. Сознание может быть низведено до мыслей; мысли могут снова расплавиться в сознании.

Просто подумайте о реке холодной зимой. Когда начинают появляться льдины, определенные части воды замерзли. Затем, становится совсем холодно, температура падает ниже нуля, и вся река замерзает. Теперь нет никакого движения, никакого потока. Сознание — это река, поток: чем больше мыслей, тем более поток заморожен. Если мыслей слишком много, столько мысле-препятствий, нет никакой возможности потока. Тогда река замерзает полностью. Ты полностью мертв.

Но если река полностью течет, если ты расплавляешь льдины, расплавляешь все, что заморожено, все мысли... Именно это и есть медитация: это усилие разморозить все мысли. Их можно снова конвертировать в сознание. Тогда река течет, в реке есть течение, она жива, пульсирует жизнью, танцует, движется к морю. Море означает смерть. Река исчезнет, исчезнет навечно, станет одним целым с безбрежным, и у нее больше не будет никакой индивидуальности. У нее не будет собственного имени: Ганг больше не будет Гангом, Волга больше не будет Волгой. Они исчезают в необозначенном на картах.

Если ум боится, он становится водоворотом мыслей. Если ты тоже слишком думающий человек, постоянно думающий с утра до вечера, с вечера до утра: днем — мысли, мысли и мысли, ночью — сны, сны и сны, твоя река замерзла. Это тоже часть страха: твоя река настолько замерзла, что ты не можешь двигаться, и океан остается далеко. Если ты движешься, то впадешь в океан.

Медитация — это усилие тебя разморозить. Мысли мало-помалу тают, как снег, снова становятся текучими, ум становится потоком. Теперь ничто не преграждает ему путь, и он беспрепятственно движется к океану.

Если сознание становится медитативным, ты принимаешь смерть, и тогда смерть — не что-то отдельное, это ты сам. Тогда ты принимаешь смерть как отдых; тогда ты принимаешь смерть как окончательное расслабление; тогда ты принимаешь смерть как удаление от дел. Ты удаляешься от дел. Весь день ты тяжело работал, вечером приходишь домой и засыпаешь, удаляешься от дел. Жизнь подобна дню, смерть подобна ночи.

***

Но страх, тревога, невроз времени — это становится хроническим. Это почти так, словно твоей второй натурой стало постоянно осознавать, что время проходит, и бояться. В своей основе, вот какой это страх: «Я еще не смог жить, а время движется. Его нельзя восстановить; я не могу этого переделать; как только оно ушло, оно ушло навсегда. И с каждым днем жизнь сжимается, становится меньше, меньше и меньше».

Этот страх — не страх смерти, это страх времени, и если ты в него глубоко заглянешь, то найдешь, что это страх непрожитой жизни — ты не был способен жить. Если ты живешь, тогда страха нет. Если жизнь приходит к осуществленности, страха нет. Если ты наслаждался, достигал вершин, которые может дать жизнь, — если твоя жизнь была оргазмическим опытом, глубокой поэзией, вибрировавшей у тебя внутри, песней, праздником, церемонией, и ты прожил каждое мгновение во всей его тотальности — тогда страха времени нет. Тогда страх исчезает.

Ты готов, даже если смерть придет сегодня, ты готов: ты узнал жизнь. Фактически, ты будешь приветствовать смерть, потому что откроется новая возможность. Раскроется новая дверь, новая тайна. «Я прожил жизнь. Теперь в дверь стучится смерть, и я прыгну в открытую дверь. Входи! — потому что жизнь я уже узнал и хотел бы узнать и тебя».

Именно это случилось с Сократом, когда он умирал. Его ученики начали плакать и рыдать — естественно. Сократ открыл глаза и сказал:

— Перестаньте! Что вы делаете? Вы плачете и рыдаете? Я прожил свою жизнь, и прожил ее тотально. Теперь приходит смерть, и я полон энтузиазма. Я жду ее с такой огромной любовью, жаждой, надеждой. Открывается новая дверь, жизнь раскрывает новую тайну.

Кто-то спросил:

— И тебе не страшно?

— Я не вижу, почему человек должен бояться смерти... потому что, прежде всего, я

совершенно не знаю, что со мной будет. Во-вторых, есть только две возможности: либо я выживу, — тогда нет никакой проблемы, и страх бессмыслен, — либо не выживу. Тогда тоже нет никакой проблемы, и страх бессмыслен. Если я не выживу, проблемы нет, — если нет меня, не может быть и проблемы, — а если выживу таким, какой я здесь, если выживет мое сознание, проблемы не будет и тогда, потому что я останусь прежним. Проблемы были и в жизни; я их решал. Поэтому, если буду я, и будут проблемы, я их решу.

Решить проблему всегда радостно; она бросает вызов. Ты принимаешь вызов, движешься в него, и когда ты ее решаешь, происходит огромное высвобождение счастья.

Страх смерти — это страх времени. А страх времени глубоко внутри — это страх непрожитых мгновений, непрожитой жизни.

Что же делать?

Живи больше, живи более интенсивно. Живи опасно. Это твоя жизнь. Не жертвуй ею ни ради какого рода глупости, которой тебя научили. Это твоя жизнь: живи ее! Не жертвуй ею ради слов, теорий, стран и политики. Не жертвуй ею ни ради кого другого. Живи ее! Не думай, что чтобы умереть, нужна храбрость.

Единственно возможная храбрость — тотально жить; никакой другой храбрости нет.

Умереть очень легко и просто. Ты можешь пойти и броситься в пропасть, можешь повеситься — это так просто. Ты можешь стать мучеником во имя страны, бога, религии, церкви... Всех этих мясников! Всех этих убийц!

Не жертвуй собой. Ты здесь ради себя самого и никого другого.

Просто живи. И живи в тотальной свободе, так интенсивно, чтобы каждое мгновение трансформировалось в вечность. Если ты проживаешь мгновение интенсивно, ты движешься в вертикальное, ты выпадаешь из горизонтального.

Есть два вида отношений со временем: одно — плыть на поверхности океана, другое — глубоко нырнуть, двигаться в глубину.

Если ты просто плывешь по поверхности, то всегда будешь бояться, потому что поверхность — не реальность. Поверхность — это на самом деле не океан, только граница, только периферия. Иди в глубину, двигайся в глубину. Проживая мгновение глубоко, ты больше не часть времени.

Если ты влюбляешься, глубоко влюбляешься, время исчезает. Когда ты с возлюбленной или возлюбленным, или с другом, внезапно — времени нет. Ты движешься в глубину. Если ты любишь музыку, если у тебя музыкальное сердце, ты знаешь, что время останавливается. Если у тебя есть чувство красоты, эстетическая восприимчивость и чувствительность — посмотри на цветок розы, и время исчезнет. Посмотри на Луну, и где время? Часы тут же останавливаются. Стрелки продолжают двигаться, но время останавливается. Если ты любил что-то глубоко, то знаешь, что трансцендировал время. Много раз тебе раскрывалась эта тайна. Ее тебе раскрывала сама жизнь.

Жизни хочется, чтобы ты наслаждался. Жизни хочется, чтобы ты праздновал. Жизни хочется, чтобы ты участвовал в ней так глубоко, чтобы не было раскаяния о прошлом, чтобы ты не вспоминал прошлого, потому что в каждое мгновение ты идешь глубже и глубже. В каждое мгновение жизнь становится более и более красивой, более и более оргазмической, вершинным опытом. Мало-помалу, когда ты сонастраиваешься с вершиной, она становится твоим жилищем.

Именно так живет просветленный человек: он живет тотально и из мгновения в мгновение.

Кто-то спросил дзэнского мастера:

— Что ты делаешь, с тех пор как стал просветленным?

Он ответил:

— Ношу воду из колодца, рублю дрова в лесу, когда голоден, ем, когда мне хочется спать,

сплю — вот и все.

Но хорошо помните: когда человек, достигший глубокого понимания собственного существа, рубит дрова, он просто рубит дрова; больше никого нет. Фактически, рубящего нет; есть только рубка дров. Рубящего нет, потому что рубящий — это прошлое. Когда он ест, он просто ест.

Другой великий дзэнский мастер сказал:

— Когда сидишь, сиди; когда ходишь, ходи. И, самое главное, не шатайся.

Время стало проблемой, потому что ты не жил правильно. Простые вещи: принимая ванну, принимай ее тотально. Забудь обо всем мире! Сидя, сиди, ходя, ходи. И, главное, не шатайся. Сиди под душем, и пусть на тебя падает все существование. Небольшие вещи: уборка дома, приготовление пищи, стирка одежды или утренняя прогулка — делай их тотально. Тогда не нужно никакой медитации.

Медитация — не что иное, как способ научиться все делать тотально.

Как только ты этому научился, сделал всю свою жизнь медитацией, забудь всё о медитации: пусть жизнь будет единственным законом, пусть жизнь будет единственной медитацией. Тогда время исчезает, и помни: когда исчезает время, исчезает и смерть. Тогда ты не боишься смерти. Фактически, ты ждешь ее.

Просто подумай об этом явлении: как может существовать смерть, если ты ее ждешь?

Это ожидание не суицидально, это ожидание не патологично. Ты прожил свою жизнь. Если ты прожил, смерть становится самой вершиной всей жизни. Смерть — это высшая точка жизни, пик, кульминация.

Ты прожил все небольшие волны: еды, питья, сна, хождения, любви, — ты прожил маленькие и большие волны. Тогда приходит величайшая волна: ты умираешь. Ты и ее должен прожить во всей ее тотальности. Тогда человек готов умереть. Сама эта готовность — смерть самой смерти.

Именно так люди узнают, что ничто не умирает. Смерть бессильна, если ты готов ее прожить; власть смерти огромна, если ты ее боишься.

Непрожитая жизнь дает смерти власть. Тотально прожитая жизнь отнимает у смерти всю власть. Смерти нет.

Никто на самом деле не боится смерти; иначе жизнь стала бы невозможной. Есть естественная мера предосторожности, и это одна из природных основ, которые нужно понять.

Природа не хочет, чтобы ты чувствовал страх смерти, по той простой причине, что если этот страх смерти станет ошеломляющим, ты не сможешь жить. Жизнь можно прожить, только если так или иначе ты можешь продолжать верить, что будешь оставаться здесь вечно. Вещи изменятся, люди умрут, но ты останешься вне всех этих перемен. И это основано на твоём опыте.

Поэт говорит:

— Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол, — он звонит по тебе.

Но когда он звонит по тебе, тебя нет, чтобы это услышать, — именно в этом трудность. Я вам говорю, он всегда звонит по кому-то другому; именно поэтому ты можешь его слышать. Поэт не знает более глубоких царств человеческого сознания. В определенном смысле, он говорит правду. Да, он звонит по тебе. Но ты его слышишь... Ты можешь понять, что из этого вытекает, но это «вытекающее» не создаст в тебе страха. Я могу сказать с уверенностью, что даже тот поэт, который это написал, не боялся смерти. Даже он, слыша звон колокола, не подумал бы, что он звонит по нему самому. Он всегда звонит по кому-то другому, это всегда кто-то другой.

Люди боятся рака, люди боятся СПИДа, люди боятся ослепнуть, люди боятся покалечиться; люди боятся всех возможных вещей, которые могут произойти в старости; они боятся старости. Никто не боится смерти. Смерть так чиста — почему человек должен бояться смерти? Фактически, чем ближе ты подходишь к старости и к смерти, тем более начинаешь надеяться, что смерть придет скоро. Смерть абсолютно чиста и ничем не замутнена. Она никогда никого не беспокоила, она никогда никого не мучила. Никто не боится смерти. Люди, несомненно, боятся того, что придется лежать в незнакомой постели в какой-нибудь больнице — ноги вверх, руки вниз, всевозможные инструменты присоединены к голове и груди... Люди боятся всего этого, но смерти? Видели ли вы когда-нибудь, чтобы смерть принесла кому-то вред? Почему кто-то должен бояться смерти?

Люди боятся жизни, не смерти, потому что жизнь — это проблема, которая требует решения. В жизни есть тысячи сложностей, которые должны быть разрешены. В жизни есть столько измерений, что ты постоянно тревожишься: правильно ли то измерение, в котором ты движешься, или ты оставил правильное позади?

Что бы ты ни делал, этот вопросительный знак никогда тебя не покидает: та ли это вещь, которую ты действительно хотел делать, и то ли это, к чему ты предназначен? Каждый находится в постоянном хаосе из-за жизни. Люди боятся жизни, люди пытаются жить как можно более ограниченно. Люди сделали жизнь ограниченным делом.

Они пытаются огородить свою жизнь забором. Они не хотят жить жизнь в ее диком виде; это очень страшно. Они ограждают свой дом милым забором, разбивают внутри прекрасный английский сад: все симметрично, выкроено по мерке, ухожено — и думают, что это жизнь. Это не жизнь, это только попытка избежать жизни.

Жизнь может быть только дикой.

В ней не может быть никаких заборов; она не может быть похожей на английский сад. В ней нет ничего викторианского, и ничто в ней не симметрично.

Люди боятся жизни, и боятся потому, что жизнь возможна, только когда ты способен быть диким — диким в любви, диким в песне, диким в танце. Именно это создает страх.

Отбрось страх жизни... Потому что ты можешь либо бояться, либо жить; это в твоих руках. Чего тебе бояться? Ты ничего не можешь потерять. Ты можешь выиграть все. Отбрось все страхи и прыгни тотально в жизнь. Тогда однажды смерть придет как желанный гость, не враг, и ты будешь наслаждаться смертью, более чем наслаждался жизнью, потому что в смерти есть свои красоты. И смерть очень редка, потому что случается лишь изредка — жизнь происходит каждый день.

***

В вас есть много возможностей, один слой за другим.

Первый слой — слой тела. Отождествляясь с телом, ты отождествляешься с временным, с мгновенным. Тогда обязательно будет страх смерти.

Тело — это поток, как река, — постоянно текущий и меняющийся. В нем нет ничего от вечного. Каждое мгновение тело меняется. Фактически, тело в каждое мгновение умирает. Не через семьдесят лет внезапно ты умираешь; тело умирает каждый день. Смерть продолжается семьдесят лет; это процесс. Смерть — это не событие, это долгий процесс. Мало-помалу, мало-помалу тело приходит к точке, в которой больше не может держаться вместе: оно распадается на составные части.

Если ты отождествлен с телом, конечно, будет постоянный страх того, что приближается смерть. Ты можешь жить, но жить только в страхе. Что это за жизнь, если сам ее фундамент постоянно дрожит? Когда человек сидит на вулкане, и смерть возможна в любое мгновение? Когда одно известно точно — что приближается смерть — и неопределенно все остальное? Как человек может жить? Как он может праздновать? Как он может танцевать, петь и быть? Невозможно. Смерть этого не позволяет. Смерти слишком много, она слишком близка.

Затем есть второй слой внутри тебя: слой ума, который еще более временный и текущий, чем тело. Ум тоже постоянно распадается.

Ум — внутренняя часть тела, а тело — внешняя часть ума. Это не две вещи. «Тело и ум» — неправильное выражение. Правильным выражением будет «тело-ум». Ты психосоматичен. Не «есть тело и есть ум». Тело — это грубый ум, а ум — это тонкое тело. Это стороны одной и той же монеты — внешняя сторона и внутренняя.

Таким образом, есть люди, которые отождествлены с телом. Это материалисты. Они не могут жить. Они отчаянно пытаются, но не могут жить. Материалист только притворяется, что живет; он не может жить. Его жизнь не может быть очень глубокой; она может быть только поверхностной и плоской, потому что он пытается жить посредством тела, которое постоянно умирает. Он живет в доме, который охвачен пламенем. Он пытается отдышаться в доме, охваченном пламенем. Как ты можешь отдышаться? Как ты можешь любить?

У материалиста может быть только секс, он не может любить, потому что секс временный; в любви есть что-то от вечного. Он может заводить с людьми отрывочные контакты, но не может быть в отношениях. Он постоянно бежит, потому что отождествлен с телом. Тело никогда не в покое, это постоянное движение. Самое большее, у него может быть секс — временная, мгновенная вещь; ничего более глубокого, ничего от души и ничего от внутреннего ядра. Существа остаются далеко; тела встречаются и смешиваются, потом снова отделяются. Материалист — самый идиотический человек, потому что он пытается жить смертью. Это глупость.

Другого типа человек идеалист — тот, кто отождествлен с умом, с идеями, идеологиями и идеалами. Он живет в очень эфемерном мире, — который ничем не лучше того, в котором живет

материалист. Конечно, это более удовлетворяет эго, потому что он может осуждать материалиста. Он говорит о Боге, он говорит о душе; он говорит о религии и великих вещах. Он говорит о другом мире — но все это просто разговоры. Он живет в уме: постоянно думая и размышляя, играя с идеями и словами. Он создает утопии ума — великие и прекрасные мечты — но он тоже трагит впустую свою возможность здесь и сейчас и всегда думает о чем-то другом.

Слово утопия красиво. Оно означает «то, что никогда не приходит». Он думает о чем-то таком, что никогда не приходит и не может прийти. Он живет где-то в другом месте. Он существует здесь, а живет где-то еще. Он живет в дихотомии, в раздвоенности. Он существует в огромном напряжении. Политики, революционеры, так называемые теологи и священники — все они живут жизнью, отождествленной с умом, а настоящая жизнь остается за пределами тела и ума. Ты в теле, ты в уме, но ты ни то и не другое.

Тело — это твоя внешняя скорлупа, а ум — внутренняя.

Ты — за пределами того и другого.

Это прозрение — начало настоящей жизни.

Как начать осознавать это прозрение? Именно в этом и состоит вся медитация.

Начни свидетельствовать. Идя по улице, стань свидетелем. Наблюдай, как тело идет: ты из глубочайшего внутреннего ядра просто наблюдаешь, свидетельствуешь и замечаешь. Внезапно у тебя появится чувство свободы. Внезапно ты увидишь, что тело идет, а ты не идешь.

Иногда тело здорово, а иногда больно. Наблюдай, просто наблюдай, и внезапно у тебя появится ощущение совершенно другого качества бытия. Ты не тело. Тело больно, конечно, но ты не болен. Тело здорово, но это не имеет ничего общего с тобой.

Ты свидетель, наблюдатель на холмах... далеко за пределами. Конечно, ты привязан к телу, но не отождествлен с телом, укоренен в теле, но всегда за его пределами, всегда трансцендентен.

Первая медитация — отделить себя от тела. И мало-помалу, когда ты станешь более и более острым в своем наблюдении тела, начни замечать мысли, которые постоянно продолжаются у тебя в уме. Но сначала наблюдай тело. Поскольку оно грубо, его замечать легче, и для этого не понадобится большой осознанности. Как только ты сонстраиваешься, начни наблюдать ум.

Все, что только можно наблюдать, отдельно от тебя. Все, что только можно свидетельствовать, не ты: ты свидетельствующее сознание. Свидетельствуемое — это объект; ты — субъективность. Тело и ум остаются далеко, когда ты становишься свидетелем. Внезапно ты есть — без тела и без ума... чистое сознание, лишь чистота, невинность, зеркало.

В этой невинности впервые ты узнаешь, кто ты такой. В этой чистоте впервые существование становится жизнью. Впервые ты есть. До этого ты просто спишь, и тебе снятся сны; теперь ты есть.

И когда ты есть, смерти нет.

Тогда ты знаешь, что будешь свидетельствовать и свою смерть. Тот, кто стал способен свидетельствовать жизнь, стал способен и свидетельствовать смерть, потому что смерть — не конец жизни; это сама ее кульминация. Это сам ее пик.

В смерти жизнь приходит к кульминации.

Поскольку ты боишься, ты упускаешь. Иначе смерть — величайший экстаз, величайший из всех возможных оргазм.

Ты знал небольшой оргазм секса. В сексе тоже происходит небольшая смерть. Некоторая жизненная энергия высвобождается из тела, и ты чувствуешь оргазмичность, освобождение от бремени и высвобождение. Просто подумай о смерти: высвобождается вся твоя энергия. Смерть — это величайший оргазм.

В сексуальном оргазме небольшая, крошечная часть энергии расслабляется. Даже тогда ты чувствуешь себя прекрасно. И тогда ты чувствуешь расслабление и глубоко засыпаешь; все напряжения растворены. Ты становишься гармонией. Думай о смерти как о высвобождении всей жизни, из каждой поры твоего тела вся жизнь высвобождается и возвращается к целому. Это величайший из всех возможных оргазмов.

Да, смерть — это величайший оргазм, но люди продолжают упускать его из-за страха. То же самое происходит с сексуальным оргазмом. Многие люди продолжают его упускать. Они не могут испытывать оргазма из-за страха. Они не могут двигаться в него тотально. Помни: те же самые люди, которые боятся смерти, боятся и секса.

Вы можете наблюдать это в Индии. Эта страна оставалась боящейся секса, и эта страна очень боится смерти. Нигде нельзя найти больших трусов, нигде нельзя найти более трусливых людей. Что произошло? Те люди, которые боятся смерти, боятся и секса, потому что в сексе происходит небольшая смерть. Те люди, которые боятся секса, слишком цепляются за жизнь. Они становятся скупыми. Скупые люди упускают сексуальный оргазм, а потом — великий оргазм, осуществление всей жизни.

Однажды узнав смерть, ты примешь ее в полном праздновании. Ты будешь ее приветствовать. Это осуществление всей твоей жизни. Это цветение всего твоего жизненного усилия. Путешествие заканчивается. Человек возвращается домой.

В смерти ты не умираешь.

Случается только то, что энергия, данная тебе через тело и ум, высвобождается и возвращается в мир. Ты возвращаешься домой.

Если ты действительно умираешь правильно, то никогда больше не родишься. Позвольте мне это вам объяснить. Если ты не умираешь правильно, то не достигаешь тотального оргазма, которым является смерть, и рождаешься снова, потому что упустил, и тебе нужна еще одна попытка.

Существование с тобой очень терпеливо. Оно продолжает давать тебе больше и больше возможностей. У него есть сострадание. Если ты упустил эту жизнь, существование даст тебе другую. Если ты потерпел поражение на этот раз, тебя отправят обратно в мир, на другую сессию. Пока ты не осуществишь цели, ты будешь отправлен обратно снова и снова. В этом смысл теории реинкарнации.

Христианский Бог немного скуп: он дает только одну жизнь. Это создает большое напряжение. Только одна жизнь? Нет времени даже на то, чтобы заблуждаться и сбиваться с дороги. Это создает очень глубокое внутреннее напряжение. На Востоке мы создали концепцию гораздо более сострадательного бога, который дает бесконечно. Ты упустил на этот раз? Попробуй еще! И в определенном смысле это очень разумно. Нет никакого личного бога как такового, который дает вам жизнь. Фактически, это вы сами.

Вы никогда не замечали? Ночью ты засыпаешь. Просто наблюдай. Когда ты засыпаешь, начинаешь засыпать, просто наблюдай последнюю мысль, последнее желание и последний фрагмент своего ума. Затем утром, когда проснешься, не открывай глаз, снова просто наблюдай. Этот последний фрагмент будет первым фрагментом утром.

Если ты думаешь о деньгах, когда засыпаешь, и точно та же мысль будет первой утром. Ты будешь снова думать о деньгах — потому что эта мысль осталась у тебя в уме и ждала, пока ты не вернешься к ней. Если ты думал о сексе, утром ты будешь думать о сексе. Что бы то ни было... Если ты думал о Боге и молился, и это было последнее ночью, первым, что ты найдешь утром, будет то, что в тебе возникает молитва.

Последняя мысль вечером будет первой мыслью утром. Последняя мысль этой жизни будет первой мыслью другой жизни. Последняя мысль, когда ты умираешь в этот раз, будет первым

семенем твоей следующей жизни.

Но когда умирает Будда, - человек, который достиг, просто умирает без мыслей. Он наслаждается оргазмом. Это так осуществляет, так тотально осуществляет, что нет необходимости возвращаться. Он исчезает в космосе. Не нужно снова воплощаться в теле.

На Востоке мы наблюдаем, как люди переживают опыт смерти. То, как ты умираешь, отражает всю твою жизнь и то, как ты жил.

Если я смогу увидеть одну только твою смерть, то смогу написать всю твою биографию — потому что в этот момент вся жизнь становится конденсированной. Это мгновение — словно удар молнии, который освещает в тебе все.

Скупой человек умрет со сжатыми кулаками — все еще держась и цепляясь, все еще пытаясь не умереть, все еще пытаясь не расслабиться. Любящий человек умрет с открытыми кулаками, делясь... делясь даже смертью, как делился жизнью. Ты можешь увидеть, что все написано у него на лице: прожил ли этот человек жизнь полностью бдительным и осознанным. Если было так, тогда на его лице будет сиять свет; вокруг его тела будет аура. Ты приближаешься к нему и чувствуешь молчание — не печаль, а молчание. Бывает даже так, что если человек умер блаженно и в тотальном оргазме, внезапно рядом с ним ты почувствуешь себя счастливым.

Это случилось со мной в детстве: святой человек в моей деревне умер. Я питал к нему определенную привязанность. Он был священником в небольшом храме, очень бедным человеком. Когда я проходил мимо — а я проходил мимо, по крайней мере, дважды в день: школа была рядом с храмом, и по дороге туда, я проходил мимо, — он звал меня и всегда давал какой-нибудь фрукт или сладость.

Когда он умер, я был единственным ребенком, который пришел его проводить. Собрался весь город. Внезапно — я сам не мог этому поверить — я стал смеяться! Там был мой отец; он попытался меня остановить, потому что почувствовал себя смущенным. Смерть не время для смеха. Он попытался меня заткнуть. Он говорил мне раз за разом: «Тише!»

Я никогда больше не чувствовал такого непреодолимого желания смеяться — ни до, ни после, смеяться так громко, словно случилось что-то великолепное. Я не мог этого сдерживать; я громко смеялся. Все на меня рассердились, и меня отправили домой. Мой отец мне сказал:

— Я больше никогда не возьму тебя ни в какую серьезную ситуацию! Из-за тебя я был очень смущен. Почему ты смеялся? Что было смешного? Что смешного в смерти? Все плакали и рыдали, а ты смеялся.

Я ему сказал:

— Что-то случилось... этот старик излучал какую-то энергию, и это было безмерно красиво. Он умер оргазмической смертью.

Я сказал ему не именно этими словами, но я ему сказал, что чувствовал, что это была очень счастливая смерть, очень блаженная смерть, и хотел участвовать в его смехе. Он смеялся, его энергия смеялась. Меня стали считать сумасшедшим. Как может человек умереть, смеясь? С тех пор я наблюдал много смертей, но никогда больше не видел смерти, подобной этой.

Когда ты умираешь, то высвобождаешь энергию, и с этой энергией — весь свой жизненный опыт. Кем бы ты ни был: печальным, счастливым, любящим, злым, страстным или сострадательным — эта энергия несет в себе вибрации всей твоей жизни. Каждый раз, когда умирает святой, просто быть рядом с ним — великий подарок; просто быть орошенным его энергией — великое вдохновение. Ты будешь перемещен в совершенно другое измерение. Его энергия подхватит тебя, и ты почувствуешь себя опьяненным.

Смерть может быть полной осуществленностью, но это возможно, только если была прожита жизнь.

Почему я так, боюсь старости? Покажи мне, как мне от этого избавиться.

Жизнь, если она правильно прожита, если она действительно прожита, никогда не боится смерти. Если ты прожил жизнь, то будешь приветствовать смерть. Она придет как отдых, как глубокий сон. Если ты достиг вершин, пиков в своей жизни, тогда смерть — прекрасный отдых, благословение. Но если ты не жил, тогда, конечно, смерть создает страх. Если ты не жил, тогда, несомненно, смерть отнимает из твоих рук время, все будущие возможности жить. В прошлом ты не жил, а будущего не будет: возникает страх. Страх возникает из-за смерти, но также и из-за непрожитой жизни.

И из-за страха смерти страшна и старость, потому что это первый шаг смерти. Иначе старость тоже красива. Это созревание твоего существа, зрелость, рост. Если ты живешь из мгновения в мгновение, проживаешь все вызовы, которые дает жизнь, используешь все возможности, которые жизнь открывает, и дерзаешь пуститься в путешествие в неизвестное, к которому жизнь зовет и приглашает тебя, тогда старость становится зрелостью. Иначе старость — это просто болезнь.

К несчастью, люди просто стареют, становятся старыми, без всякой связанной с этим зрелости. Тогда старость — это бремя. Ты стареешь телом, но сознание остается инфантильным. Ты стареешь телом, но не достигаешь зрелости во внутренней жизни. Не хватает внутреннего света, и смерть приближается с каждым днем; конечно, ты дрожишь и боишься, и в тебе возникнет огромная боль.

Те, кто живет правильно, принимают старость и глубоко её приветствуют, потому что старость просто говорит, что они приходят к цветению, что они приходят к плодоношению, что теперь они смогут поделиться всем, что накопили.

Обычно старость безобразна, потому что это просто болезнь. Твой организм не созрел, он только становится более и более больным, слабым, бессильным. Иначе старость — самое красивое время жизни. Вся глупость детства ушла, лихорадка и страсть молодости ушли... возникают безмятежность, молчание, медитация, самадхи.

Старость безмерно красива, и она должна быть такой, потому что вся жизнь движется к ней. Она должна быть пиком. Как пик может быть в начале? Как пик может быть в середине? Но если ты думаешь о детстве как о своем пике, как многие люди, тогда, конечно, вся твоя жизнь будет страданием, потому что ты достиг своей вершины — и теперь все будет идти на убыль, на спад. Если ты считаешь пиком молодость, как многие люди, тогда, конечно, после тридцати пяти лет ты станешь печальным, подавленным, потому что с каждым днем будешь терять, терять и терять, ничего не приобретая. Энергия будет убывать, ты будешь слабеть, в твое существо войдут болезни, и смерть постучится в дверь. Дом исчезнет, появится больница. Как ты можешь быть счастливым? Нет. И на Востоке мы никогда не считали детство пиком жизни. Пик ожидает в самом конце.

И если жизнь течет правильно, мало-помалу ты будешь достигать более и более высоких пиков. Смерть — это предельный пик, которого достигает жизнь, ее кульминация.

Но почему мы упускаем жизнь? Почему стареем, а не становимся зрелыми? Где-то что-то пошло не так, где-то нас направили на неправильный путь — где-то ты согласился оказаться на неправильном пути. Это соглашение нужно разрушить; этот договор нужно сжечь. Ты должен прийти к пониманию того, что до сих пор жил неправильно, — это был компромисс, на самом деле, не жизнь.

Когда вы были маленькими детьми, вы пошли на компромисс. Вы продали свое существо. Ни за что. То, что вы получили, — просто ничто, просто мусор. Ради небольших вещей вы потеряли душу. Вы согласились быть кем-то другим, не самими собой; именно в этом вы упустили свой путь. Мать хотела, чтобы ты кем-то стал, отец хотел, чтобы ты кем-то стал, общество хотело, чтобы ты кем-то стал; ты согласился. Мало-помалу ты решил не быть собой. И с тех пор ты так и притворялся кем-то другим.

Ты не можешь стать зрелым, потому что этот «кто-то другой» не может стать зрелым. Он ложен. Если на мне маска, маска не может стать зрелой. Мое лицо может стать зрелым, но не маска. И только маска продолжает стареть. Прячась за маской, ты не растешь. Ты можешь расти, только если примешь себя — что ты собираешься быть собой, никем другим.

Розовый куст согласился стать слоном; слон согласился стать розовым кустом. Орел встревожен, идет к психиатру, потому что хочет стать собакой, а собака госпитализирована, потому что хочет летать, как орел. Именно это случилось с человечеством. Величайшее бедствие — согласиться быть кем-то другим: так ты никогда не становишься зрелым.

Ты никогда не сможешь стать зрелым, будучи кем-то другим. Ты можешь стать зрелым только как ты сам. Все «ты должен» нужно отбросить, и еще отбросить слишком большую тревогу о том, «что скажут люди». Что стоит их мнение? Кто они такие? Ты здесь для того, чтобы быть самим собой. Ты здесь не для того, чтобы исполнять ничьих ожиданий; а это пытается делать каждый. Отец, может быть, умер, но ты пытаешься осуществить данное ему обещание. А он пытался осуществить обещание, данное его отцу, и так далее, и так далее. Глупость продолжается с самого начала.

Попытайся понять, наберись храбрости — и возьми свою жизнь в собственные руки. Внезапно ты почувствуешь прилив энергии. В тот момент, когда ты решишь: «Я буду самим собой и никем другим. Что бы это ни стоило, но я буду самим собой», — в это самое мгновение ты увидишь огромную перемену. Ты почувствуешь больше жизненных сил. Ты почувствуешь, что в тебе струится, пульсирует энергия.

Пока этого не случится, ты будешь бояться старости, потому что не можешь избежать видения того факта, что впустую тратишь время и не живешь, и приходит старость, и скоро ты больше не сможешь жить. Как ты можешь избежать видения того факта, что есть смерть, и с каждым днем она подходит ближе, ближе и ближе, а ты еще не жил? Ты обязательно будешь в глубокой боли.

Поэтому, если ты спрашиваешь меня, что делать, я предложу очень простую вещь. И дело всегда в простых вещах. Никогда не беспокойся о вторичных вещах, потому что их ты можешь изменить, но ничего не изменится. Измени основу.

Вот пример того, что вторично. «Почему я так боюсь старости? Покажи мне, как мне от этого избавиться». Сам вопрос возник из страха. Ты хочешь «от этого избавиться», - не понять, - и конечно, ты станешь жертвой кого-то или какой-то идеологии, которая поможет тебе от этого избавиться. Я не могу тебе помочь от этого избавиться. Фактически, проблема именно в этом. Я бы хотел, чтобы ты понял и изменил свою жизнь. Дело не в том, чтобы избавиться от проблемы; дело в том, чтобы избавиться от своей маски, от своей ложной персоны — того, кем ты пытался быть, и того, кто не настоящий ты. Ты не подлинный. Ты не искренен с самим собой; ты предал свое существо.

Поэтому, если ты спрашиваешь, — есть священники, философы и демагоги, — если ты пойдешь и спросишь их, как тебе от этого избавиться, они скажут: «Душа никогда не стареет. Не беспокойся. Просто помни, что ты душа. Это тело; ты не тело». Они тебя утешат. Может быть, на мгновение ты почувствуешь себя лучше, но это не поможет, это тебя не изменит. Завтра, когда выветрится влияние священника, снова ты окажешься в той же лодке.

И вся прелесть в том, что ты никогда не смотришь на самого священника: он сам боится. Ты никогда не смотришь на философа: он сам боится.

Я слышал.

Новый викарий работал слишком усердно, и исследование показало, что у него серьезно повреждены легкие. Доктор ему сказал, что абсолютно необходимым будет долгий отдых. Викарий воспротивился и сказал, что не может себе позволить бросить работу.

— Ладно, — сказал доктор, — перед вами стоит выбор: или в Швейцарию, или в рай.

Викарий некоторое время походил по комнате и ответил:

— Ладно, вы победили, Швейцария.

Когда дело касается жизни и смерти, даже священник, философ, люди, к которым ты идешь за советом, — они тоже не жили. Скорее всего, они не жили даже настолько, что и ты; иначе они не были бы священниками. Чтобы стать священниками, они совершенно отказали себе в жизни. Чтобы стать монахами, садху, махатмами, они совершенно отвергли свои существа и приняли все, что от них ожидало общество. Они полностью согласились с этим. Они не согласились с самими собой, с собственной жизненной энергией, и согласились с ложными, дурацкими вещами — уважением, респектабельностью.

Пойди и спроси их. Они сами дрожат. Глубоко внутри они сами боятся. Они и их ученики — все они в одной лодке.

Я слышал.

Папа в Ватикане лежал, серьезно больной, и было получено послание, что кардинал сделает с балкона Святого Петра специальное объявление.

Когда пришел день, знаменитая площадь была заполнена верующими. Старый кардинал сказал дребезжащим голосом:

— Его святейшество может спасти только пересадка сердца, и я обращаюсь ко всем вам, добрые католики, собравшиеся здесь, с просьбой вызваться быть донором.

Он поднял в руке перо и продолжал:

— Я уроню это перо среди вас, и тот, на кого оно упадет, будет избран Святым Провидением, чтобы спасти жизнь Святого Отца.

С этими словами он бросил перо... воцарилась полная тишина, и слышно было только, как двадцать тысяч преданных католиков тихо дуют в воздух...

Каждый боится. Если Святой Отец хочет выжить, почему эти бедные католики должны быть донорами?

Я не даю тебе никакого утешения. Я не собираюсь тебе говорить: «Душа вечна. Не беспокойся, ты никогда не умрешь. Умирает только тело». Я знаю, что это правда, но эту правду нужно заработать тяжелым путем. Ты не можешь этого знать из чьего-то об этом утверждения или заявления. Это не утверждение; это опыт. Я знаю, что это так, но для тебя это абсолютно бессмысленно. Ты не знал, что такое жизнь. Как ты можешь знать, что такое вечность? Ты не был способен жить во времени. Как ты можешь жить в вечности?

Человек начинает осознавать бессмертие, когда становится способным принять смерть. Через двери смерти тебе открывается бессмертное... но в страхе ты закрываешь глаза и становишься бессознательным.

Нет, я не дам тебе метод или теорию, чтобы от этого избавиться. Это просто симптом. Хорошо то, что это тебе указывает, что ты живешь фальшивой жизнью. Именно поэтому есть этот страх. Это точно как намек, и не пытайся изменить симптом; вместо этого измени основную причину.

Закрой глаза в любое мгновение: ты услышишь голос отца, голос матери, своих старших, учителей, но никогда не услышишь собственного голоса. Многие люди приходят ко мне и

говорят: «Ты говоришь о внутреннем голосе; мы никогда его не слышим». Есть толпа. Когда Иисус говорит: «Ненавидь отца и мать», он не имеет в виду буквально ненавидеть отца и мать. Он говорит ненавидеть тех отца и мать, которые стали бессознательными у тебя внутри. Ненавидь, потому что это самое уродливое соглашение, которое ты заключил, — суицидальное соглашение. Ненавидь, разрушь эти голоса, чтобы твой голос мог быть высвобожденным и освобожденным, чтобы ты мог почувствовать, кто ты такой, и кем хочешь быть.

Поначалу, конечно, ты почувствуешь себя в полной растерянности. Именно это происходит в медитации. Многие люди приходят ко мне и говорят: «Мы пришли, чтобы найти путь. Напротив, медитации привели нас в полную растерянность». Это хороший признак. Это показывает, что хватка других ослабевает. Именно поэтому ты чувствуешь растерянность: потому что эти голоса других давали тебе руководство, и ты начал в них верить. Ты верил в них так долго, что теперь они стали твоими путеводителями. Теперь, когда ты медитируешь, эти голоса распадаются. Ты освобожден из ловушки. Снова ты становишься ребенком и не знаешь, куда идти. Поскольку все эти путеводители исчезли, голоса отца больше нет, голоса матери больше нет, учителя нет, школы нет; внезапно ты один. Человек начинает пугаться: «Где мои руководители? Где люди, которые всегда вели меня по правильному пути?»

Фактически, никто не может вести тебя по правильному пути, потому что все руководство извне будет неправильным. Никакой лидер не может быть правильным лидером, потому что неправильно лидирование как таковое. Кому бы ты ни позволил себя вести, он причинит тебе вред, потому что начнет что-то делать, к чему-то тебя вынуждать, придавать тебе структуру; а тебе нужно жить неструктурированной жизнью, жизнью, свободной от всех структур и характеров, свободной от всех рамок, справочных, контактов — свободной в это мгновение от прошлого.

Поэтому все руководители — ложные руководители, и когда они исчезают, — а ты верил в них так долго, — внезапно ты начинаешь чувствовать себя пустым, окруженным пустотой, и все пути закрыты. Куда идти?

Этот период — очень революционный период в жизни существа. Человек должен пройти его с храбростью.

Если ты можешь оставаться в этом без страха, вскоре ты начнешь слышать собственный голос, который так долго был подавлен. Вскоре ты начнешь узнавать свой собственный язык, потому что ты забыл сам язык. Ты знаешь язык, которому тебя научили. И этот язык, внутренний язык, не вербален. Это язык чувствования. Все общества против чувствования; потому что чувствование — это такая живая вещь; оно опасно. Мысль мертва; она не опасна. Поэтому каждое общество заставляет тебя переходить в голову, толкает тебя из всего тела в одну только голову.

Ты живешь только из головы. Если тебе отрубить голову и внезапно ты встретишь свое тело без головы, то не сможешь его узнать. Узнают только лица. Все твое тело сжалось, потеряло блеск, мягкость, текучесть. Это почти мертвая вещь, почти как деревянная нога. Ты его используешь, функционально оно продолжается, но в нем не существует никакой жизни. Вся твоя жизнь перешла в голову. Подвешенный в ней, ты боишься смерти, потому что это единственное место, в котором ты можешь жить, единственное пространство, в котором ты можешь жить, — а оно должно быть распространено по всему телу. Твоя жизнь должна простираться и струиться по всему твоему телу. Ты должен стать рекой, потоком.

Человек должен жить как органическое единство. Все тело должно быть вновь обретено. Благодаря ногам ты соприкасаешься с землей — ты заземлен — и если ты потеряешь ноги и их силу, и они станут мертвыми конечностями, ты больше не укоренен в земле. Ты как дерево, у которого корни умерли или сгнили, ослабели; тогда дерево не может жить долго и не может

жить здорово, полно, целостно. Ноги нужны, чтобы быть укорененным в земле; это твои корни.

Голове нужно немного энергии, чтобы хорошо работать. Слишком много энергии в голове, и тогда она продолжает работать, и этому нет конца, потому что, - как теперь рассеять эту энергию? Она продолжает думать, думать и думать, потом видеть сны и видеть сны — днем и ночью, год за годом это продолжается — семьдесят лет. Только подумай. Вот вся твоя жизнь. Тогда, конечно, человек начинает бояться старости. Время уходит. Конечно, он естественным образом начинает бояться смерти. Смерть может прийти в любое мгновение, а ты всего лишь вращался в голове. Нигде больше ты не двигался, вся территория жизни осталась незатронутой.

Живи, двигайся по всему телу. Прими его с глубокой любовью. Почти влюбись в свое тело. Это божественный дар, храм, в котором должен жить Бог. Тогда не будет никакого страха старости; ты начнешь становиться зрелым. Твои опыты сделают тебя зрелым. Тогда старость не будет подобна болезни. Она будет красивым явлением. Вся жизнь была подготовкой к ней. Как она может быть болезнью? Всю жизнь ты к ней движешься. Это кульминация, последняя песня и танец, которые ты совершишь.

И никогда не жди никакого чуда. Тебе придется что-то сделать. Ум говорит, что случится то или другое, и все станет в порядке. Таким образом ничего не случится. Чудес не бывает. Позволь мне рассказать одну историю.

У Эйба Коэна при несчастном случае были поломаны обе ноги. Кости срослись, но Эйб подал иск в суд на ответственную компанию за причиненный ущерб, утверждая, что неизлечимо покалечен, и ему придется всю жизнь оставаться в инвалидной коляске. Страховая компания наняла хирургов, чтобы оценить ситуацию. Они доложили, что кости срослись прекрасно, и что Коэн прекрасно может ходить и просто притворяется. Как бы то ни было, когда это дошло до суда, судья пожалел мальчика в инвалидной коляске и присудил ему десять тысяч фунтов в виде компенсации ущерба. Позднее Эйба прикатили в главную контору за чеком.

— Господин Коэн, — сказал управляющий, — не думайте, что это сойдет вам с рук. Мы знаем, что вы притворяетесь. И позвольте мне вам сказать, что мы собираемся непрерывно вести на вас досье. Мы будем наблюдать за вами днем и ночью. Мы будем вас фотографировать, и если мы добудем доказательства того, что вы можете ходить, вам придется не только возратить выплаченную компенсацию ущерба, но и заплатить штраф за введение суд в заблуждение.

— Господин управляющий, я покалечен и на всю жизнь прикован к этой инвалидной коляске.

— Очень хорошо, вот чек на десять тысяч фунтов. Что вы собираетесь с ними делать?

— Господин управляющий, мы с женой всегда хотели путешествовать. Мы начнем с побережья Норвегии и проедем по всей Скандинавии (для большего эффекта он обвел рукой), потом посетим Швейцарию, Италию и Грецию — и пожалуйста, пусть за мной следуют все ваши агенты и шпионы; я калека в инвалидной коляске — естественно, мы поедем в Израиль, потом в Персию и Индию и доедем до Японии (он показал, как), потом Филиппины — и я все еще в инвалидной коляске, и пожалуйста, пусть за мной следит сколько угодно ваших шпионов со своими фотоаппаратами — и оттуда мы поедем в Австралию, потом в Южную Америку до самой Мексики (он показывает маршрут) и Аргентины — и помните, я все еще калека в инвалидной коляске, какой смысл в ваших шпионах и фотоаппаратах? Потом в Канаду. Оттуда мы доедем до Франции, где посетим место, которое называется Лувр, — и тут вы увидите чудо!

Но в настоящей жизни чудес не бывает. Для тебя никакого Лувра нет. Если ты покалечен, то должен что-то сделать, потому что именно ты сам себя покалечил, приняв что-то, что абсолютно глупо.

Но я знаю, что тебе пришлось это принять. Просто чтобы выжить, ты решил оставаться мертвым. Чтобы выжить, ты продал свое существо. Но теперь нет необходимости продолжать

эту глупость. Ты можешь из нее выйти.

Мне всегда говорили, что смерть — это вечный сон, но я на самом деле не убежден, что это правда. Я хотел бы быть убежденным — это было бы для меня утешением.

Убеждения мало помогают, потому что убеждение просто означает, что кто-то заставляет умолкнуть твои сомнения и подавляет твои сомнения; кто-то другой становится для тебя авторитетом. Может быть, логически он более аргументирован, может быть, у него лучший, более рациональный ум, и он может тебя убедить, что смерти нет, и ты можешь замолчать, и замолчат твои сомнения. Но даже сомнения, которые заставили замолчать, рано или поздно вернуться, потому что они не исчезли — они были только подавлены логическими аргументами.

Убеждения помогут мало; сомнения будут продолжаться подспудно. Один человек — убежденный христианин, другой — убежденный индуист. И я видел всех возможных людей — все они полны сомнений, все они — христиане, индуисты и мусульмане. Фактически, чем более человек полон сомнений, тем более он упрям. И тем более он пытается верить, потому что эти сомнения болезненны. Он говорит: «Я твердо верю в Гиту, в Коран, в Библию. Я непоколебимый католик».

Зачем католику быть «непоколебимым»? Ради чего? Наверное, ты страдаешь от огромных сомнений. Если у тебя нет никаких сомнений, нет и никаких верований.

Сомнения — это болезни, а верования — лекарства, но все эти лекарства аллопатические — они просто подавляют симптомы, и все они ядовиты. Все верования ядовиты. Да, на время они могут дать тебе ощущение, что никакой проблемы больше нет, но вскоре сомнения утвердят себя; они будут только выжидать правильного момента. Однажды они взорвутся со страшной силой. Они извергнутся, как вулкан; они возьмут своё. Поскольку ты их подавил, они накопили много энергии. Однажды, в какой-то момент слабости, когда ты потеряешь бдительность, они отомстят. Все ваши так называемые святые страдают от огромных сомнений.

Настоящей трансформацией будет твой собственный опыт; тогда сомнения могут никогда больше не вернуться. И, узнав, ты будешь удивлен тем, что все, что тебе говорили поэты: что смерть — это сон, глубокий сон, вечный сон, — было ложью. Утешительной ложью, красивой ложью, полезной ложью, но ложь есть ложь, и может помочь только на время.

Точно так же, когда ты слишком встревожен и напряжен, ты принимаешь алкоголь. Да, на несколько часов ты забудешь все свои проблемы и напряжения, но алкоголь не может удалить тревоги навсегда; он не может их решить. И пока ты топишь себя в алкоголе, эти тревоги растут, становятся сильнее; ты даешь им время расти. Когда ты вернешься в чувство на следующее утро, и к твоим тревогам прибавятся похмелье и головная боль, ты будешь удивлен: они стали больше, чем были, когда ты их оставил.

Тогда это становится образом жизни: снова и снова опьянять себя, чтобы забыть, — но снова и снова тебе придется обращаться лицом к жизни. Это не разумный способ жить.

Весь мой подход — подход экзистенциального опыта. Я не хочу, чтобы вы были верующими, я хотел бы, чтобы вы переживали опыт сами. Я не хочу вас убеждать. То, что я говорю, — мой опыт: никакой смерти нет. Я не говорю тебе: «Верь, что смерти нет». Я просто выражаю и делюсь опытом, что смерти нет. Это вызов, это не попытка тебя убедить. Это вызов — приди и исследуй.

Ко мне часто приходит страх смерти, интенсивный и сильный, и страх того, что придется покинуть всю эту красоту, эту дружбу и любовь. Как возможно расслабиться в этой определенности смерти?

Во-первых, расслабиться можно, только если смерть определена. Расслабиться трудно, потому что все неопределенно. Если ты знаешь, что умрешь сегодня, весь страх смерти исчезнет. Какой смысл терять время впустую? У тебя есть только один день, чтобы жить: жить как можно более интенсивно, жизнь как можно более тотально.

Смерть может не прийти. Смерть не может прийти к людям, которые живут очень интенсивно и очень тотально. И даже если она придет, те люди, которые жили тотально, приветствуют ее, потому что это огромное облегчение. Они устали жить, они жили так тотально и интенсивно, что смерть приходит как друг. Точно как за целым днем тяжелой работы следует ночь, и приходит глубокое расслабление, прекрасный сон, так и смерть следует за жизнью. В смерти нет ничего уродливого; нельзя найти ничего чище ее.

Если приходит страх смерти, это означает, что есть какие-то зазоры, незаполненные жизнью. Поэтому эти страхи смерти очень показательны и полезны. Они показывают, что твой танец может быть еще немного более быстрым, что ты должен зажечь факел своей жизни одновременно с обеих сторон. Танцуй так быстро, чтобы танцор исчез и оставался только танец. Тогда невозможно, чтобы к тебе приходил страх смерти.

«И страх того, что придется покинуть всю эту красоту, эту дружбу и любовь». Если ты тотально здесь и сейчас, кто заботится о завтра? Завтра позаботится о себе само. Иисус прав, когда молится Богу: «Господи, пошли мне ежедневный хлеб». Он даже не спрашивает о завтра, сегодня достаточно самого по себе.

Тебе придется научиться тому, что в каждом мгновении есть собственная законченность.

Страх того, что тебе придется покинуть все это, существует лишь потому, что ты не полностью живешь в этом мгновении; иначе времени нет, и нет ума, и нет пространства.

Одного купца спросили:

— Сколько тебе лет?

— Триста шестьдесят, — ответил он. Человек не мог этому поверить. Он сказал:

— Пожалуйста, повтори. Может быть, я не расслышал.

Купец закричал:

— Триста шестьдесят лет!

— Прости меня, — сказал человек, — но я не могу в это поверить. Ты выглядишь так, словно тебе не больше шестидесяти!

Купец сказал:

— Ты тоже прав. Что касается календаря, мне шестьдесят. Но что касается моей жизни, я прожил в шесть раз больше, чем кто-либо другой. За шестьдесят лет мне удалось прожить триста шестьдесят лет.

Все зависит от интенсивности.

Есть два способа жить. Первый — способ буйвола: он живет горизонтально, по линии. Другой — способ будды. Он живет вертикально, в высоту и глубину. Тогда каждое мгновение становится вечностью.

Не трать время на ерунду, но живи, пой, танцуй, люби так тотально и переполняюще, как только возможно. Никакие страхи не будут в тебя вмещиваться, и тебя не будет беспокоить, что случится завтра. Сегодня достаточно самого по себе. Прожитое, оно так полно; оно не оставляет никакого пространства, чтобы думать о чем-то еще.

Мне угрожает смерть. Я это принимаю, или мне кажется, что принимаю, но потом многие люди болеют и попадают в больницу, и случается смерть, и тогда у меня в животе возникает огромный узел страха. Я так боюсь смерти и умирания; это так выводит меня

из равновесия.

Смерть — это проблема. Ты можешь ее избегать и откладывать, но не можешь ее полностью рассеять. Ты должен с ней столкнуться. Только пройдя через нее до самого конца, ты можешь ее рассеять, — до самого конца. Это очень рискованно, и это вызовет в тебе сильный страх: все твоё существо начнет дрожать и трястись. Сама идея умирания неприемлема. Это выглядит таким несправедливым и таким бессмысленным. Если человек должен умереть, какой тогда смысл в его жизни? Тогда зачем я живу, для чего? Если, в конце концов, происходит только смерть, почему бы не совершить самоубийство прямо сейчас? Зачем вставать каждое утро, тяжело работать, ложиться спать, снова вставать, тяжело работать, ложиться спать — ради чего? Просто чтобы умереть в конце?

Смерть — это единственная метафизическая проблема. Именно из-за смерти человек начинает думать. Именно из-за смерти человек становится созерцающим, медитирующим. Фактически, именно из-за смерти родилась религия. Вся заслуга принадлежит смерти. Смерть взволновала сознание каждого. Такова проблема; ее нужно решить. В этом нет ничего плохого.

«Мне угрожает смерть» — смерть угрожает каждому. Мартин Хайдеггер сказал: «Человек — это бытие, движущееся к смерти». И это прерогатива человека. Животные умирают, но не знают, что умирают, не знают, что умрут. Деревья умирают, но у них не бывает никакого столкновения со смертью. Это прерогатива человека: знать, что он умрет. Поэтому человек может вырасти за пределы смерти. Поэтому есть возможность проникнуть в смерть и преодолеть ее.

«Я это принимаю, или мне кажется, что принимаю» — нет, принять невозможно. Ты можешь обманывать себя; ты можешь думать, что принимаешь, потому что так проблематично даже смотреть на это. Даже думать так проблематично, что человек решает: «Да, ладно, я умру — ну и что? Я умру, но не нужно поднимать этот вопрос. Лучше об этом не говорить». Человек держится от этого подальше и продолжает откладывать смерть в сторону, чтобы она не попадалась на пути. Человек удерживает ее в бессознательном.

Принять невозможно. Тебе придется посмотреть смерти в лицо, и когда ты согласишься ей в лицо, необходимости ее принимать не будет, потому что тогда ты узнаешь, что смерти нет.

«Но потом многие люди болеют, и происходит смерть, и госпитализация, и у меня в животе образуется огромный узел страха». Именно там нужно решить эту проблему. Этот огромный узел в животе — именно то место, где происходит смерть. Японцы называют это харой.

Точно под пупком, на два дюйма ниже пупка, находится точка, в которой соединены тело и душа. Именно там происходит рассоединение, когда ты умираешь. Ничто не умирает, потому что тело не может умереть, тело уже мертво. И ты не можешь умереть, потому что ты — сама жизнь. Исчезает только связь между тобой и телом. Этот узел — именно то место, где должна быть проделана работа, поэтому не пытайся избегать этого узла.

Я хотел бы тебе сказать, что каждый раз, как ты чувствуешь этот узел, — это такой ценный момент. Закрой глаза и иди глубоко в этот узел. Это хара. Чувствуй ее и позволяй это: в этом есть для тебя какое-то послание, это хочет тебе что-то сказать. Если ты это позволишь, это даст тебе послание. Если ты в этом расслабишься, если ты в это пойдешь, то мало-помалу увидишь, что узел исчез и вместо него возник цветок лотоса, что-то расцвело. Это очень красивый опыт. Если ты пойдешь еще глубже, то увидишь, что это мост, этот цветок — это мост. На этой стороне — его тело, на другой — твоя реальность, твоя душа. Этот цветок соединяет то и другое; цветок — это мост. Корни этого цветка — в теле; аромат этого цветка и его лепестки — в душе. Это связь. Но если ты боишься и не идешь туда, это чувствуется как узел, напряжение и стресс.

«Я так боюсь смерти и умирания. Меня это так выводит из равновесия». Нет никакой

необходимости выходить из равновесия. Войди в равновесие! Так естественно, когда снова и снова кто-то умирает, или кого-то кладут в больницу, — снова и снова ты вспоминаешь собственную смерть. В этом нет ничего неправильного. Это не проблема; просто иди и смотри этому в лицо!

Ты избегаешь смерти. Ей нужно смотреть в лицо. Это часть работы жизни; это один из величайших уроков, которому можно научиться. Нет необходимости выходить из равновесия; это не поможет. Иди и смотри ей в лицо. Помни, что да, однажды, в тот или другой день, и ты попадешь в больницу; в тот или другой день, и ты заболеешь; в тот или другой день, и ты умрешь. Поэтому нет смысла это откладывать. Лучше это понять, пока еще не слишком поздно.

Мулла Насреддин заболел и в беспокойстве поспешно послал за священником и настоял, чтобы он заходил к нему каждый день, чтобы привести в порядок для мира иного, его ранее пренебрегаемую душу. Однажды, когда священник пришел со своим ежедневным визитом, Мулла Насреддин был в прекрасном расположении духа.

— Я иду на поправку, сэр, — заявил он торжествуя. — Мой доктор говорит, что я проживу еще десять лет, и поэтому некоторое время вам не стоит возвращаться. Но как насчет того, чтобы заглянуть ко мне через девять лет, одиннадцать месяцев и двадцать девять дней?

Однажды с этим придется столкнуться. Не будь глупым; не откладывай этого, потому что, если ты откладываешь до самого конца, будет слишком поздно. Неизвестно точно, когда именно случится последний день. Он может быть сегодня, он может быть завтра: он может случиться в любой момент. Смерть очень непредсказуема. Мы живем в смерти, поэтому она может случиться в любой момент. Смотри ей в лицо и сталкивайся с ней, и этот узел в животе — правильное место, чтобы с ней столкнуться. Именно это дверь, через которую тыходишь в жизнь, и именно оттуда ты уходишь из жизни.

Я боюсь смерти, и все же она для меня невероятно привлекательна. Что это значит?

Смерть — это величайшая тайна жизни. В жизни есть множество тайн, но ни одна из них не сравнится со смертью. Смерть — это кульминация, крещендо. Человек ее боится, потому что теряет, растворяется в ней. Человек боится из-за эго — эго не может пережить смерть. Оно останется на этом берегу, когда ты начнешь двигаться к другому, оно не сможет пойти с тобой.

А эго — это все, что ты знаешь о себе, отсюда страх, огромный страх: «Я не буду существовать в смерти». Но есть и огромная привлекательность. Эго теряет, но не твоя реальность. Фактически, смерть откроет тебе твою истинную сущность; смерть отнимет у тебя все твои маски и откроет твое оригинальное лицо.

Смерть впервые сделает для тебя возможным, столкнуться со своей глубочайшей, самой сокровенной субъективностью, без всякой маскировки, без всякого притворства, без всякой ложной личности.

Поэтому каждый боится смерти, и в то же время каждого она привлекает. Это влечение было неверно интерпретировано Зигмундом Фрейдом, который подумал, что в человеке есть воля к смерти — он называет это танатос. Он говорит: «В человеке есть два основных, фундаментальных инстинкта: один — эрос — глубокое желание жить, быть живым вечно, желание бессмертия — и второй — танатос, желание умереть, покончить со всем». Он не понял всю суть, потому что не был мистиком; он знал только лицо смерти — то есть конец жизни — он знал только одно: что смерть — это конец. Он не осознавал, что смерть — это также и начало. Каждый конец — это также и начало, потому что ничто не кончается полностью, ничто никогда не может кончиться. Все продолжается, меняются только формы.

Твоя форма умрет, но в тебе есть также нечто и от бесформенного. Твоего тела не будет, но

в тебе, внутри твоего тела, есть что-то, что не является частью тела. Твоя земная часть упадет обратно в землю, пыль в пыль, но в тебе есть что-то и от неба, что-то и от запредельного, что возьмет тебя в новое путешествие, в новое паломничество.

Смерть создает страх, если ты думаешь об эго, и смерть привлекает, влечет, если ты думаешь о своем истинном «я». Поэтому смутно человека продолжает привлекать смерть; если ты ясно это осознаешь, может быть, это станет трансформирующим пониманием, вызывающей мутацию силой.

Попытайся понять и страх, и влечение. И не думай, что они противоположны, — они не пересекаются, но и не противоположны друг другу; они не имеют друг к другу никакого отношения. Страх устремлен в одном направлении — эго; а влечение — в совершенно противоположном — лишенная эго сущность. И влечение гораздо важнее этого страха.

Медитирующий должен преодолеть этот страх. Медитирующий должен влюбиться в смерть, медитирующий должен пригласить смерть — медитирующий должен не ждать ее, но позвать, потому что для медитирующего смерть — это друг. И медитирующий умирает прежде, чем случится смерть тела. И это один из самых красивых опытов жизни: тело продолжает жить, снаружи ты продолжаешь двигаться точно так же, что и раньше, но внутри эго больше нет, эго умерло.

Теперь ты жив и мертв одновременно. Ты стал точкой встречи жизни и смерти; теперь ты содержишь полярные противоположности, и когда обе противоположности содержатся в тебе, это безмерно обогащает. И это великие полярные противоположности — смерть и жизнь. Если ты можешь содержать в себе то и другое, ты становишься способным содержать в себе Бога, потому что Бог — это то и другое. Одно его лицо — жизнь, другое его лицо — смерть.

Это что-то красивое — не делай из этого проблему. Медитируй на это, сделай это медитацией, и это принесет тебе огромную пользу.

Часть третья:

Мыльные камни на пути

Медитация — единственный способ открыть собственное бессмертие. Тогда весь страх исчезает. Все остальные страхи тоже исчезнут, потому что это только ответвления, ветви — может быть, ушедшие далеко от корней, но все же соединенные с корнями.

Утонуть в пустоте

Что происходит в смерти? Внезапно ты теряешь тело, внезапно ты теряешь ум. Внезапно ты чувствуешь, что уходишь прочь от самого себя, от всего, что считаешь самым собой.

Это больно, потому что ты чувствуешь, что утонешь в этой пустоте. Теперь ты будешь нигде, потому что всегда был отождествлен с телом и умом и никогда не знал ничего за его пределами; ты никогда не знал себя за пределами тела и ума. Ты стал таким фиксированным на периферии и одержимым периферией, что центр оказался совершенно забытым. В смерти ты должен столкнуться с тем фактом, что тело уходит; теперь его больше нельзя сохранять. Ум покидает тебя — теперь ты больше не контролируешь ум. Эго растворяется; ты не можешь даже сказать «я». Ты дрожишь от страха, ты на грани ничто. Тебя больше не будет.

Но если ты готовился, если ты медитировал — а подготовка означает, что ты прилагал все возможные усилия, чтобы встретить смерть, чтобы использовать эту бездну ничто — вместо того, чтобы тебя в нее втянуло, - ты готов прыгнуть в нее, и различие огромно. Если тебя в нее втягивает, с неохотой — ты не хочешь в нее идти, и тебя тащит — тогда это больно, есть столько боли, и боль так интенсивна, что в момент смерти ты потеряешь сознание. Тогда ты упустишь.

Но если ты готов прыгнуть, тогда боли нет. Если ты принимаешь и присутствуешь, и нет никаких жалоб — вместо этого ты счастлив и празднуешь: «Пришло это мгновение, и теперь я могу выпрыгнуть из этого тела, которое было ограничением, выпрыгнуть из этого тела, которое сковывало меня, выпрыгнуть из этого эго, которое всегда было страданием» — если ты можешь приветствовать смерть, терять сознание нет необходимости. Если ты можешь стать принимающим, приветствующим — то, что буддисты называют татхатой, принятием этого, и более того... Потому что это слово, принятие, очень хорошо, но глубоко внутри в нем скрыто неприятие — нет, если ты приветствуешь смерть, если это такое празднование, такой экстаз, если это благословение, тогда тебе не нужно терять сознание.

Если это благословение, тогда в этот момент ты будешь в полном сознании. Помни эти две вещи: отвергая, говоря «нет», ты полностью теряешь сознание; принимая, приветствуя и от всего сердца говоря «да», ты остаешься в полном сознании.

«Да» смерти приводит тебя в полное сознание; «нет» смерти заставляет тебя потерять сознание — и это два способа умереть.

Использовать боль как медитацию

Величайшая подготовка к тому, чтобы войти в смерть в сознательном состоянии, — сначала сознательно войти в боль, потому что смерть не происходит часто, не приходит каждый день. Смерть придет только один раз, готов ты к ней или нет; и перед смертью не может быть никакой репетиции. Но боль и страдание происходят каждый день.

Мы можем подготовиться, проходя через боль и страдание, — и помни, если ты сможешь это делать, сталкиваясь с ними, это окажется полезным и во время смерти.

Поэтому искатели всегда приветствовали страдание. Для этого нет никакой другой причины. Это не потому, что страдание хорошо. Причина просто в том, что страдание предоставляет искателю возможность для самоподготовки и самодостижения. Искатель всегда благодарил, существование за страдание, которому подвергается, по той простой причине, что в моменты несчастья он получает шанс разотождествиться с телом.

Обычно во время страдания мы пытаемся забыть боль. Если человек переживает трудности, он пьет алкоголь. Иногда, когда ему больно, он идет и сидит в кино. Кто-то несчастен и пытается забыть свое несчастье при помощи молитв и песен поклонения. Это разные способы и средства к тому, чтобы забыть боль.

Кто-то пьет алкоголь; мы можем сказать, что это одна тактика. Кто-то идет в кино — это другая тактика. Кто-то идет на концерт — это третий способ забыть боль. Кто-то идет в храм и топит себя в молитвах и гимнах — это четвертая стратегия. Бывает тысяча и одна стратегия — они могут быть религиозными, нерелигиозными или мирскими. Главный вопрос не в этом. За всем этим стоит та основа, что человек хочет забыть свое страдание. Он занят тем, что пытается забыть страдание.

Человек, который стремится к тому, чтобы забыть страдание, никогда не сможет проснуться в страдании. Как мы можем осознать что-то, что хотим забыть? Только с таким подходом вспоминания мы можем что-то осознать. Поэтому, только помня боль, ты получишь проблеск отделенности от нее.

Человек преувеличивает свое страдание. Он преувеличивает свое несчастье, которое на самом деле никогда не так велико. За этим стоит та же самая причина — отождествление с телом. Страдание похоже на пламя светильника, но мы переживаем его как рассеянный свет светильника. Страдание похоже на пламя, ограниченное очень небольшой областью тела, но мы ощущаем его, словно свет светильника, освещающий гораздо большую область. Закрой глаза и попытайся точно определить местонахождение боли внутри.

Помни и то, что ты всегда знал тело снаружи, никогда не изнутри. Даже если ты знаешь свое тело, оно тебе известно таким, каким его видят другие. Если ты видишь свою руку, это всегда снаружи, но ты можешь почувствовать свою руку и изнутри. Если представить себе, что человек остается удовлетворенным, только видя свой дом снаружи, это то же самое. Но у дома есть и внутренняя сторона.

Боль происходит с внутренними частями тела. Точка, в которой больно, находится где-то во внутренности тела, но боль распространяется и на внешние его части. Вот на что это похоже: пламя боли находится внутри, но свет излучается наружу. Так как мы привыкли видеть тело снаружи, боль кажется распространенной наружу. Это чудесный опыт — попытаться увидеть тело изнутри. Закрой глаза и попытайся почувствовать и испытать, на что похоже тело изнутри. У человеческого тела есть и внутренняя стена; в нем есть и внутренняя оболочка. У этого тела есть и внутренний предел. Эту внутреннюю границу, несомненно, можно пережить с закрытыми глазами.

Ты видишь, как поднимаешь руку. Теперь закрой глаза и в какой-то момент подними руку, и ты переживешь поднятие руки изнутри. Снаружи ты знал, что значит, быть голодным. Закрой глаза и переживи голод изнутри, и впервые ты сможешь почувствовать его изнутри.

Присмотревшись внимательно к своему страданию, ты найдешь разделение между страданием и тобой, потому что увидеть можно только то, что от тебя отдельно. Очевидно, то, что неотделимо от человека, он увидеть не может. Тот, кто осознает страдание, тот, кто полон сознания, тот, кто полон воспоминания, переживает страдание как находящееся в одном месте, тогда как он сам находится в другом, на некотором расстоянии.

В тот день, когда человек приходит к осознанию разницы между самим собой и своим страданием, как только он приходит к осознанию того, что его боль происходит на некотором расстоянии, бессознательность, причиняемая страданием, прекращает существовать. И как только человек приходит к пониманию того, что страдание, как и счастье тела, происходит где-то в другом месте, а он — просто тот, кто их знает, его отождествление с телом разрывается. Тогда он знает, что он — не тело.

Это начальная подготовка.

Если эта подготовка пройдена, легко войти в смерть с осознанностью.

Ответы на вопросы

Недавнее посещение врача поставило меня перед лицом неотвратимости моей смерти. Мне сказали, что мне осталось жить, самое большее, два года. Что мне делать, чтобы, как ты предлагаешь, откликнуться в праздновании?

Смерть есть всегда. Ты можешь этого не осознавать, но она всегда неотвратимо тебе угрожает. Ты не можешь быть уверенным в следующем мгновении. Но мы продолжаем жить, и никто не верит, что умрет сам; умирает всегда кто-то другой.

Каждый из твоих дней рождения — это попытка забыть, что это не день рождения, а день смерти; ты умер еще на один год. Но среди цветов, свечей и сладостей человек забывает неотвратимость смерти. Рождение — это начало смерти.

Поэтому эта новость, полученная от врача, фактически, не должна делать тебя серьезным; напротив, она должна сделать тебя более бдительным и осознанным, потому что ты редкий человек, для которого смерть определена, и ты не можешь себя больше обманывать. Многие из тех, кто лишен твоей ситуации, умрут раньше тебя — но их смерть придет к ним, когда они не будут о ней знать. А знать всегда лучше, чем не знать. Что-то можно сделать, когда ты знаешь, что факт свершится.

Тебе сказали, что через два года ты умрешь. Эта неотвратимость смерти должна тебя разбудить. Теперь больше нет времени, чтобы валять дурака, и нет времени, чтобы обманывать себя. Смерть рядом и ожидает тебя, и тебе посчастливилось об этом знать. Знание своей смерти может стать трансформацией.

Если ты знаешь, что умрешь через два года, эти два года можно посвятить медитации. Иначе люди продолжают откладывать; они собираются медитировать завтра — а завтра никогда не приходит. Есть столько других вещей, которые нужно сделать; у тебя нет времени для медитации. Но человек, который полностью осознает, что теперь никакого другого пути нет, что с завтра все кончено, и все, что есть у него в руках, — это мгновение... Это реальность, болен ли ты смертельно или нет, но знание того, что ты умрешь, заставляет тебя очень глубоко это почувствовать, и это может быть скрытым благословением. Пришло время для медитации. Теперь ты можешь забыть все мелкие, глупые вещи, которыми занимался.

Есть миллионы людей, которые играют в карты, смотрят футбольные матчи, — совершенно не осознавая, что делают. Если их спросить, они скажут, что убивают время. Великолепно! Время убивает вас, а вы продолжаете думать, что убиваете время. Как можно убить время? Вы даже никогда его не видели. Никакие мечи не могут его разрубить, и даже ваше ядерное оружие не может его коснуться. Как вы собираетесь убивать время? Но время с каждым мгновением убивает вас.

Твою ситуацию следует понимать как великое благословение. Теперь ты можешь перестать играть в карты, перестать валять дурака и смотреть дурацкие футбольные матчи. Теперь все время — твое, и теперь единственное, что тебе остается, пока не придет смерть, это узнать себя. Смерть так близка, что ты не можешь позволить себе оставаться в невежестве относительно собственного существа. Сама близость смерти делает возможным, чтобы ты понял бессмертное, которое у тебя внутри.

Именно в этом заключается все искусство медитации: идти как можно глубже вовнутрь, в самый центр своего существа. Ты будешь удивлен и изумлен тем, что в центре твоего существа ты вечен. Там нет никакой смерти, и никогда не было никакой смерти. В реальности ничто не умирает, все только меняет формы. Болезнь может разрушить твое тело, но оно будет разрушено

в любом случае; в этом нет большой проблемы. Лучше тебе знать, что ты не можешь надеяться выжить; с диагнозом врача, эта твоя надежда умерла. Теперь лекарства нет — ты должен посмотреть в лицо факту. Никакая помощь снаружи невозможна; ты должен полагаться на то, что у тебя внутри. Ты остаешься в одиночестве.

Фактически, все и каждый всегда в одиночестве.

С рождения до смерти, все путешествие одиноко.

Ты можешь быть в толпе, но твое одиночество разрушить нельзя. Оно остается. Ты прикладываешь все усилия, чтобы замаскировать одиночество, но никто никогда в этом не добивался успеха: истина есть истина. Ты можешь ее ненадолго отложить...

Хорошо, что ты осознал, что смерть есть, и она - абсолютно определена. Теперь настало время найти в себе то, что бессмертно, что за пределами смерти. Нельзя найти лучшего времени для медитации.

И не чувствуй серьезности, потому что смерть естественна; то, что ей придает серьезность, - бессмысленно. Не приходи в паранойю. Фактически, наслаждайся тем, что ты один из немногих избранных; все остальные находятся во тьме относительно своей смерти, все, кроме тебя. И сам факт, что ты знаешь, что приходит смерть, неизбежно создаст тебе пространство, чтобы узнать самого себя.

Знание своего вечного существования, знание того, что ты был всегда и всегда будешь, — безмерное откровение. В этом откровении и состоит празднование.

Столько разных терапий, из которых можно выбрать; столько эмоций всего за один день. Это оставляет меня в состоянии полного замешательства и недоумения. Что делать? Как, найти какую-то ясность?

Замешательство — это великая возможность.

Проблема людей, которые не в замешательстве, почти неразрешима — они думают, что знают, ничего не зная. Люди, которые верят, что у них есть ясность, на самом деле в большом затруднении; их ясность очень поверхностна. Фактически, они ничего не знают о ясности; то, что они называют ясностью, — просто глупость. Идиоты очень ясны — ясны в том смысле, что у них недостаточно разума, чтобы прийти в замешательство. Чтобы чувствовать замешательство, нужен огромный разум.

Только разумные люди чувствуют замешательство; посредственный человек продолжает двигаться в жизни, улыбаться, смеяться, накапливать деньги, бороться за большую и большую власть и славу. При виде их ты чувствуешь некоторую зависть; они выглядят такими уверенными, они даже выглядят счастливыми. А ты просто стоишь в замешательстве, не зная, что тебе делать, чего не делать, что правильно, что неправильно. Но так было всегда; посредственность остается уверенной в себе. Испытывать замешательство и хаос — прерогатива высшего разума.

Замешательство — это великая возможность. Оно просто говорит, что путем ума выхода нет. Если ты действительно в замешательстве — как ты говоришь: «Я в полном замешательстве» — если ты действительно в полном замешательстве, ты блажен. Теперь что-то возможно, что-то безмерно ценное; ты на самой грани. Если ты в полном замешательстве, это означает, что ум потерпел полное поражение; теперь ум больше не может предоставить тебе уверенности. Тыходишь ближе и ближе к смерти ума.

Это величайшее, что только может случиться с человеком в жизни, величайшее благословение — потому что, как только ты видишь, что ум в замешательстве, и путем ума выхода нет, сколько ты можешь продолжать цепляться за ум? Рано или поздно тебе придется его

отбросить; даже если ты его не отбросишь, он отпадет сам собой. Замешательство будет слишком сильным, и ум станет таким тяжелым, что отпадет из сущей собственной тяжести. И когда ум отпадает, замешательство исчезает.

Я не могу сказать, что ты достигнешь уверенности, нет, потому что и это слово применимо только к уму и миру ума. Когда есть замешательство, может быть и уверенность; когда замешательство исчезает, исчезает и уверенность. Ты просто ясен — ни в замешательстве, ни в уверенности... просто ясность, прозрачность. И в этой прозрачности есть красота, эта прозрачность благословенна; она изысканна.

Это самый красивый момент в человеческой жизни — когда нет ни замешательства, ни уверенности. Человек просто есть; зеркало, отражающее то-что-есть, без направления, никуда не идущее, без всякой идеи о том, чтобы что-то делать, без будущего... просто всецело в моменте, безмерно в моменте.

Когда ума нет, не может быть и будущего, не может быть никакой программы на будущее. Тогда этот миг — все, что есть, все и вся; этот миг — все твое существование. Все существование начинает сходить в одной точке в этом мгновении, и это мгновение становится безмерно важным. В нем есть глубина, в нем есть высота; в нем есть тайна, и в нем есть интенсивность. В нем есть огонь, и оно ближе, чем кожа. Оно охватывает тебя, овладевает тобой и трансформирует.

Но я не могу дать тебе уверенности; уверенность дается идеологией. Уверенность — это не более чем заштопывание твоего замешательства. Ты в замешательстве: кто-то говорит: «Не беспокойся», и говорит это с большим авторитетом, убеждает тебя аргументами, священными писаниями, заштопывает твое замешательство, прикрывает его красивым покрывалом — какой-нибудь библией, кораном, гитой. Тебе становится легче, но это временно, потому что внутри кипит замешательство. Ты от него не избавился; оно было только подавлено.

Именно поэтому люди цепляются за верования, церкви, писания, доктрины и системы мысли. Почему люди делают такую ставку на системы мысли? Почему кто-то должен быть христианином или индуистом? Почему кто-то должен быть коммунистом? Ради чего? Этому есть причина, и большая причина. В замешательстве находятся все и каждый, и поэтому нужно, чтобы кто-то пришел и предоставил уверенность. Разумный человек колеблется и размышляет, в нерешительности. Глупец никогда не колеблется и не раздумывает. Когда мудрый шепчет, дурак просто кричит с крыш домов.

Лао-Цзы говорит: «Может быть, я в этом мире единственный слабоумный. Все, кроме меня кажутся такими уверенными». Он прав. Он так безмерно разумен, что ни в чем не может быть уверенным.

Я не могу тебе обещать уверенности, если ты отбросишь ум. Я могу обещать только одно: что ты будешь ясен. Будет ясность, прозрачность, и ты сможешь видеть вещи такими, как они есть. Ты не будешь ни в уверенности, ни в замешательстве. Уверенность и замешательство — это две стороны одной монеты.

Существование просто есть; выбирать не из чего. И помни, когда выбирать не из чего, ты становишься нераздвоенным. Когда есть из чего выбирать, это раздваивает и тебя. Раздвоение — это обоюдоострый меч: он разделяет реальность снаружи, он разделяет реальность внутри. Вообще выбирая, ты выбираешь раздвоенность, выбираешь быть расщепленным, выбираешь шизофрению. Не выбирая, зная, что нет ничего хорошего и ничего плохого, ты остаешься в здоровом уме.

Ничего не выбирать, значит выбрать - остаться в здоровом уме, не выбирать, значит быть здоровым, потому что теперь снаружи нет никакого разделения; как ты можешь быть раздвоенным внутри? Внутреннее и внешнее идут рука об руку. Ты становишься неделимым, ты

становишься индивидуальностью. Это процесс индивидуализации. Ничто не хорошо, ничто не плохо. Когда это озаряет твое сознание, внезапно ты собран воедино; все фрагменты исчезли в одном единстве. Ты кристаллизован и центрирован.

Мои доктора, друзья и семья дают мне всевозможные советы о том, что делать: что есть, что не есть; я не знаю, как решить, что делать. Кому следовать?

Слушай, но не следуй. Слушай хорошо, но следуй своему собственному прозрению, не следуй советам других. Слушай, конечно, очень медитативно; попытайся понять, что они хотят тебе передать. Они могут, в самом деле, желать всего самого лучшего, но если ты начнешь следовать слепо, то никогда не достигнешь своего собственного разума. Ты останешься зависимым от костылей; ты всегда будешь смотреть на других, чтобы они тебе сказали, что делать, чего не делать. Тебе всегда нужны будут лидеры, а это, на самом деле, нездоровое состояние — нуждаться в лидерах.

Слушай, потому что у людей есть хороший опыт, и если они делятся, хотят им поделиться, глупо будет с твоей стороны их не слушать. Когда они делятся опытом, это может дать тебе великое прозрение — это поможет тебе стать более осознанным, — но не следуй.

Люди следуют буквально и тогда становятся просто слепыми. Если другие дают тебе все, что тебе нужно, какая необходимость в том, чтобы у тебя были собственные глаза? И если другие за тебя разжевывают, какая необходимость жевать самому? Мало-помалу ты становишься слабее и слабее, беднее и беднее, более и более истощаешься.

Один человек открыл рыбный магазин и повесил над головой огромную надпись: «Здесь продается свежая рыба». К нему подошел друг и сказал:

— Зачем ты написал «здесь»? И он выбросил слово «здесь». Тогда подошел другой друг и сказал:

— «Продается»? Само собой разумеется. Ты же ее не раздаешь даром?

И он выбросил слово «продается». Подошел третий друг и сказал:

— «Свежая рыба»? И так понятно, что свежая. Кто у тебя купит тухлую? Выброси слово «свежая».

Владелец магазина подчинился. Теперь на вывеске осталось только слово «Рыба», и тут подошел четвертый человек и сказал:

— «Рыба»? Изумительно, зачем ты это написал! Это и так можно за милю понять по запаху.

Владелец магазина удалил с вывески и это последнее слово.

Подошел пятый человек и сказал:

— Какой смысл вешать над магазином пустую вывеску?

Владелец магазина убрал и вывеску. Тогда подошел шестой человек и сказал:

— Разве уж ты открыл такой большой магазин, неужели нельзя было повесить сверху вывеску: «Здесь продается свежая рыба»?

Если ты будешь продолжать слушать всех подряд, это будет приводить тебя в большее и большее замешательство; именно так ты приходишь в замешательство. Вот твое замешательство: ты слушаешь многих разных людей, и все они дают разные советы. И я не говорю, что они не желают тебе добра; все они желают добра, но желают добра не очень сознательно; иначе они не давали бы тебе советов. Они давали бы тебе прозрение, не советы. Они не говорили бы тебе, что делать и чего не делать. Они помогли бы тебе стать более осознанным, чтобы ты мог сам увидеть, что нужно делать, а чего не нужно.

Настоящий друг тот, кто не дает тебе советов, но помогает стать более бдительным, более осознанным и сознательным в жизни — в ее проблемах, ее вызовах, ее тайнах — и помогает

тебе отправиться в собственное путешествие, придает храбрости, чтобы экспериментировать, придает храбрости, чтобы искать и исследовать, придает храбрости совершать множество ошибок... потому что тот, кто не готов совершать ошибки, никогда вообще ничему не научится.

Настоящие друзья помогут тебе обострить разум. Они не будут тебе давать советов «раз и навсегда», потому что такие советы бесполезны. То, что верно сегодня, может не быть верным завтра, и то, что правильно в одной ситуации, может быть неправильно в другой. Ситуации меняются все время, поэтому тебе нужен не фиксированный образ жизни, но образ видения, чтобы, где бы ты ни был, в какой бы ситуации ни оказался, ты знал, как себя вести спонтанно и полагаться на свое собственное существо.

Я постоянно спрашиваю: почему я? Просто столько гнева во мне, что происходит со мной. Как мне справляться с моими чувствами? Я пытался наблюдать или занимать себя ежедневными практическими заботами, но ничего не помогает.

Проживи каждую эмоцию, которую чувствуешь. Это ты.

Ненависть, уродство, недостойность — что бы то ни было, буквально будь этим. Сначала дай эмоциям шанс полностью всплыть в сознательное. Прямо сейчас, твоими попытками, наблюдать, ты подавляешь их в бессознательное. Тогда ты вовлекаешься в ежедневную работу и принуждаешь их снова опуститься вниз. Это не способ от них избавиться.

Позволь им выйти — проживи их, выстрадай их. Это будет трудно и тяжело, но это вознаградит тебя безмерно. Как только ты их проживешь, выстрадаешь и примешь — что это не ты, что не ты сделал себя таким, чтобы тебе не нужно было осуждать себя, - что просто таким ты себя нашел... Как только они прожиты сознательно, без всякого подавления, ты будешь удивлен тем, что они исчезают сами собой. Их власть над тобой становится меньше и меньше; их хватка на твоей шее больше не так туга. И когда они уходят, может прийти время, когда ты можешь начать наблюдать.

Как только все выходит в сознательный ум, оно рассеивается, и когда остается только тень, это время, чтобы стать осознанным. Прямо сейчас это создаст шизофрению; потом же, это создаст просветление.

Я — борец. Я не знаю ничего, кроме борьбы, — и даже хуже того, люблю борьбу. Я люблю смотреть в лицо самой сильной буре и смеяться. Я не люблю лежать на солнце и таять.

В этом нет никакой проблемы. Если ты чувствуешь себя борцом, если ты наслаждаешься борьбой, и более того, гордишься этим, — просто расслабься. Борись тотально! Не борись со своей борющейся природой. Это будет для тебя позволением.

Очень красиво — смотреть в лицо самой сильной буре и смеяться. Не чувствуй себя виноватым. Просто попробуй понять одно: когда я говорю отпустить и позволить, я не подразумеваю, что нужно что-то изменить. Я просто подразумеваю: кем бы ты себя ни чувствовал, позволь это во всей тотальности.

Будь борцом всем своим существом и в этой тотальности найди расплавление сердца. Это будет наградой за тотальность. Тебе не нужно ничего ради этого делать; награды приходят сами собой. Просто будь тотальным в чем угодно, в чем ты чувствуешь любовь, в чем ты чувствуешь гордость — просто будь в этом тотальным. Не создавай расщепленности. Не будь наполовину здесь, наполовину там; не будь частичным. Если ты тотален, однажды — смотря в лицо самой сильной буре, смеясь — ты внезапно почувствуешь, что сердце тает на солнце. Это придет для

тебя как награда.

Человек без необходимости создает проблемы. Я хочу, чтобы вы поняли, что в жизни нет никаких проблем, кроме тех, которые **вы** создаете. Просто попытайтесь увидеть: все, что, как ты чувствуешь, хорошо для тебя, - хорошо. Тогда иди в это полностью. Даже если весь мир против этого, это неважно. И то, пошел ли ты в это тотально и целиком, определится наградой.

Если ты начнешь чувствовать, что в какой-то точке внезапно таешь, тогда знай, что не обманул себя, что был в этом искренним и правдивым. Именно это и есть точка, в которой ты можешь гордиться.

Я выражаю гнев так тотально, как только умею, но все же он продолжается как подспудное течение во всех моих мыслях.

Ты знаешь только два способа обращения с гневом: выражение и подавление. А настоящий способ — ни то, ни другое. Не выражение, - потому что, выражая гнев, ты создаешь гнев в другом; это запускает цепную реакцию. Потом его выражает другой и снова провоцирует тебя. Чем это кончится? Чем более ты выражаешь гнев, тем более он становится привычкой, механической привычкой. Чем более ты выражаешь гнев, тем более его практикуешь! Тебе будет трудно от него избавиться.

Из этого страха возникло подавление: не выражай, потому что это приносит много страдания тебе и другим — и это тщетно. Это делает тебя уродливым, это создает уродливые ситуации в жизни, и тебе придется за все это расплачиваться. И мало-помалу это входит в привычку настолько, что становится второй натурой. Из страха выражения возникло подавление. Но, подавляя, ты накапливаешь яд. Он обязательно взорвется.

И третий подход, подход всех просветленных людей в мире — не подавлять, не выражать, но наблюдать. Когда возникает гнев, сядь в молчании, позволь гневу окружить тебя в твоём внутреннем мире, позволь облаку окружить тебя, будь молчаливым наблюдателем. Видь: «Это гнев».

Будда говорил своим ученикам: когда возникает гнев, слушайте его, слушайте его послание. И помните снова и снова, говорите себе: «Гнев, гнев...» Оставайтесь бдительными и не засыпайте. Оставайтесь бдительными к тому, что этот гнев окружает вас. Ты не это! Ты — его наблюдатель. И именно в этом ключ.

Мало-помалу, наблюдая, ты становишься настолько отдельным от гнева, что он не может на тебя повлиять. Ты становишься таким отстраненным от него, таким отрешенным, прохладным и далеким, и расстояние так велико, что, кажется, он вообще не имеет значения. Фактически, ты начнешь смеяться над всеми смехотворными вещами, которые делал в прошлом из-за этого гнева. Это не ты. Гнев снаружи, вне тебя; он окружает тебя. Но в то мгновение, когда ты разотождествляешься с ним, ты не будешь вливать в него энергию.

Помни, мы вливаем в гнев энергию; только тогда он остается живым. В нем нет своей собственной энергии; он зависит от твоего сотрудничества. В наблюдении сотрудничество прекращается; ты больше не поддерживаешь его. Он останется на несколько мгновений, несколько минут, и потом его не станет. Не найдя в тебе корней, найдя, что ты недоступен, видя, что ты далеко, что ты наблюдатель на холмах, он рассеется и исчезнет. И это исчезновение красиво. Это исчезновение — великий опыт.

При виде того, что гнев исчезает, возникает великая безмятежность: безмолвие, следующее за бурей. Ты удивишься тому, что если сможешь наблюдать гнев каждый раз, когда он в тебе возникает, это тебя приведет в такое безмятежное спокойствие, какого ты никогда раньше не знал. Ты войдешь в очень глубокую медитацию. Когда гнев исчезнет, ты увидишь, что стал более

свежим, молодым и невинным, чем когда-либо знал себя. Тогда ты будешь благодарен даже гневу; тогда ты не будешь на него гневен — потому что он дал тебе прекрасное новое пространство для жизни, позволил пережить совершенно свежий опыт. Ты использовал его; ты сделал его опорой для шага вперед.

Меня так часто переполняет бесконечная грусть о том, чтобы покинуть эту жизнь. Что я могу сделать?

Грусть грустна, потому что она тебе не нравится. Грусть грустна, потому что тебе не нравится в ней быть. Грусть грустна, потому что ты ее отвергаешь. Даже грусть становится цветением безмерной красоты, молчания и глубины, если она тебе нравится.

Ничто не неправильно. Именно так и нужно — быть способным любить все, что происходит, даже печаль. Даже смерть нужно любить; только тогда ты трансцендируешь смерть. Если ты можешь принять смерть, если можешь любить и приветствовать ее, смерть не может тебя убить; ты ее трансцендировал.

Когда приходит грусть, прими ее. Слушай ее песню. У нее есть что-то, что можно тебе дать. У нее есть подарок, которого не может дать тебе никакое счастье, который может дать тебе только грусть.

Счастье всегда мелко; грусть всегда глубока. Счастье похоже на волну, грусть — на самую глубину океана. В грусти ты остаешься с самим собой, остаешься один. В счастье ты начинаешь двигаться и делиться с людьми; в грусти закрываешь глаза и ныряешь глубоко вовнутрь себя.

В грусти есть песня... грусть — это очень глубокое явление.

Прими ее. Наслаждайся ею. Чувствуй ее вкус без всякого отвержения, и ты увидишь, что она приносит тебе много даров, которых никогда не может принести счастье.

Если ты можешь принять грусть, она больше не грустна; ты внес в нее новое качество. В ней ты будешь расти. Теперь она не будет камнем, скалой, преграждающей тебе путь; она станет ступенькой.

И всегда помни: человек, не узнавший глубокой грусти, — бедный человек. У него никогда не будет внутреннего богатства. Человек, который всегда жил счастливым, улыбающимся, неглубоким, не вошел в глубочайший внутренний храм своего существа. Он упустил свой внутренний алтарь.

Оставайся способным двигаться во все полярности. Когда приходит грусть, будь действительно грустным. Не пытайся бежать от нее — позволь ее, сотрудничай с ней. Позволь ей раствориться в тебе и растворись в ней сам. Стань с ней одним целым. Будь действительно грустным: никакого сопротивления, никакого конфликта и борьбы. Когда приходит счастье, будь счастливым: танцуй и будь в экстазе. Когда приходит счастье, не пытайся за него цепляться. Не говори, что оно должно оставаться всегда и вечно; это путь к тому, чтобы его упустить. Когда приходит грусть, не говори: «Не приходи ко мне», или: «Если ты пришла, пожалуйста, уйди». Это путь к тому, чтобы ее упустить.

Не отвергай грусть и не цепляйся за счастье.

Вскоре ты поймешь, что счастье и грусть — две стороны одной монеты. Тогда ты увидишь, что в счастье есть и доля грусти, а в грусти — доля счастья. Тогда твое внутреннее существо будет обогащено. Тогда ты будешь радоваться всему: утру и вечеру, солнечному свету и ночной темноте, утру и вечеру, лету и зиме, жизни и смерти... — ты можешь радоваться всему.

Последнее время во мне столько смешанных, противоречивых мыслей и чувств. Это все равно, что ехать по американской горке, и я никогда не знаю, как буду себя чувствовать

от одного мгновения до другого.

Наблюдай мысли, наблюдай эмоции, и, просто наблюдая их, ты осознаешь новый фактор — наблюдателя. Это осознание — начало внутренней революции: ты наблюдатель, не наблюдаемое. Ты не ум, ты не тело, но что-то скрытое глубоко внутри тебя: наблюдатель.

Наблюдатель продолжает наблюдать каждый взлет в своей жизни. Не нужно отождествляться. Когда ты в низшей точке, не нужно быть грустным, потому что наблюдатель — только наблюдатель. Когда ты вверху, не нужно становиться эгоистичным; ты только наблюдатель. Мало-помалу вся сутолока вокруг тебя начинает успокаиваться.

Ты отождествляешься с вещами, которые не есть ты, — вот в чем проблема.

Разотождествление — это медитация.

Разотождествляй себя со всем, пока не останется только чистый свидетель. Оставайся укорененным в свидетеле, что бы ты ни делал, куда бы ни двигался. Ты будешь новым человеком, с новой свежестью, с жизнью, которой никогда раньше не знал, и что-то от вечного будет у тебя в глазах, что-то от бессмертного существования — в каждом твоём жесте.

Чем больше меня окружает людей, поддерживающих меня в моей болезни, тем более одиноким я себя чувствую — и это так больно. Что я могу сделать?

Столкнуться с самим собой в одиночестве — страшно и больно, но человек должен пережить это страдание. Ничего нельзя сделать, чтобы этого избежать, ничего нельзя сделать, чтобы отвлечь ум, и ничего нельзя сделать, чтобы бежать от этого. Человек должен это выстрадать и через это пройти. Это страдание и эта боль — просто хороший знак, что ты приближаешься к новому рождению, потому что каждому рождению предшествует боль. Этого нельзя избежать и не нужно избегать, потому что это часть твоего роста.

Но почему, прежде всего, есть эта боль? Это нужно понять, потому что понимание поможет тебе через это пройти, и если ты через это пройдёшь преднамеренно, то выйдешь легче и скорее.

Почему тебе больно, когда ты один? Во-первых, потому, что заболевает твое эго. Эго может существовать только с другими. Оно выросло в отношениях, оно не может существовать одно. Поэтому, если возникает ситуация, в которой оно больше не может существовать, оно чувствует, что его душат; оно чувствует себя на грани смерти. Это глубочайшее страдание. Ты чувствуешь себя так, словно умираешь. Но умираешь не ты, умирает только эго, которое ты на себя принял, с которым отождествился. Оно не может существовать, потому что было дано тебе другими. Это вклад других. Покинув других, ты не можешь взять его с собой.

Таким образом, в одиночестве все, что ты о себе знаешь, с тебя осыплется; мало-помалу все это исчезнет. Ты можешь продлить жизнь эго на какой-то период — но ненадолго. Без общества ты лишен корней; нет почвы, чтобы дать тебе питание. Это основа боли. Ты больше не уверен в том, кто ты такой: ты только рассеивающаяся личность, растворяющаяся личность. Но это хорошо, потому что, пока ложное не исчезнет, не может появиться реальное. Пока ты не отмыт полностью и не стал снова чистым, не может появиться реальное.

Этот ложный «ты» возведен на трон. Он должен быть свергнут с трона. Если ты живешь в одиночестве, все это ложное может исчезнуть. А все, что было тебе дано обществом, ложно. На самом деле, все, что было тебе дано, ложно; все, что родилось внутри тебя, реально. Все, что является тобой, самим по себе, а не внедрено кем-то другим, — реально, подлинно. Но ложное должно уйти, а ложное — это огромное капиталовложение. Ты столько в него вложил; ты так о нем заботился; на нем зиждились все твои надежды. И когда оно начинает растворяться, ты чувствуешь, что тебе страшно, ты боишься и дрожишь: «Что ты с собой делаешь? Ты же

разрушаешь всю свою жизнь, все структуру».

Будет страшно. Но ты должен пережить этот страх; только тогда ты станешь бесстрашным. Я не говорю, что ты станешь смелым, нет. Я говорю, что ты станешь бесстрашным. Смелость — это только часть страха. Каким бы ты ни был смелым, за этим скрывается страх. Я говорю: «бесстрашие». Ты не будешь смелым; если страха нет, нет и необходимости быть смелым. И смелость, и страх становятся несущественными. Это две стороны одной и той же монеты. Ваши смелые люди — не кто иные, как вы сами, стоящие на голове. У вас смелость скрыта внутри, а страх снаружи; у них страх скрыт внутри, а снаружи — смелость. Поэтому, когда ты один, ты очень смелый. Когда ты думаешь о чем-то, ты очень смелый, но когда возникает ситуация, тебе страшно.

О солдатах говорят, что лучшие из них, прежде чем идти на фронт, боялись так же, как и любой другой. Внутри они дрожат, но продолжают идти вперед. Они отталкивают эту дрожь в сторону, в бессознательное; чем больше в них дрожи, тем более они окружают себя фасадом смелости. Они создают броню. Ты смотришь на эту броню — они кажутся смелыми, но глубоко внутри полны страха.

Человек становится бесстрашным, когда переживает самый глубокий из всех страхов — страх растворения эго, растворения образа себя и растворение личности.

Это смерть, потому что ты не знаешь, появится ли из этого новая жизнь. Во время этого процесса ты будешь знать только смерть. Только когда ты умрешь таким, как ты есть, как ложная сущность, — только тогда ты узнаешь, что эта смерть была только дверью к бессмертию. Но это будет в самом конце; во время этого процесса ты просто умираешь. Все, что ты лелеял, будет у тебя отнято — твоя личность, твои идеи, все, что ты считал красивым. Все покидает тебя. Ты оголен. Все роли и облачения у тебя отняты.

В этом процессе будет страх, но через этот страх — основной, необходимый и неизбежный — человек должен пройти. Его нужно понять, но не пытаться избегать, не пытаться бежать от него, потому что каждое бегство будет снова приводить тебя обратно. Ты будешь двигаться обратно в личность.

Те, кто продолжает идти глубоко в молчание и одиночество, всегда спрашивают меня: «Нам страшно; что с этим делать?» Я им говорю ничего не делать, просто жить со страхом. Если приходит дрожь, дрожи. Зачем ей мешать? Если есть внутренний страх и ты дрожишь от него, дрожи от него. Ничего не делай. Позволь ему происходить. Он пройдет сам по себе. Если ты его избегаешь — а ты можешь его избежать... Ты можешь начать повторять: «Рама, Рама, Рама»; ты можешь уцепиться за мантру, чтобы отвлечь ум. Ты будешь умиротворен, и страха не будет — ты оттолкнул его в бессознательное. Он выходил наружу — и это хорошо, ты собирался освободиться от него — он покидал тебя, и когда он тебя покидает, ты дрожишь. Это естественно, потому что из каждой клетки тела и ума выходит какая-то энергия, которая всегда была в них подавлена. Будет дрожь и тряска; это будет точно как землетрясение. Вся душа будет этим потревожена. Но пусть это будет. Ничего не делай. Это мой совет. Даже не читай мантр. Не пытайся ничего с этим сделать, потому что все, что ты сможешь сделать, снова будет подавлением. Если ты просто оставишь его в покое, позволишь его, оно уйдет из тебя — и когда оно уйдет, ты будешь совершенно другим человеком.

Циклон прошел, и теперь ты центрирован, центрирован, как никогда раньше. И, узнав искусство позволения вещей, ты тотчас же узнаешь главный ключ, который открывает все внутренние двери. Тогда, что бы то ни было, пусть так и будет; не избегай.

Если всего три месяца ты можешь быть в полном одиночестве, в тотальном молчании, ни с чем не борясь, позволяя быть всему, что бы то ни было, через три месяца старое уйдет, и появится новое. Но секрет в том, чтобы позволить быть — как бы это ни было страшно и больно,

как бы это ни было, по видимости, опасно и похоже на смерть. Придет много мгновений, когда ты почувствуешь, что сейчас сойдешь с ума, если что-то не сделаешь, и произвольно начнешь что-то делать. Может быть, ты знаешь, что ничего сделать нельзя, но просто не можешь себя контролировать и все равно начинаешь что-то делать.

Это точно так, словно ты движешься по темной улице ночью, в полночь, и чувствуешь страх, потому что вокруг тебя никого нет, ночь темная, улица незнакомая — ты начинаешь насвистывать. Чем может помочь насвистывание? Ты знаешь, что это ничем не поможет. Тогда ты начинаешь петь песню. Ты знаешь, что пение песни ничем не поможет — но все же это отвлекает ум. Если ты начнешь насвистывать, просто насвистывая, ты наберешься уверенности в себе и забудешь темноту. Твой ум движется в насвистывание, и тебе становится легче.

Ничего не случилось. Улица осталась прежней, темнота осталась прежней, и опасность, если она была, осталась прежней, но теперь ты чувствуешь себя более защищенным. Все осталось прежним, но теперь ты что-то делаешь. Ты можешь начать читать мантру, повторять чье-то имя: это будет своего рода насвистыванием. Это придаст тебе сил, но эти силы опасны, эти силы снова станут проблемой, потому что эти силы будут твоим прежним эго. Ты возвращаешь его к жизни.

Оставайся свидетелем и позволь все, что бы ни случилось.

Со страхом нужно столкнуться, чтобы выйти за его пределы.

С болью нужно столкнуться, чтобы ее трансцендировать. И чем более подлинно это столкновение, чем более ты смотришь ей в лицо, тем скорее произойдет событие.

На это требуется время только потому, что твоя подлинность недостаточно интенсивна. Поэтому тебе может потребоваться три дня, три месяца или три жизни — все зависит от интенсивности. На самом деле, может хватить трех минут, даже трех секунд. Но тогда тебе придется пройти через невероятный ад с такой интенсивностью, что, может быть, ты не сможешь этого вынести, не сможешь этого вытерпеть. Если ты можешь столкнуться лицом к лицу со всем, что в тебе скрывается, это проходит, и когда это проходит, ты становишься другим, потому что все, что из тебя ушло, раньше было частью тебя, а теперь больше не часть.

Поэтому не спрашивай, что делать. Не нужно ничего делать. Не делая, свидетельствуя, без усилия смотря в лицо всему, что бы то ни было, не прикладывая ни малейшего усилия, просто позволяя это... Оставайся пассивным и позволь этому пройти. Когда ты что-то делаешь, это все портит, потому что тогда ты вмешиваешься.

А кто вмешивается? Кто боится? Вмешивается та же самая болезнь. Вмешивается то же самое эго, которое нужно было оставить позади. Я тебе сказал, что эго было частью общества. Ты оставил общество, но ты не хочешь оставить ту часть себя, которую дало тебе общество. Она укоренена в обществе; она не может жить без общества. Поэтому ты должен либо покинуть ее, либо создать новое общество, в котором она может жить. Быть одному означает не создавать альтернативного общества. Просто выйди из общества, и все, что дало тебе общество, тебя покинет. Тебе придется это отбросить. Это будет больно, потому что ты так к этому приспособился, все так хорошо организовал. Так комфортно, быть приспособленным, и все удобно и под рукой. Когда ты меняешься и движешься один, ты покидаешь все удобства, весь комфорт, все, что могло дать тебе общество, — а когда общество тебе что-то дает, оно также что-то у тебя и отнимает: твою свободу, твою душу.

Таким образом, это обмен, — и когда ты пытаешься добраться до своей души во всей ее чистоте, тебе придется перестать торговаться. Это будет больно, но если ты сможешь через это пройти, высочайшее блаженство очень близко. Общество не так больно, как одиночество. Общество оказывает транквилизирующий эффект, общество удобно и комфортно, но оно дает тебе своего рода сон. Если ты выходишь из него, обязательно будет неудобство. Будут все

возможные неудобства. Эти неудобства нужно вытерпеть, с тем пониманием, что это часть одиночества и часть того, чтобы вновь обрести себя.

Ты выйдешь из этого новым, с новой славой и новым достоинством, с новой чистотой и невинностью.

Я верю, что позитивное мышление может сыграть целительную роль. Поэтому мой подход такой, что я не умираю от рака, а живу с раком. Если я думаю о вероятности того, что умру, у меня такое ощущение, словно я приглашаю смерть.

В данный момент кажется более здоровым - сконцентрироваться на жизни.

Равновесие — это когда ты не выбираешь, когда ты видишь факт таким, как есть. Жизнь — не вопрос выбора, не «либо-либо». Выбирать не из чего, это все одно. Но твой выбор ничего не меняет. Своим выбором ты толькоходишь в своего рода невежество.

То, что ты выбираешь, только часть, и то, что ты не выбираешь, — тоже часть реальности. Невыбранная часть реальности останется вращающейся вокруг тебя в ожидании того, чтобы ее приняли. Она не может исчезнуть; нет способа сделать так, чтобы она исчезла. Если ты слишком любишь жизнь и не хочешь видеть факта смерти... смерть остается, висит над тобой, как тень.

Дзэн говорит: видь то и другое — все одно целое, все взаимосвязано. Видя то и другое одновременно, без всякого выбора, без всякой предвзятости, ты их трансцендируешь. Видя то и другое одновременно, ты больше не отождествлен с жизнью и не отождествлен со смертью. Неотождествленный, ты свободен, ты освобожден.

Мы выбираем небольшую часть и притворяемся, что это все целое. Мы выбираем жизнь; мы вынимаем жизнь из ее основного контекста — смерти — и говорим: «Это я. Я — жизнь». Теперь ты создаешь себе трудности. Этой отождествленностью ты будешь заключен в клетку. Как у тебя тогда получится смерть? Она есть, она происходит в каждое мгновение, и однажды она достигнет тебя врасплох.

Как только отождествленность отпадает, как только ты ни с чем не отождествлен, ты остаешься просто свидетелем — не говоря «я — это» или «я — то». Ты просто остаешься свидетелем. Ты видишь жизнь как нечто, идущее мимо; ты видишь смерть как нечто, идущее мимо; ты видишь секс как нечто, идущее мимо; ты видишь разочарование, радость, успех, поражение... Ты продолжаешь видеть; ты остаешься сущим видением. Ты ни во что не ловишься; ты не объявляешь: «Я — это».

Ни с чем себя не отождествляя, кто ты такой? Не ограничивая и не определяя себя, не создавая себе ограничения, если ты можешь оставаться текущим, просто видящим — это освобождение. Это великое освобождение.

Неотождествленный, - ты свободен. Отождествленный, - ты заключен в клетку.

Когда ты видишь ясно и насквозь, когда ты видишь прозрачно и не выбираешь, ты — нечто трансцендентальное: свидетель. Этот свидетель никогда не рождается и никогда не умирает.

Смерть и жизнь приходят в видение свидетеля, но этот свидетель вечен. Он был до того, как ты родился, и будет, когда тебя не станет. Ты приходил в мир миллионы раз, и, может быть, придешь снова — но, все же, ты никогда не приходил. Мир появляется в тебе, точно как отражение появляется в зеркале.

Это подобное зеркалу качество — именно то, что подразумевается под свидетельствованием. Именно поэтому зеркало остается чистым от всех впечатлений. Оно продолжает отражать, но на нем не собирается впечатлений. Это состояние осознанности. Именно в этом и состоит вся медитация.

Наблюдай, видь, будь бдителен и не выбирай.

В жизни ты становишься привязанным, ты собираешь пыль. Смерть отнимает все твои привязанности и всю твою пыль. Если ты сможешь увидеть эту суть, то будешь безмерно благодарен смерти.

То, чего не можешь сделать ты сам, смерть делает за тебя. Именно поэтому, если ты сможешь это сделать, для тебя смерти нет; тогда в смерти нет необходимости. Если человек может очистить свое сознание в медитации, он никогда не умрет. Я не говорю, что он не умрет телом, — это естественная вещь, — но он никогда не столкнется со смертью. Смерть случается только с собравшейся на зеркале пылью. Зеркало никогда не умирает, зеркало само по себе бессмертно. Это свидетельство — бессмертный процесс; оно вечно. Путешественник продолжается; только одежда порвалась и истлела, и ее нужно сменить. Путешественник продолжается; только пыль собирается на теле, и нужно принять ванну. Но если ты начинаешь думать, что твоя пыль и есть ты, то никогда не сможешь мыться.

Смерть — это великий друг; она освобождает тебя от бремени. Она освобождает тебя от всего, что ты накопил. Если однажды это освобождение от бремени позволено добровольно, смерть превращается в самадхи. Если ты не позволяешь этого добровольно, тогда смерть — не самадхи, это боль. Теперь пойми суть. Одна и та же вещь может быть сущей болью и сущей радостью. Все зависит от твоего толкования — как ты смотришь на вещи, как ты проникаешь в определенный опыт, насколько глубоко ты в него идешь.

Если ты склонен цепляться и очень собственнически относишься к жизни, тогда смерть будет очень болезненной, и будет огромная боль. Ты будешь страдать. Ты будешь страдать не из-за смерти; ты будешь страдать из-за своего цепляния, из-за своего собственнического отношения, из-за своих привязанностей, из-за своей жадности и всего остального. Но если ты не склонен цепляться, если относишься к жизни не очень собственнически, если ты не жаден, не эгоистичен, не агрессивен, внезапно качество смерти меняется. Она приходит как свежий порыв ветра существования. Она приходит и очищает тебя. Она дает тебе огромный, такой нужный отдых. Она очищает тебя. Она приводит тебя к вечному источнику, из которого возникнешь снова. Если ты идешь в нее добровольно, то возникнешь вновь в лучшей форме, потому что чему-то научился из прошлой формы. Если ты не идешь в нее добровольно, то тогда смерть бросит тебя в топку и сожжет насильно, и ты вернешься в прежней форме, потому что ничему не научился.

Смерть несет великий урок, больший, чем жизнь, — и очень интенсивную возможность понимания, потому что жизнь очень растянута во времени; смерть происходит с потенциалом огромной интенсивности, и в очень короткое время. В один миг она встряхивает тебя. Если ты не бдителен, то упустишь этот миг. Этот миг ничтожно мал. Если ты бдителен, тогда сам этот миг становится дверью в вечное.

Я пытаюсь подружиться с этим страхом, который всегда со мной: правильный ли это подход?

С темнотой, смертью или страхом нужно не подружиться; нужно просто от них избавиться. Нужно просто проститься с ними навсегда.

Этот страх — твоя привязанность; дружба с ним сделает ее еще глубже. Не думай, что, подружившись со страхом, ты будешь готов идти вовнутрь. Даже дружественный страх тебе помешает; фактически, он помешает больше. Он помешает по-дружески, даст дружеский совет: «Не делай таких вещей. Внутри ничего нет. Ты упадешь в ничто, а вернуться из ничто невозможно. Остерегайся падать вовнутрь себя. Цепляйся за вещи».

Страх нужно понять — но не подружиться с ним, и он исчезнет.

Чего ты боишься? Когда ты родился, ты родился обнаженным. Ты не принес с собой никакого банковского счета — но ты ничего не боялся. Тыходишь в мир совершенно обнаженным, ноходишь как император. Даже император не может войти в мир так, как входит ребенок. То же самое верно в отношении того, чтобы войти вовнутрь. Это второе рождение; ты снова становишься ребенком — такая же невинность, такая же нагота, такое же отсутствие чувства собственности. Чего тебе бояться?

В жизни ты не можешь бояться рождения. Оно случилось; теперь с ним ничего сделать нельзя. Ты не можешь бояться жизни; она уже происходит. Ты не можешь бояться смерти; что бы ты ни сделал, она случится. Так чего бояться?

Меня всегда спрашивали очень знающие люди:

— Тебя никогда не беспокоит, что случится после смерти?

Я всегда недоумевал, действительно ли эти люди знающие. Я им говорил:

— Однажды я родился, и не было никакого беспокойства. Я никогда, ни на мгновение не думал, когда родился, с какими трудностями, тревогами и болью мне придется столкнуться. Меня просто не было! То же самое случится; когда вы умрете, вы умрете!

Конфуция спросил один из его самых значительных учеников, Менций:

— Что случится после смерти? Конфуций сказал:

— Не трать время впустую. Оказавшись в могиле, ты сможешь лежать и об этом думать; но зачем беспокоиться сейчас?

Столько людей лежит в могилах и думает! Можно подумать, что никакой проблемы, кажется, нет. На каждом кладбище, — а кладбищ миллионы, — люди просто спокойно лежат. Они не встают, чтобы навести справки: «Что происходит? Какие сегодня новости?» Они даже не переворачиваются с бока на бок. Они так расслаблены.

Когда люди умирают, им закрывают глаза из страха, что «эти бедняги будут продолжать смотреть в могиле».

Становится страшно, если подумать, что тысячи людей в могилах лежат и смотрят, — «нужно закрыть им глаза».

У меня была дальняя родственница, которая была уникальна тем, что когда она спала, у нее один глаз оставался открытым. Она не могла по-другому, потому что этот глаз был вставной. Но каждый раз, когда она приезжала к нам в семью, я пугал людей. Каждый раз, когда она засыпала, я приводил их и говорил:

— Вот, смотрите: даже когда она спит, один глаз открыт.

В смерти люди пытаются закрывать мертвым глаза, но не верьте; что это получится. Они откроют глаза и начнут оглядываться по сторонам:

— Что происходит?

Страх того, что случится, когда ты умрешь, излишен. Что бы ни случилось, это случится — и в любом случае ты ничего не можешь сделать заранее. Ты ничего не знаешь, поэтому нет речи о том, чтобы выполнить какую-то домашнюю работу, подготовиться к вопросам, которые тебе зададут, или к людям, которых ты встретишь, научиться их манерам и языку. Мы ничего не знаем. Не стоит об этом беспокоиться; не трать время впустую.

Но это страх, страх того, что после смерти что-то случится — а ты будешь так одинок. Даже если ты позовешь из могилы, никто не будет слушать. Люди в страхе закрывают могилы наглухо. Если оставить открытым какое-то окошко, все испугаются — вдруг мертвые начнут в него выглядывать?

Нет никакого вопроса страха, нужно только немного разума — не дружбы со страхом, но разума: сердце искателя приключений, храбрость тех, кто идет в неизвестное. Они блаженны, потому что они находят смысл и значение жизни. Лишь они живут; другие только ведут овощное

существование.

Француза, еврея и поляка приговорили к тридцати годам тюрьмы. Каждому из них была предоставлена одна просьба, которую должен был выполнить тюремщик.

— Женщина, — сказал француз.

— Телефон, — сказал еврей.

— Сигарета, — сказал поляк.

Через тридцать лет француз выходит из тюрьмы с женщиной и с десятью детьми.

Еврей выходит из тюрьмы с десятью тысячами долларов комиссионных, которые он заработал за это время.

Поляк выходит и говорит:

— У кого-нибудь есть спички?

Не будь поляком! Тридцать лет держать сигарету и ждать: «Когда откроются двери, я у кого-нибудь попрошу спичку».

Прежде всего: немного разума, немного чувства юмора, немного любящего сердца — тебе не нужно много, чтобы войти в свое существо. Серьезные люди продолжают стоять снаружи с унылыми английскими лицами.

Отцу Мерфи нужно было собрать денег для своей церкви, и он услышал, что деньги можно выиграть на бегах. Как бы то ни было, на лошадь денег у него не хватило, и он вместо нее купил осла и выставил его на скачках. К его удивлению, осел пришел третьим. В спортивных газетах появились заголовки: «Осел священника вышел на третью позицию»[Игра слов: «Priest's Ass Shows» — У священника видно задницу»].

Отец Мерфи поставил его на следующий заезд, и на этот раз осел победил. Появились заголовки: «Осел священника вырвался вперед»[«Priest's Ass Out Front» — «У священника задница спереди»]

Епископ так расстроился от этих публикаций в газетах, что приказал Отцу Мерфи не выставлять больше осла на скачки. В заголовках появилось: «Епископ вычеркивает осла священника»[«Bishop Scratches Priest's Ass» — «Епископ чешет задницу священника»]

Для епископа это было уже слишком, и он приказал Отцу Мерфи избавиться от осла. Он отдал его Сестре Терезе, и в газетах написали: «Монахиня получила лучшего осла в городе»[«Nun Has Best Ass in Town» — «У монахини лучшая в городе задница»].

Епископ упал в обморок. Он известил Сестру Терезу, что она должна немедленно избавиться от осла. Она продала его Пэдди за десять долларов. На следующий день епископа нашли мертвым за обеденным столом, в руках он сжимал газету с заголовком: «Монахиня продала осла за десять долларов»[«Nun Sells Her Ass For Ten Bucks» — «Монахиня продает свою задницу за десять долларов»].

Лишь немного чувства юмора, немного смеха, подобной ребенку невинности — и что тебе терять? Чего бояться? У нас ничего нет. Мы приходим без ничего, уходим без ничего. Прежде чем это произойдет — просто небольшое приключение вовнутрь, чтобы увидеть, кто же этот парень, скрывающийся под одеждой, внутри скелета? Кто на самом деле этот парень, который рождается, становится юношей, влюбляется и однажды умирает, и никто больше не знает, куда он делся?

Лишь немного любопытства, чтобы исследовать собственное существо. Это очень естественно; ни о каком страхе не может быть и речи.

Когда наступает мгновение, лист распускает свою нежную хватку и приветствует смерть с внутренне свойственным изяществом. Не тогда ли жизни открывается возможность обнять самое себя, прежде чем лист коснется земли?

Да, это тайна и жизни, и смерти, тайна тайн: как позволить существованию пройти сквозь тебя совершенно без помех, без препятствий; как быть в состоянии абсолютного несопротивления. Будда называет это татхатой — «таковостью».

Ты говоришь: «Когда наступает мгновение, лист отпускает свою нежную хватку и приветствует смерть с внутренне свойственным изяществом».

Именно так вы должны научиться умирать.

И хватка должна быть нежной, иначе трудно будет ее отпустить. Ваша хватка должна быть такой, чтобы она почти не была хваткой. Эта хватка не может быть цеплянием. Цепляются лишь те люди, которые не понимают, что это полярная игра существования, и их цепляние разрушает все. Им приходится умереть, но их смерть лишается изящества. Им приходится умереть, как и каждому другому, но их смерть становится агонией.

Это слово происходит от слова *агон*, агон значит борьба. Агония значит борьба. Они умирают, борясь. Вся борьба — это бесполезная деятельность: они не победят, но все же продолжают бороться. Миллионы людей пытались и терпели поражение; все же мы такие идиоты, что продолжаем повторять тот же образец. Мы все еще надеемся: «Может быть, я буду исключением, может быть, у меня как-нибудь получится».

Ни у кого никогда не получалось, и не потому, что люди недостаточно пытались, не потому, что пытались с недостаточной силой, но потому, что это невозможно по самой природе вещей. Они сделали все, что только можно было сделать, ничто не осталось несделанным, но смерть случается неотвратимо. Фактически, она уже случилась при самом твоём рождении. Родиться — это один полюс; в нём скрыт другой полюс.

Пусть ваша хватка будет нежной, такой нежной, чтобы ее можно было в любое мгновение отбросить, и чтобы в ее отбрасывании не было борьбы, ни мгновения промедления — потому что даже мгновения промедления достаточно, чтобы упустить суть, чтобы лишиться изящества.

Моя работа состоит в том, чтобы научить вас жить и умирать, быть радостными и грустными, радоваться молодости и старости, радоваться здоровью и болезни. Если я буду учить вас радоваться только здоровью, счастьем и жизни, а другой частью пренебрегать, тогда я буду учить вас чему-то такому, что создаст в вас раздвоенность, расщепленность.

Я учу вас тотальности существования.

Не владейте, ни за что не держитесь и не цепляйтесь.

Пусть вещи приходят и уходят.

Пусть вещи проходят сквозь вас, а сами оставайтесь абсолютно уязвимыми, доступными. Тогда будут великая красота, изящество и экстаз. Даже ваша грусть будет приносить вам глубину, не меньше, чем радость. Даже смерть будет приносить вам великие дары, настолько же, что и сама жизнь. Тогда человек узнает, что все это существование — его: ночи и дни, лета и зимы; все это — его.

Оставаясь уязвимым, открытым и расслабленным, ты становишься мастером.

Это странное явление и очень парадоксальное: оставаясь сдавшимся существованию, ты достигаешь победы. Эти мгновения будут приходить к тебе снова и снова. Все, что я пытаюсь здесь сделать, это принести вам больше и больше таких мгновений, таких пронзительных мгновений. Не ведите себя глупо, не продолжайте повторять старые стратегии, старые образцы ума. Научитесь новым путям существа.

Величайшее, чему можно научиться, — это ни за что не держаться: ни за любовь, ни за радость, ни за тело, ни за здоровье. Наслаждайтесь всем: здоровьем, телом, любовью, женщиной или мужчиной, — но не цепляйтесь. Пусть руки остаются открытыми; не превращайтесь в кулак. Превратившись в кулак, ты становишься закрытым — закрытым для ветров, дождей, Солнца и

Луны, закрытым для самого существования — и это самый уродливый способ жить. Это значит, окружить себя могилой. Тогда твое существование лишено окон. Ты продолжаешь задыхаться внутри, потому что думаешь, что окружаешь себя безопасностью и защищенностью.

Я слышал древнюю суфийскую притчу.

Король очень боялся смерти, как и каждый — и чем больше у тебя есть, тем, конечно, тебе страшнее. Бедный человек не так боится смерти. Что ему терять? Что дала ему жизнь? Он остается безмятежным.

Именно поэтому в бедных странах везде и всюду можно увидеть поразительное равнодушие к смерти, бедности и голоду. Причина в том, что люди жили в такой бедности и так долго, что не беспокоятся о смерти. Смерть приходит к ним как облегчение — облегчение от всех несчастий и тревог, облегчение от голода, страдания и бедности.

Люди, приезжающие из более богатых стран, недоумевают: «Почему они так равнодушны к смерти?» Причина проста: им не за что цепляться. Их жизнь ничего им не дала. Их жизнь так бедна, что смерть ничего не может у них отнять; она не может сделать их беднее, чем они уже есть. Но чем больше у тебя есть, тем более ты боишься смерти. Чем богаче общество, тем больше страх смерти.

В бедных странах табуирован секс, в богатых странах табуирована смерть. Это показывает, богато общество или бедно, — можно просто посмотреть, какие у них табу. Если они очень боятся секса, значит, они очень бедны; если они боятся смерти, боятся даже упоминания о ней, это просто означает, что они богаты. Поэтому богатым и бедным странам очень трудно встретиться: у них конфликтующие табу.

Итак, король очень боялся, естественно. У него было так много, и смерть должна была все это отнять; он потратил впустую всю жизнь, накапливая. Как защититься? Накопив столько богатств, он создал много врагов, и они всегда искали возможности отрезать ему голову.

Он спросил совета у самых старых и мудрых людей своей страны. Они ему посоветовали построить замок с одной только дверью — без окон и дверей, кроме одной двери, через которую можно войти и выйти. В нем он будет в безопасности. И у двери он должен был поставить тысячу охранников, чтобы кому-то войти, было невозможно. Идея показалась привлекательной. Он построил большой дворец без окон и дверей, кроме одной двери, а ее охраняли тысячи воинов.

Соседний король, его друг, тоже боялся смерти. Он услышал об этом дворце и пришел на него посмотреть. Это произвело на него большое впечатление. Он сказал:

— Я хочу немедленно начать работу по строительству такого же дворца для себя. Это так надежно и безопасно!

Когда друг уезжал — король вышел из дворца, чтобы с ним проститься, — он снова восхитился дворцом. Когда он восхищался дворцом, нищий, сидящий у дороги, громко рассмеялся. Оба короля были потрясены, и они его спросили:

— Почему ты смеешься? Ты что, сумасшедший? Разве ты не знаешь, как себя вести в присутствии королей?

Нищий сказал:

— Я не могу сдержаться. Извините меня! Но я сам был королем, и позвольте мне сказать по правде, почему я смеюсь. Я прошу милостыню здесь, на этой дороге, и всё время наблюдал, как строился этот дворец. Но одно меня смущает: я хочу вам сказать, что в нем есть только одна ошибка, упущение, и оно окажется роковым.

— Какое упущение? — спросили короли. — Расскажи нам: мы его исправим.

Короли были готовы слушать, и не только слушать, но и исправить упущение. Нищий сказал:

— Сделай одно: войди вовнутрь и скажи своим людям закрыть и эту дверь, навечно, потому что эта дверь окажется опасной. В нее войдет смерть! Эта тысяча воинов не сможет помешать смерти; они не смогут ее увидеть. Поэтому закрой дверь полностью. Вместо нее сделай стену, и ты будешь внутри дворца в вечной безопасности! Никто не сможет тебя убить, и войти не сможет даже смерть.

И король сказал:

— Но это означает, что я буду уже мертв! Если я не могу выйти наружу, то какой тогда вообще смысл жить?

— Именно поэтому я и смеюсь, — сказал нищий. — Ты на девяносто девять процентов уже мертв! У тебя осталась только одна маленькая дверь — и столько же жизни.

Чем более вы в безопасности, тем более вы мертвы. И это не красивая смерть — не изящная смерть листа или лепестка розы, парящего на землю и возвращающегося к источнику. Это уродливая смерть, человеческое изобретение. Естественная смерть красива; человек сделал ее уродливой. Человек сделал уродливым все; все, чего человек касается, становится уродливым. Если он касается золота, оно превращается в пыль.

Пусть это понимание проникнет как можно глубже. Пусть это просочится в святая святых ваших существ и станет прозрением. Да, это так. Не владей, не держись крепко. Оставайся расслабленным, оставайся невладеющим. Если что-то доступно, наслаждайся этим. Когда это исчезает, позволь ему исчезнуть с благодарностью — благодарностью за все, что это тебе принесло, без обиды и без жалобы. И ты узнаешь величайшие радости жизни и смерти, света и темноты, бытия и небытия.

Кажется, я пережил все свои чувства, и теперь осталась только пустота.

Пустота превращается в наполненность, если ты ее принимаешь, если ты ее приветствуешь и встречаешь с почтением. Если ты ее не принимаешь — если ты немного испуган, боишься — она остается пустой, она остается отрицательной.

Обратить отрицательное в положительное — вот вся алхимия превращения грубого металла в золото.

Пустота — это грубый металл. Сама по себе она не имеет большой ценности; она просто пуста. Но если ты ее приветствуешь, с большой любовью и уважением, если ты ее встречаешь с распростертыми объятиями, внезапно ее качество меняется. С принятием она становится положительной пустотой. Тогда она больше не пуста: она полна самой собой. В ней есть своего рода наполненность, переполнение — и именно это и есть божественное.

Таким образом, в нее нужно идти снова и снова. И она будет приходить много раз. Она будет висеть вокруг тебя, стучаться в двери; прими ее; это гость. Люби ее! Нет ничего более ценного, чем это. Если ты сможешь трансформировать ее в наполненность, нельзя сделать ничего более ценного. Но люди продолжают упускать. Иногда она приходит — они упускают, потому что пугаются, начинают ей противодействовать. Они начинают сдерживаться и контролировать себя.

Помни: теперь контроля нужно избегать. Контроль создает конфликт. Вы с пустотой действуете как враги, и тогда возникает конфликт. В этом конфликте много энергии рассеивается впустую... а это очень ценная энергия, очень драгоценная энергия.

Это великая возможность, и она стучится к тебе в двери. Если ты испугаешься — закроешь и запрешь двери, убежишь куда-то вовнутрь и спрячешься в кровати — то упустишь ее. Она может больше не постучать в двери. Может быть, она придет снова через много лет или много жизней — никто не знает. Может быть, ты очень близко к чему-то, что окажется

трансформацией. Ты можешь упустить, и путь к тому, чтобы упустить, — оставаться в страхе. В страхе человек начинает контролировать; в контроле он становится противоборствующим. Но пустоту нужно любить.

Пустота должна стать твоей возлюбленной.

Ты должен потеряться в ней, и она должна потеряться в тебе.

Пусть будет великий оргазм с этой пустотой, пусть это будет любовью. Вскоре ты увидишь, что пустота больше не пуста: она наполнена! Это самый полный опыт, который только возможен для человеческого сознания.

Принятие боли в ее «таковости»

Сначала попытайтесь понять слово «таковость». В словаре Будды это слово очень важно. В собственном языке Будды это татхата — такость. Вся буддистская медитация состоит в том, чтобы жить в мире, жить с миром, так глубоко, чтобы мир исчез, и ты стал такостью.

Например, ты болен. Вот подход такости: прими это — и скажи себе: «Таков путь моего тела», или: «Таковы вещи». Не создавай борьбы, не начинай бороться.

Когда ты принимаешь, не жалуешься и не борешься, тотчас же энергия внутри становится единой. Пропасть сплавлена. И высвобождается много энергии, потому что теперь конфликта нет; само высвобождение энергии становится целительной силой.

Что-то неправильно в теле: расслабься и прими это, просто скажи внутри, — и не только скажи словами, но и глубоко почувствуй — что такова природа вещей. Тело — это сложное сочетание, в нем многое объединено. Тело рождается, оно склонно к смерти. Это механизм, и механизм сложный; очень возможно, что то или другое в нем выйдет из строя.

Прими это и не будь отождествленным. Принимая, ты остаешься выше этого, остаешься за пределами этого. Когда ты борешься, то спускаешься на тот же уровень. Принятие есть трансценденция. Принимая, ты на холме; тело остается позади. Ты говоришь: «Да, такова природа. Все рожденному предназначено умереть, и если что-то должно умереть, оно рано или поздно заболевает. Не о чем беспокоиться», — словно это происходит не с тобой, просто происходит в мире вещей.

Красота в том, что когда ты не борешься, ты трансцендируешь.

Ты больше не на том же уровне.

Эта трансценденция становится целительной силой. Внезапно тело начинает меняться.

Мир вещей — это поток; в нем ничто не постоянно. Не ожидай постоянства! Если ты ожидаешь постоянства в мире, где все непостоянно, это создаст беспокойство. Ничто не может быть навсегда в этом мире; все, что принадлежит этому миру, мгновенно. Это природа вещей, «таковость».

Если ты принимаешь неохотно, то постоянно будешь в боли и страдании. Если ты принимаешь без всякой жалобы, не в беспомощности, но в понимании, это становится такостью. Тогда ты больше не встревожен, и нет никакой проблемы. Проблема возникла не из-за этого факта, но потому, что ты не мог принять то, как это происходило. Ты хотел, чтобы все было по-твоему.

Помни: жизнь никогда не будет тебе следовать, тебе придется следовать жизни. Неохотно или счастливо — это твой выбор. Следуя неохотно, ты будешь в страдании. Следуя счастливо, ты становишься буддой. Твоя жизнь становится экстазом.

Войти в боль

В следующий раз, когда у тебя будет болеть голова, попробуй, просто в виде эксперимента, небольшую медитационную технику; потом ты сможешь перейти к большим болезням и большим симптомам.

Сиди безмолвно и наблюдай боль, смотри в нее — не так, словно ты смотришь на врага, нет. Смотри на нее как на врага, ты не сможешь смотреть правильно, ты будешь ее избегать. Никто не смотрит на врага прямо; человек его избегает, склонен его избегать. Смотри на нее как на друга. Это твой друг; боль к твоим услугам. Она говорит: «Что-то не так — посмотри сюда». Просто сиди безмолвно и смотри в головную боль, без всякой идеи о том, чтобы ее прекратить, без конфликта, без борьбы и противостояния. Просто смотри в нее, смотри, что это такое.

Наблюдай таким образом, словно в головной боли есть какое-то внутреннее послание, которое она может тебе передать. В ней есть закодированное сообщение. И если ты смотришь безмолвно, то будешь удивлен. Если ты смотришь безмолвно, случатся три вещи.

Первая: чем более ты в нее смотришь, тем она становится острее. Тогда ты будешь немного озадачен: «Как это поможет, если боль становится острее?» Она становится острее, потому что раньше ты ее избегал. Она была острой, но ты ее избегал; ты уже ее подавлял, даже без аспирина. Когда ты в нее смотришь, подавление исчезает. Головная боль приходит к своей естественной остроте. Тогда ты словно слышишь без затычек в ушах, без всякой ваты в ушах. Боль будет очень острой.

Во-вторых, она будет ощущаться более четко в определенной точке; она перестанет распространяться по большому пространству. Сначала тебе казалось: «У меня болит вся голова». Теперь ты увидишь, что болит не вся голова, а только небольшой участок. Это тоже указывает на то, что теперь ты смотришь в боль глубже. Распространение ощущения боли — это трюк; это еще один способ ее избежать. Если боль в одной точке, она острее, и ты создаешь иллюзию, что болит вся голова. Распространенная по всей голове, боль ни в какой точке не будет настолько же интенсивной. Есть трюки, которые мы постоянно применяем.

Продолжай в нее смотреть, и вторым шагом будет то, что она начнет становиться уже и уже. Придет момент, когда она станет просто острием иглы — очень острым, безмерно острым и очень болезненным. Ты никогда не испытывал такой боли в голове, но она ограничена в пределах одного небольшого участка. Продолжай смотреть в нее.

Тогда происходит третье, и самое важное. Если ты продолжаешь смотреть в ту точку, в которой боль очень острая и концентрированная, много раз ты увидишь, что боль исчезает. И когда она исчезает, у тебя появляется проблеск того, откуда она приходит, — что ее вызвало. Когда исчезает следствие, ты можешь увидеть причину.

Это произойдет много раз; она появится снова. Твой взгляд теряет бдительность, концентрацию, внимание: она возвращается. Каждый раз, когда ты по-настоящему внимательно смотришь, она исчезает, и когда она исчезает, открывается скрытая за ней причина. И ты будешь удивлен: твой ум готов открыть тебе ее причину.

Стать болью

Страдание означает сопротивление. Чтобы страдать, ты должен чему-то сопротивляться. Попробуй вот что. Распятие будет для тебя слишком трудным, но есть небольшие, ежедневные распятия. Они подойдут.

Ты чувствуешь боль в ноге или в голове; у тебя болит голова. Может быть, ты не замечал этого механизма. У тебя головная боль, и ты постоянно борешься и сопротивляешься. Ты ее не хочешь. Ты против нее, ты раздваиваешь себя: ты стоишь где-то внутри головы, и рядом стоит головная боль. Ты и головная боль отдельны, и ты настаиваешь, что так и должно быть. Вот в чем настоящая проблема.

Попробай однажды не бороться. Теки с головной болью и стань головной болью. Скажи: «Так и есть. Именно так чувствует себя моя голова в данный момент». Не сопротивляйся. Позволь ей случиться и стань с ней одним. Не делай себя отдельным, но теки в нее. Тогда возникнет внезапный взлет счастья, которого ты никогда раньше не знал.

Когда нет никого, чтобы сопротивляться, даже головная боль не болезненна. Боль создает борьбу. Боль всегда означает борьбу с болью — и это создает настоящую боль.

Попробуй это, когда у тебя заболит голова, попробуй это, когда твое тело болеет, попробуй это, когда есть какая-то боль; просто теки с ней. Однажды, если ты это позволишь, ты придешь к одному из основных секретов жизни — боль исчезает, если ты с ней течешь. И если ты можешь течь тотально, боль становится счастьем.

***

Ты испытываешь боль — что на самом деле происходит внутри? Проанализируй все это явление: есть боль, и есть сознание того, что есть эта боль. Но есть и промежуток, и так или иначе: «Мне больно»... Происходит это чувство: «Мне больно». И более того, рано или поздно чувством становится: «Я — боль».

«Я боль; мне больно; я осознаю боль» — это три разных, очень разных состояния. Осознанность трансцендирует боль: ты отличаешься от нее, и есть глубокая отделенность. На самом деле никакой связи никогда не было; видимость связи появляется из-за близости, из-за интимной близости твоего сознания и всего, что происходит вокруг него.

Сознание так близко, что когда тебе больно — боль совсем рядом, совсем близко. Так и должно быть, иначе боль нельзя исцелить. Она должна быть близка, чтобы почувствовать ее, узнать ее и быть в ней осознанным. Но из-за этой близости ты становишься отождествленным и сливаешься с ней. И снова это мера безопасности, мера защиты и естественный защитный механизм. Когда есть боль, ты должен быть близко; когда есть боль, твое сознание должно поспешить к боли — чтобы ее почувствовать и что-то предпринять.

Но из-за этой необходимости случается другое явление: так близко, вы становитесь одним; так близко, ты начинаешь чувствовать: «Это я — эта боль, это удовольствие». Из-за этой близости есть отождествление: ты стал гневом или любовью; ты стал болью или счастьем.

Ты не то, что ты думаешь, чувствуешь, воображаешь или проецируешь: ты — это просто факт бытия в осознанности. Есть боль; через мгновение ее может не быть — но ты останешься. Счастье придет и уйдет; оно было и его не будет — но ты будешь. Сначала тело молодо, потом тело стареет. Все остальное приходит и уходит — гости приходят и уходят — но хозяин остается прежним.

Помни хозяина. Постоянно помни хозяина. Будь центрированным в хозяине, оставайся в своем бытии хозяина. Тогда есть отделенность, тогда есть промежуток, интервал. Мост разрушен, и в то мгновение, когда мост разрушен, происходит явление отречения. Тогда ты в этом, но этому не принадлежишь. Тогда ты есть в хозяине — и одновременно в госте. Тебе не нужно бежать от гостя, нет никакой необходимости.

Оставайся там, где ты есть, но будь центрированным в хозяине. Будь центрированным в себе, помни хозяина.

Заметить дважды

Будда учил своих учеников: когда у вас головная боль, просто скажите дважды: «Головная боль, головная боль». Наблюдайте, но не оценивайте. Не говорите: «Почему? Почему со мной случилась эта головная боль? Ее быть не должно».

Пусть этот ключ будет очень глубоко понят: если ты можешь свидетельствовать головную боль, не принимая никакого враждебного подхода, не избегая, не убегая от нее; если ты можешь быть в ней, медитативно в ней: «Головная боль, головная боль», — если ты можешь просто видеть ее, головная боль в свое время пройдет. Я не говорю, что она пройдет чудесным образом, что просто оттого, что ты ее видишь, она прекратится. Она пройдет в свое время. Она есть, ты ее наблюдаешь, и она проходит. Она будет высвобождена.

Остановить органы чувств

Возьми любой опыт... У тебя рана — это больно. У тебя головная боль или любая боль в теле: в качестве объекта подойдет что угодно.

Что нужно делать? Закрой глаза и подумай, что ты ослеп и не можешь видеть. Закрой уши и подумай, что ты не можешь слышать. Все пять чувств — просто закрой их. Как ты можешь их закрыть? Это легко. Перестань дышать на мгновение: все твои органы чувств будут закрыты. Внезапно ты на расстоянии — далеко.

Стань как камень и закройся от мира. Когда ты закрыт от мира, на самом деле, ты закрыт от своего собственного тела, потому что твое тело — не часть тебя; это часть мира. Когда ты полностью закрыт от мира, ты закрыт и от собственного тела.

Ты лежишь в постели; ты чувствуешь прохладу простыней — стань мертвым. Внезапно простыни отодвинутся, станут дальше и дальше, и потом вообще исчезнут. Твоя постель исчезнет; спальня исчезнет; весь мир исчезнет. Ты закрыт, мертв, окаменел, как монада Лейбница, без всякого окна наружу — никаких окон. Ты не можешь двигаться. Тогда, когда ты не можешь двигаться, ты отброшен обратно к самому себе, ты центрирован в себе. Тогда впервые ты можешь смотреть из своего центра.

Ключи к принятию и трансформации

Гудение (Надабрама)

Первая стадия этого метода — полчаса сидения с закрытыми глазами и гудения, достаточно громко, чтобы это мог услышать кто-то другой. Во второй стадии — семь с половиной минут движения руками, медленно, перевернув руки вверх ладонями, широкими кругообразными движениями, начиная от пупка наружу, чтобы обе руки расходились в форме большого кольца, возвращающегося обратно к животу. В следующие семь с половиной минут: руки переворачиваются ладонями вниз, и все так же очень медленно, движение совершается в обратном направлении. Затем пятнадцать минут лежания с закрытыми глазами, в тишине и молчании.

Для управления этой медитацией есть специальная музыка; подробности можно найти на веб-странице osho.com.

Это медитация мантры, а мантра — один из самых потенциальных путей. Она проста, но безмерно эффективна, потому что, когда ты произносишь мантру или звук, тело начинает вибрировать; особенно начинают вибрировать клетки мозга.

Если это делать правильно, весь твой мозг становится безмерно живым, как и тело. Как только тело начинает вибрировать, и ум уже повторяет, они попадают в сонатность, в гармонию, которой обычно нет. Твой ум идет одной дорогой, тело продолжает идти другой. Тело продолжает есть, ум продолжает думать. Тело продолжает идти по дороге, ум движется в далекие звезды. Они никогда не встречаются — они идут разными дорогами, и это создает раздвоенность.

Шизофрения создается в своей основе потому, что тело движется в одном направлении, а ум — в другом. А ты — третий элемент, не тело и не ум, и они разрывают тебя на части. Половину твоего существа тянет тело, половину — ум. И возникает огромная боль; человек чувствует себя разрываемым надвое.

Механизм Надабрамы работает именно так: когда ты начинаешь гудеть, когда ты начинаешь резонировать внутри, тело начинает откликаться. Рано или поздно приходит момент, когда тело и ум оказываются вместе и впервые движутся в одном направлении. Когда тело и ум вместе, ты свободен от тела и ума — ты не разорван на части. Тогда третий элемент, которым ты в действительности являешься — назови его душой, духом, атмой, как угодно, — этот третий элемент в покое, потому что его ничто не тянет в разных направлениях.

Тело и ум так поглощены гудением, что душа очень легко может выскользнуть из них незамеченной и стать свидетелем — стоять и смотреть на всю эту игру, которая продолжается между умом и телом. Это такой прекрасный ритм, что тело и ум никогда не осознают, что душа выскользнула... потому что они не позволяют ей легко этого сделать; они удерживают ее в своей власти. Никто не хочет лишиться того, чем владеет. Тело не хочет потерять то, чем владеет. Тело хочет главенствовать над душой, и ум хочет главенствовать над душой.

Это очень лукавый способ вырваться из их хватки. Они приходят в опьянение, и ты можешь выскользнуть. Таким образом, в Надабраме, помни это: пусть тело и ум будут тотально вместе, но помни, что ты должен быть свидетелем. Выберись из них, тихо, постепенно, через черный ход, без всякой борьбы и без всякой битвы. Они опьянены — ты выбираешься и наблюдаешь снаружи.

В этом значении английского слова экстаз — стоять снаружи. Стой снаружи и наблюдай оттуда. Это безмерный покой. Это молчание, это блаженство и благословение.

Завершение

Что бы ты ни сделал сознательно, это прожито, и не остается никакого осадка. Что бы ты ни сделал бессознательно, остается осадок, потому что ты никогда не проживешь этого тотально — что-то остается незавершенным. Когда что-то не завершено, это приходится продолжать носить: оно хочет быть завершенным.

Ты был ребенком; кто-то сломал твою игрушку: ты плакал, и мать тебя утешила и отвлекла твой ум на что-то другое. Она дала тебе какие-то сладости, заговорила о чем-то другом, рассказала историю и отвлекла. Ты собирался плакать и рыдать, но забыл. Это осталось незавершенным. Это есть, и в любой день, когда кто-то вырвет у тебя игрушку — это может быть любая игрушка; это может быть твоя девушка, и кто-то ее отнимает — ты начинаешь плакать и рыдать. Ты можешь найти этого ребенка, незавершенного. Это может быть пост: ты мэр города, и кто-то отнимает у тебя пост — игрушку, и ты снова плачешь и рыдаешь.

Найди... регрессируй в прошлое и двигайся в него снова, потому что другого пути нет. Теперь прошлого больше нет, и если что-то висит вокруг тебя, единственный способ — пережить это заново в уме, двигаться вспять.

Каждый вечер возьми себе за правило возвращаться назад на один час, полностью бдительным, словно ты проживаешь все это заново. Многие вещи всплывут, и многие вещи привлекут твое внимание. Поэтому не торопись и не уделяй только половину внимания ничему, и не перепрыгивай на другое, потому что тогда это снова создаст неоконченность. Что бы ни пришло, отдай этому все внимание. Проживи это снова. И когда я говорю, проживи это снова, я подразумеваю, проживи это снова — не просто вспомни, потому что, когда ты что-то вспоминаешь, ты отрешенный наблюдатель; это не поможет. Проживи это заново!

Ты снова ребенок. Не смотри так, словно ты стоишь отдельно и смотришь на ребенка, когда у него отняли игрушку. Нет! Будь этим ребенком. Не снаружи ребенка, внутри ребенка — снова будь ребенком. Проживи это мгновение: кто-то отнимает игрушку, кто-то разрушает ее, и ты начинаешь плакать — плачь! Мать пытается тебя утешить. Пройди через все это снова, но теперь пусть тебя ничто не отвлекает. Пусть весь процесс будет завершен. Когда он завершен, внезапно ты почувствуешь, что у тебя на сердце не так тяжело; что-то отброшено.

Ты хотел что-то сказать своему отцу; теперь он умер, теперь нет способа ему сказать. Или ты хотел попросить у него прощения за определенную вещь, которая ему не понравилась, но твое эго вмешалось, и ты не попросил прощения; теперь он умер, и ничего нельзя сделать. Что делать? — а это есть! Это будет продолжаться и продолжаться, и разрушать твои отношения.

Если ты сознателен, ты можешь наблюдать. Вернись обратно. Теперь твоего отца больше нет, но в глазах памяти он все еще есть. Закрой глаза; снова будь ребенком, который что-то сделал, что-то совершил, который хочет быть прощенным, но не может набраться храбрости. Теперь ты можешь набраться храбрости! Ты можешь сказать все, что хотел сказать, и можешь снова коснуться его ног, или снова разозлиться и ударить его — но покончи с этим. Пусть весь процесс будет завершен.

Двигайся назад. Каждый вечер, на один час, прежде чем заснуть, двигайся в прошлое и переживай заново... Многие воспоминания мало-помалу будут откопаны из-под земли. Часто ты будешь удивлен тем, что не осознавал, что эти вещи в тебе есть — и с такой жизненностью и свежестью, словно это случилось только что! Ты будешь снова ребенком, молодым человеком, снова будешь влюбленным: придут многие вещи. Двигайся медленно, чтобы все было закончено.

Твоя гора будет становиться меньше и меньше — груз похож на гору — и чем меньше он

будет становиться, тем более свободным ты будешь себя чувствовать. К тебе придет определенное качество свободы, свежесть. Ты почувствуешь внутри, что коснулся источника жизни.

Ты всегда будешь полным жизненной силы. Даже другие почувствуют, что когда ты идешь, твои шаги изменились; в них есть качество танца. Когда ты касаешься, твое прикосновение изменилось. Это не мертвая рука, она снова стала живой. Теперь жизнь течет, потому что эти блоки исчезли. Теперь в руке нет гнева; любовь может течь легко, не отравленная, во всей своей чистоте. Ты можешь стать более чувствительным, уязвимым и открытым.

Если ты приходишь к пониманию со своим прошлым, внезапно ты будешь здесь и сейчас в настоящем, потому что нет необходимости двигаться туда снова и снова.

Меньше и меньше воспоминаний будет приходить с течением времени. Будут промежутки — ты хотел бы что-то пережить заново, но ничего не приходит, — и эти промежутки красивы. Тогда приходит день, когда ты не можешь больше двигаться назад, потому что все закончено. Когда ты не можешь двигаться назад, только тогда ты движешься вперед. Покончи с прошлым. И по мере того как ты становишься свободнее и свободнее от прошлого, гора начинает исчезать. И тогда ты начинаешь звучать в унисон: ты становишься, мало-помалу, одним целым.

Ах-Ахх!

Используй дыхание как осознание одновременно жизни и смерти.

Когда дыхание выходит наружу, оно ассоциируется со смертью. Когда дыхание входит вовнутрь, оно ассоциируется с жизнью. С каждым выходящим дыханием ты умираешь, и с каждым входящим дыханием, рождаешься заново. Жизнь и смерть не две вещи — отдельные, разделенные — они одно. И в каждом мгновении присутствуют они обе.

Поэтому помни: когда твое дыхание выходит наружу, чувствуй себя так, словно ты умираешь, не бойся.

Если ты боишься, дыхание будет потревожено. Прими это: выходящее дыхание — это смерть. Смерть красива; она приносит расслабление.

Каждый раз, когда ты расслаблен, ты говоришь: «Ахх», и дыхание выходит наружу. Почувствуй глубокое расслабление в выходящем дыхании. Когда дыхание входит, чувствуй: «Ах! В меня входит жизнь» — и ты рождаешься заново. Сделай это кругом: жизнь и смерть. Двигайся в это и осознавай это. Это глубокое очищение. С каждым выходящим дыханием умирай, с каждым входящим дыханием рождайся заново. Выходящее дыхание — это смерть. Умири, почувствуй, что умираешь. Входящее дыхание — это жизнь. Почувствуй, что рождаешься заново. Целый день, двадцать четыре часа — каждый раз, когда ты осознан, — помни это. Это совершенно изменит качество твоего ума.

Если выходящее дыхание становится смертью, и в каждое мгновение ты умираешь, что происходит? Твоя смерть означает, что ты умираешь для прошлого; старого человека больше нет. И если ты должен умирать в каждое мгновение, нет и будущего. В следующее мгновение — смерть, поэтому ты не можешь проецировать себя в будущее. Только этот миг, этот одинокий, крошечный миг остается с тобой. Даже в это самое мгновение тебе придется умереть и родиться заново.

Думай о концепции реинкарнации не в терминах жизни, но в терминах дыхания. В каждое мгновение ты будешь обновлен, переориентирован и освежен... снова ребенок, без бремени прошлого и без тревоги о будущем. Настоящее мгновение свободно от тревоги. Тревога создается только прошлым и будущим.

Итак, помни это. И не только помни — практикуй.

Исчезновение

Это одна из древнейших медитаций, которые все еще применяются в некоторых монастырях Тибета. Они учат тому, что иногда ты можешь просто исчезнуть.

Сидя в саду, просто начни чувствовать, что исчезаешь. Просто видь, как выглядит мир, когда ты ушел из мира, когда тебя больше здесь нет, и ты стал абсолютно прозрачным. Просто попытайся на несколько секунд не быть. В своем собственном доме будь так, словно тебя нет.

Просто подумай: однажды тебя не будет. Однажды тебя не станет, ты будешь мертв; радио будет продолжаться, жена будет готовить завтрак, и дети будут все так же готовиться к школе. Думай: сегодня тебя нет, и тебя просто нет. Стань привидением.

Просто сидя в кресле, исчезни. Просто подумай: «У меня больше нет реальности; меня нет». И видь, как продолжается дом. Будет безмерный покой и молчание. Все будет продолжаться точно так же, как есть. Без тебя все будет продолжаться точно так же, как есть. Ничего не будет не хватать. Тогда какой смысл всегда оставаться занятым, что-то делать и быть одержимым действием? Какой смысл? Тебя не станет, и все, что ты делаешь, исчезнет — словно ты расписался на песке, налетел ветер, и подпись исчезла, - все кончено. Будь так, словно ты никогда не существовал.

Это действительно красивая медитация. Ты можешь ее пробовать много раз за двадцать четыре часа. Хватит и доли секунды. На долю секунды просто остановись: тебя нет, и мир продолжается. Когда ты будешь становиться более и более бдительным к тому, что мир прекрасно продолжается, тогда ты сможешь научиться другой части своего существа, которой пренебрегал очень долго, многие жизни, — и это режим восприимчивости. Ты просто позволяешь и становишься дверью. Все происходит без тебя.

Именно это подразумевает Будда, когда говорит: «Стань плывущим по реке деревом. Теки с течением как дерево, и куда бы тебя ни принес поток, позволь ему; не прилагай никаких усилий».

Медитация «Ом»

Прежде чем ты заснешь сегодня ночью и каждой следующей ночью, прежде чем заснуть, выключи свет, сядь в постели, закрой глаза и выдохни глубоко ртом со звуком «О-оооо». Продолжай выдыхать со звуком «О» так глубоко, как только возможно. Твой живот втягивается, воздух движется наружу, и ты продолжаешь создавать звук «О». Помни, я не говорю «ом», я говорю просто «О». Это автоматически превратится в «Ом». Тебе не нужно этого делать; тогда это будет фальшивым. Ты просто создаешь звук «О». Когда он становится гармоничным, и ты наслаждаешься им, внезапно ты осознаешь, что он превратился в «ом», но не заставляй его стать «ом»; тогда он будет фальшивым. Когда этот звук спонтанно становится «ом», тогда это что-то, вибрирующее изнутри. И этот звук «ом» — глубочайший звук, самый гармоничный, самый основной.

Когда это происходит, и ты наслаждаешься и течешь в его музыке, все твое тело и мозг расслабляются. Со звуком «ом» ты будешь продолжать расслабляться, и у твоего сна будет другое качество, совершенно другое. И твой сон должен измениться, только тогда ты можешь стать более бдительным и осозанным.

Ночью выключи свет, сядь в постели и выдохни глубоко ртом со звуком «О». Когда ты полностью выдохнул и чувствуешь, что дальше выдыхать невозможно, и все дыхание вышло наружу, остановись на мгновение. Не вдыхай и не выдыхай — просто остановись. В этой остановке ты божествен. В этой остановке ты ничего не делаешь, даже не дышишь. В этой остановке ты в океане.

Просто оставайся в этой остановке на одно-единственное мгновение и будь свидетелем — просто смотри на то, что происходит. Осознавай, где ты: свидетельствуй всю ситуацию, которая есть в это единственное мгновение остановки. Времени больше нет, потому что время движется с дыханием; дыхание — это процесс времени. Поскольку ты дышишь, ты чувствуешь, что время движется. Когда ты не дышишь, ты похож на мертвого человека. Время остановилось, больше нигде нет никакого процесса. Все остановилось... словно все существование остановилось вместе с тобой. В этой остановке ты можешь осознать глубочайший источник своего существа и энергии. На единственное мгновение остановись. Затем вдохни через нос, но не делай никакого усилия, чтобы вдохнуть.

Помни, приложи все усилия, чтобы выдохнуть, но не прилагай никаких усилий, чтобы вдохнуть; просто позволь телу вдохнуть. Ты просто расслабляешь свою хватку и позволяешь телу совершить вдох. Ты ничего не делаешь. Это тоже красиво и творит чудеса. Ты выдохнул и на мгновение остановился; затем ты позволяешь телу вдохнуть. Ты не совершаешь никаких усилий, чтобы вдохнуть; ты просто наблюдаешь, как тело совершает вдох. И наблюдая, как тело совершает вдох, ты почувствуешь, что тебя окружает глубокое молчание, потому что тогда ты знаешь, что для жизни не нужно твоих усилий. Жизнь дышит сама. Она движется сама по себе, своим собственным чередом. Это река; ты толкаешь ее без необходимости. Ты увидишь, что тело совершает вдох. Твоих усилий не нужно, твоего эго не нужно — ты не нужен. Ты просто становишься наблюдателем; ты просто видишь, как тело совершает вдох. Почувствуется глубокое молчание. Когда тело совершило полный вдох, снова на мгновение остановись. Снова наблюдай.

Эти два мгновения — совершенно разные. Когда ты полностью выдохнул и остановился, эта остановка похожа на смерть. Когда ты полностью вдохнул и остановился, эта остановка — кульминация жизни. Это мгновение — мгновение жизни: кульминация энергии, силы, или биоэнергия в точке вершины. Чувствуй это, чувствуй то и другое. Именно поэтому я говорю останавливаться дважды: когда ты выдохнул — раз; когда ты вдохнул — два, чтобы ты мог почувствовать и жизнь, и смерть, чтобы ты мог наблюдать и жизнь, и смерть.

Как только ты знаешь: вот это жизнь, вот это смерть, ты трансцендировал то и другое. Свидетель — не жизнь и не смерть. Свидетель никогда не рождается и никогда не умирает; только тело, механизм. Ты стал третьим.

Жизнь и смерть

Ночью, прежде чем заснуть, сделай эту пятнадцатиминутную медитацию. Это медитация смерти.

Ляг и расслабь тело. Просто почувствуй, что умираешь и не можешь двигать телом, потому что умер. Просто создай чувство, что ты исчезаешь из тела. Делай это десять или пятнадцать минут, и в течение недели ты начнешь это чувствовать. Медитируя таким образом, засни. Не нарушай этого. Пусть медитация превратится в сон, и если сон охватит тебя, иди в него.

Утром, в то мгновение, когда ты чувствуешь, что проснулся, — не открывай глаза — сделай медитацию жизни. Чувствуй, что становишься более, всецело живым, что жизнь возвращается, и все тело полно жизненных сил и энергии. Начни двигаться, раскачиваться в постели с

закрытыми глазами. Просто чувствуй, что в тебе течет жизнь. Чувствуй, что в теле есть огромная текущая энергия — прямая противоположность медитации смерти. Таким образом, делай медитацию смерти ночью, прежде чем уснуть, и делай медитацию жизни утром, прежде чем встать.

В медитации жизни ты можешь глубоко вдыхать. Просто почувствуй себя полным энергии... с каждым вдохом входит жизнь. Чувствуй себя наполненным и очень счастливым, живым. Затем, через пятнадцать минут, встань.

Эти две медитации: медитация жизни и смерти — помогут тебе безмерно.

Опыт сущности вне тела

Полчаса каждый день концентрируйся на том, чтобы перенаправить жизненную силу во внутреннее существо. Если ты решишь нырнуть и утонуть в себе и отзовешь свои энергии снаружи, то достигнешь желаемого. Но это требует последовательной, ежедневной практики. Тогда ты найдешь, что твоя энергия или жизненная сила начинает двигаться вовнутрь. Ты почувствуешь себя так, словно физическое тело разжало хватку на тебе и совершенно отдельно от тебя.

Если ты следуешь этой технике непрерывно три месяца, то однажды найдешь, что тело лежит снаружи, отдельное от тебя. Это ты можешь видеть. Сначала это воспринимается изнутри, но после некоторой практики, немного набравшись храбрости, ты можешь вывести свой внутренний дух наружу и снаружи увидеть собственное тело лежащим вне тебя, совершенно отдельным от тебя.

Узнать тело изнутри — все равно, что узнать совершенно другой мир, мир, в котором мы никогда раньше не были, мир, о котором у нас никогда раньше не было ни знания, ни информации. Медицинская наука совершенно ничего не знает об этом внутреннем теле, и даже никогда не попытается его постичь.

Как только случается полная реализация этой внутренней сущности, отчетливой и отличной от внешнего тела, смерть перестает существовать. Когда смерти нет, человек может легко покинуть оболочку тела и видеть вещи как незаинтересованный зритель.

Медитация голубого света

Ночью, прежде чем лечь спать, ляг, выключи свет и начни чувствовать, что умираешь. Расслабь тело и почувствуй, что ты умираешь, настолько, что даже не можешь шевелить телом. Даже если ты хочешь двинуть рукой, то не можешь. Просто продолжай чувствовать, что умираешь, — четыре или пять минут чувства, что ты умираешь, умираешь, и что тело умерло.

Из этого пятиминутного опыта умирания ты вынесешь совершенно другое качество жизни. Тело почти мертво — это труп — но ты жив, более чем когда бы то ни было! И когда тело мертво, ум мало-помалу прекращает думать, потому что все мышление ассоциируется с жизнью. Когда ты умираешь, ум начинает отпадать. Через два или три месяца ты будешь способен умереть в течение пяти минут. Тело будет мертвым, а у тебя будет только чистая осознанность, светящаяся осознанность... что-то подобное голубому свету, вот и все. Ты почувствуешь голубой свет рядом с центром третьего глаза, небольшое голубое пламя. Это чистейшая форма жизни. И когда начинает чувствоваться это голубое пламя, просто усни.

Таким образом, вся твоя ночь будет трансформирована в медитацию смерти, и утром ты

почувствуешь себя таким живым, более живым, чем когда-либо раньше, — таким молодым, таким свежим и полным энергии, что можешь отдать ее всему миру. Ты почувствуешь себя таким блаженным, что сможешь благословить весь мир.

Эта медитация смерти позволит тебе осознать смерть как иллюзию. Ее на самом деле не происходит. Никто никогда не умирал, и никто не может на самом деле умереть. Так как мы слишком привязаны к телу, это кажется похожим на смерть. Так как мы думаем, что тело — это наша жизнь, мы считаем это ужасным.

Это одно из величайших приготовлений к смерти. Однажды придет смерть: прежде чем она придет, ты будешь готов, будешь готов умереть!

На плаву, в растворении, в «таковости»

Сядь один или вместе с другими таким образом, чтобы никто тебя не касался. Медленно закрой глаза, и пусть тело будет свободным. Расслабься полностью, чтобы в теле не оставалось вообще никакой жесткости и напряжения.

Теперь представь себе реку, текущую очень быстро, с огромной силой и звуком, между двумя горами. Наблюдай ее и нырни, но не плыви сам по себе. Пусть тело будет на плаву без всякого движения. Теперь ты движешься с рекой — просто на плаву. Некуда добираться, нет никакой точки назначения, поэтому нет речи о том, чтобы плыть. Чувствуй себя, словно сухой лист, без усилия остающийся в реке на плаву. Переживай это ясно, так, чтобы ты мог узнать, что подразумевается под тем, чтобы «сдаться», под тем, чтобы «отпустить».

Если ты понял, как быть на плаву, теперь открой, как умереть и раствориться полностью. Держи глаза закрытыми, пусть твое тело станет свободным и совершенно расслабленным.

Увидь горящий погребальный костер. Сложена груда дров, и они зажжены, и пламя погребального костра достигает неба. Помни еще одно: ты не наблюдаешь погребальный костер, ты в нем находишься. И все твои друзья и родственники стоят вокруг.

Лучше пережить это мгновение смерти сознательно, так как в тот или другой день она обязательно придет. Все выше и выше становятся языки пламени; чувствуй, что твое тело горит. Через короткое время огонь погаснет сам собой. Люди разойдутся, и кладбище опустеет и снова станет тихим. Почувствуй это, и ты увидишь, что все стихло, и не осталось ничего, кроме пепла. Ты растворился полностью.

Помни этот опыт растворенности, потому что медитация — это тоже своего рода смерть. Держи глаза закрытыми и расслабься полностью. Тебе не нужно ничего делать. Нет необходимости ничего делать. Прежде чем был ты, вещи были такими же, как есть, и будут такими же, даже когда ты умрешь.

Теперь почувствуй, что все, что происходит, происходит. Почувствуй «таковость» этого. Это так: это единственный путь. Нет другого возможного пути, так зачем сопротивляться? Под таковостью подразумевается: не сопротивляться. Нет никакого ожидания, что что-то должно быть не таким, как есть. Трава зеленая, небо голубое, волны океана режут, птицы поют, вороны каркают... С твоей стороны нет сопротивления, потому что жизнь такова. Внезапно происходит трансформация. То, что обычно считалось беспокойством, теперь кажется смягчающим. Ты не против ничего; ты счастлив со всем, как оно есть.

Таким образом, первое, что тебе пришлось сделать, — это оставаться на плаву, вместо того чтобы плыть в океане существования. Того, кто готов оставаться на плаву, — река сама готова отнести к океану. Если мы не сопротивляемся, сама жизнь приводит нас к тому, что за пределами жизни.

Во-вторых, ты должен был растворить себя, вместо того чтобы спастись от смерти. То, что мы хотим спасти, ожидает верная смерть, а то, что останется вечно, будет оставаться без всякого нашего усилия. Тот, кто готов умереть, будет способен открыть двери и приветствовать божественное. Но если ты удерживаешь двери закрытыми из страха смерти, ты это делаешь ценой того, что не достигаешь трансцендентального. Медитация означает — умереть.

Последнее, что ты должен пережить, — это «таковость». Только принятие и цветов, и шипов может принести покой. Покой, в конце концов, — это плод тотального принятия. Покой придет только к тому, кто готов принять даже отсутствие покоя.

Поэтому закрой глаза, позволь телу быть свободным и почувствуй, словно в теле нет жизни. Почувствуй, словно твое тело расслабляется. Продолжай это чувствовать, и через некоторое время ты узнаешь, что ты не хозяин тела. Каждая клетка и каждый нерв тела будут расслабленными — словно тела не существует. Оставь тело в покое, словно оно плывет по реке. Пусть река жизни несет тебя, куда ей заблагорассудится, и оставайся на плаву, как сухой лист.

Теперь почувствуй, что твое дыхание постепенно становится тихим, смолкает. Когда твое дыхание становится молчаливым, ты почувствуешь, что растворяешься. Ты почувствуешь себя так, словно ты на погребальном костре, и ты совершенно сожжен. Не осталось даже пепла.

Теперь почувствуй звуки пения птиц, лучи солнца, волны океана, и просто будь им свидетелем — восприимчивым и все же осознанным и наблюдающим. Тело расслаблено, дыхание смолкло, и ты в «таковости»; ты — просто свидетель всему этому.

Постепенно ты почувствуешь трансформацию внутри, и тогда внезапно что-то внутри наполнится молчанием. Ум станет молчаливым и пустым. Почувствуй это: будь свидетелем этому и переживай это. Река унесла твое остающееся на плаву тело, погребальный костер его сжег, и ты был этому свидетелем. В это *ничто* входит блаженство, которое мы называем божественностью.

Вздыхни медленно два или три раза, и с каждым вдохом ты будешь чувствовать свежесть, покой и блаженное удовольствие.

Теперь медленно открой глаза и вернись из медитации.

Эта техника Раманы Махарши — очень легкая. Он говорит только это: научись умирать. И научившись, ты найдешь, — во время твоей смерти, — что в тебе есть что-то, что не умирает. Сознание не умирает. Тело останется лежать, абсолютно безжизненное, но ты остаешься полностью бдительным, полностью живым внутри. Ты никогда не был таким живым, таким бдительным, потому что до сих пор ты был одним целым с телом; до сих пор на тебе был весь груз. Но теперь тело лежит мертвое, и нет совершенно никакого бремени. Теперь ты свободен лететь в небо.

Если ты тренируешься в том, чтобы умирать, несколько дней — даже короткое на время, каждый день, позволяя телу быть как мертвому, — ты достигнешь медитации. Ты должен помнить только одно — что тело теперь мертво, что теперь это только труп. Его нельзя потрясти или потревожить; труп не шевелится. Предположим, тебя кусает муравей. Что ты тогда будешь делать? Ты лежишь мертвый, и тебя кусает муравей. Ты должен только наблюдать это.

Если ты можешь лежать как мертвый, если ты можешь лежать абсолютно неподвижно какое-то время дня, внезапно однажды произойдет происшествие. Связь между тобой и телом будет разбита; сознание и тело отделятся друг от друга. Оставаясь отдельным и отстраненным, ты видишь тело рядом с собой. Тогда возникает бесконечная дистанция, и нет способа ее разрушить. Теперь смерти нет. Теперь ты познал смерть, и она исчезла навечно.

Эта техника очень полезна для того, чтобы взглянуть изнутри, и это трансформирует все твоё сознание и весь твой опыт — потому что, если ты можешь взглянуть изнутри, ты тотчас же становишься отличным от мира.

Эта ложная отождествленность — «Я есть тело» — существует лишь потому, что мы смотрели на наши тела снаружи. Если ты сможешь посмотреть изнутри, смотрящий будет другим. Как только ты знаешь, как двигаться, как только ты знаешь, что отделен от тела, ты освобожден от огромных оков. Теперь у тебя нет гравитационного притяжения; теперь у тебя нет ограничений. Теперь ты — абсолютная свобода. Ты можешь выйти из тела; ты можешь входить и выходить. И тогда твоё тело становится просто обиталищем.

***

Закрой глаза, видь своё внутреннее существо во всех подробностях и переходи внутри от конечности к конечности. Просто пойдёшь в пальцы ног. Забудь обо всем теле: двигайся в палец ноги. Останься там и осмотри. Затем двигайся по ногам, поднимись вверх и пройди по всем конечностям. Тогда случится много вещей. Случится многое.

Первая и внешняя часть этой техники состоит в том, чтобы смотреть на тело изнутри — из центра. Стой в нем и смотри. Ты будешь отдельным от тела, потому что смотрящий никогда не бывает тем, на что смотрят. Наблюдающий отличается от объекта наблюдения.

Если ты можешь видеть тело тотально снаружи, тогда ты никогда не можешь впасть в иллюзию того, что ты есть тело. Тогда ты будешь оставаться другим, совершенно другим: внутри него, но не оно, в теле, но не тело. Это первая часть. Тогда ты можешь двигаться; тогда ты свободен двигаться.

Как только ты освобожден от тела, освобожден от этой отождествленности, ты свободен двигаться. Теперь ты можешь переместиться в ум, глубоко внутри. Внутри есть девять бессознательных слоев, в которые ты можешь войти.

Это внутренняя пещера ума. Если ты войдешь в эту пещеру, то тогда станешь отдельным и от ума. Тогда ты увидишь, что ум — это тоже объект, на который ты можешь смотреть, и то, что входит в ум, — снова — отдельно и отлично. И в тело, и в ум нужно войти и посмотреть изнутри. Тогда ты просто свидетель, и в этого свидетеля проникнуть нельзя.

Достаточно одного проблеска, и все становится легко и просто. Тогда в одно мгновение ты можешь двигаться внутрь и наружу, входить и выходить, точно, какходишь в дом и выходишь из дома, внутрь и наружу.

Медитация выдоха

Каждый раз, когда Будда кого-то посвящал, прежде всего, он говорил ему просто пойти в место сожжения мертвых и наблюдать, как сгорает тело, мертвое тело. Три месяца этот человек не должен был делать ничего, кроме как сидеть там и наблюдать. И искатель приходил в место сожжения мертвых в деревне. Он оставался там три месяца, днем и ночью, и каждый раз, когда приносили мертвое тело, садился и медитировал. Он просто смотрел на мертвое тело; потом разводили огонь, и тело начинало гореть. Три месяца он постоянно оставался там и не делал больше ничего — просто смотрел, как сжигают мертвые тела.

Будда говорил:

— Не думай об этом. Иди и смотри на это.

Трудно было не прийти к мысли, что рано или поздно будет сожжено твое собственное тело. Три месяца — долгое время, и постоянно, днем и ночью, каждый раз, когда сжигали тело, искатель должен был медитировать. Рано или поздно он начинал видеть собственное тело на погребальном костре. Он начинал видеть себя в пламени.

Полезно будет, если ты хочешь делать эту технику, пойти в место сожжения мертвых. Наблюдай — если не три месяца, то хотя бы один раз — как сжигают тело. Наблюдай это, и тогда ты можешь легко делать эту технику сам по себе. Не думай: просто наблюдай это явление и наблюдай, что происходит.

Люди продолжают сжигать тела умерших родственников, но никогда не наблюдают. Они продолжают говорить о других вещах или обсуждают и беседуют о смерти. Они делают много вещей. Они говорят о многих вещах и сплетничают, но никогда не наблюдают. Из этого нужно сделать медитацию. Не должно быть позволено никаких разговоров, потому что это редкий опыт — увидеть кого-то, кого ты любил, сгорающим. Ты обязательно почувствуешь, что тоже сгораешь в этом пламени. Если ты видишь, как сжигают твою мать, или отца, или жену, или мужа, ты обязательно увидишь и себя в этом пламени. Этот опыт поможет тебе в этой технике.

Мы боимся смерти. На самом деле, ты боишься не смерти; это какой-то другой страх. Ты никогда на самом деле не жил — вот что создает страх смерти.

Если ты хочешь войти в эту технику, ты должен осознавать этот глубокий страх. Этот глубокий страх нужно отбросить и устранить, лишь тогда ты можешь войти в эту технику.

Это поможет: уделяй больше внимания выдоху. На самом деле, если ты можешь уделять все внимание выдоху и забыть о вдохе... Не бойся, что умрешь; ты не умрешь — тело вдохнет само. У тела есть собственная мудрость: если ты глубоко выдыхаешь, тело само совершит глубокий вдох. Тебе не нужно вмешиваться. Тогда очень глубокое расслабление распространится по твоему сознанию. Весь день ты будешь расслаблен, и будет создано внутреннее молчание.

Ты можешь углубить это чувство еще более, если сделаешь другой эксперимент. Всего пятнадцать минут в день глубоко выдыхай. Сядь на стул или на землю и глубоко выдохни. Выдыхая, закрой глаза. Когда воздух выходит, тыходишь вовнутрь. Затем позволь телу вдохнуть и, когда воздух войдет, открой глаза и выйди наружу. Одно противоположно другому: когда воздух выходит, тыходишь; когда воздух входит, ты выходишь.

Когда ты выдыхаешь, внутри создается пространство, потому что дыхание есть жизнь. Когда ты выдыхаешь, как только возможно глубоко, - ты пуст; жизнь вышла. В определенном смысле ты мертв, на мгновение ты мертв. В этом молчании смерти войди вовнутрь. Воздух движется наружу: закрой глаза и двигайся вовнутрь. Есть пространство, и тебе легко двигаться.

Помни, что когда ты вдыхаешь, двигаться внутри очень трудно, потому что там нет места, чтобы двигаться. Выдыхая, ты можешь двигаться внутри. Когда воздух входит, ты выходишь; открой глаза и двигайся наружу. Создай ритм между этими двумя состояниями. Через пятнадцать минут ты почувствуешь себя глубоко расслабленным и будешь готов делать эту технику.

Прежде чем делать эту технику, делай это пятнадцать минут, чтобы ты был готов — не только готов, но и приветствовал ее, был восприимчивым. Страх смерти нет, потому что теперь смерть кажется расслаблением, смерть кажется глубоким отдыхом. Смерть кажется не врагом жизни, но самим ее источником и самой ее энергией. Жизнь подобна ряби на лице озера, а смерть — самому озеру. Когда ряби нет, есть озеро. И озеро может существовать без ряби, но рябь не может существовать без озера. Жизнь не может существовать без смерти. Смерть не может существовать без жизни, потому что это сам ее источник. Теперь ты можешь делать эту технику.

Сожжение тела

Просто ляг. Сначала представь себе самого себя мертвым; тело точно как труп. Ляг и перенеси внимание в пальцы ног. С закрытыми глазами двигайся вовнутрь. Принеси все внимание в пальцы ног и почувствуй, что из них вверх поднимается огонь; все горит. Когда огонь поднимается, тело исчезает. Начни с пальцев ног и двигайся вверх.

Зачем начинать с пальцев ног? Это будет легче, потому что пальцы ног находятся очень далеко от твоего «я», от твоего эго. Эго живет в голове. Ты не можешь начинать с головы; это будет очень трудно, поэтому начни с самой дальней точки. Пальцы ног — это самая дальняя от эго точка. Начни ощущать огонь оттуда. Почувствуй, что пальцы ног сгорают, остается только пепел, и затем двигайся постепенно, сжигая все, с чем сталкивается огонь. Часть за частью — ноги, бедра — всё исчезает.

Просто продолжай видеть, что они становятся пеплом. Огонь поднимается вверх, и частей тела, по которым он проходил, больше нет. Они стали пеплом. Двигайся вверх, и, в конце концов, исчезнет голова. Все стало... пыль упала в пыль... пока тело не сгорело дотла, — но не ты. Ты остаешься только наблюдателем на холме. Есть тело, — мертвое, сожженное, пепел, — но ты остаешься наблюдателем, свидетелем. У свидетеля нет эго.

Эта техника очень хороша для того, чтобы достигнуть состояния без эго. Это просто метод, чтобы отделить тебя от тела, просто создать промежуток между тобой и телом, просто несколько движений, чтобы быть вне тела. Если ты можешь это сделать, тогда ты можешь оставаться в теле и не быть телом. Ты можешь продолжать жить так же, как и раньше, но больше не будешь прежним.

На эту технику потребуется, по меньшей мере, три месяца. Продолжай ее делать. Этого не случится за один день, но если ты будешь продолжать это делать один час каждый день, - через три месяца, однажды, твое воображение поможет, и будет создан промежуток. Ты на самом деле увидишь, что тело сгорело дотла. Тогда ты можешь наблюдать.

Эта техника кажется простой, но она может произвести глубокую мутацию. Но сначала иди и медитируй в ехат, в место кремации, чтобы увидеть, как чье-то тело сгорает, как тело снова превращается в пыль — это вообразить будет очень легко. Тогда начни с пальцев ног и продвигайся очень медленно.

Прежде чем делать эту технику, уделяй больше внимания выдоху. Прямо перед тем, как войти в эту технику, пятнадцать минут выдыхай и закрывай глаза; позволь телу вдохнуть и открывай глаза. Пятнадцать минут чувствуй глубокое расслабление, потом войди в это.

Сожжение мира

Если ты можешь делать предыдущую медитацию, следующая будет очень легкой. Если ты можешь прийти к тому, чтобы вообразить, что твое тело сгорает, нетрудно вообразить, что сгорает весь мир, потому что твое тело - и есть мир, и через тело ты связан с миром.

На самом деле, только для тела ты связан с миром, мир — это продолжение тела. Если ты можешь подумать и вообразить, что твое тело сгорает, не будет никакой трудности в том, чтобы сделать это со всем миром.

Но если ты чувствуешь, что поначалу первое очень трудно, ты можешь начать со второго. Второе очень легко, если ты можешь делать первое. На самом деле, нет никакой необходимости делать второе, если ты можешь делать первое. Вместе с телом все исчезает автоматически. Но

ты можешь сделать непосредственно и второе, если первое слишком трудно.

Я говорю начать с пальцев ног, потому что они очень далеко от головы, от этого, но тебе, может быть, не захочется начинать даже с пальцев ног. Тогда отодвинься еще дальше: начни с мира, и тогда двигайся ближе и ближе к самому себе. Начни с мира и постепенно подходи ближе. И когда весь мир будет просто гореть, тебе будет легко сгореть во всем этом горящем мире.

Если ты можешь видеть, что весь мир горит, ты поднялся над человеческим и стал сверхчеловеческим. Ты пришел к знанию того, что такое сверхчеловеческое сознание. Ты можешь это вообразить, но нужна тренировка воображения. Наше воображение не очень тренировано. Оно очень неразвито, потому что не проходит никакой школы. Развивается интеллект; для этого есть школы и колледжи, и большая часть жизни проходит в тренировке интеллекта. Воображение не развивается. В воображении есть чудесное собственное измерение. Если ты сможешь развить воображение, то сможешь творить с его помощью чудеса.

Начни с небольших вещей, потому что к более трудным вещам сразу перепрыгнуть трудно, и ты можешь потерпеть поражение. Например: это воображение, что мир горит, — оно не может пойти очень глубоко. Поначалу ты знаешь, что это воображение, и даже если в воображении ты думаешь, что пламя всюду вокруг, ты будешь чувствовать, что мир не сгорел, что он все еще есть, потому что это только твое воображение. Ты не, знаешь, как воображение может стать реальным. Сначала ты должен это почувствовать.

Попробуй простой эксперимент, прежде чем войти в эту технику. Просто сомкни ладони, закрой глаза и представь, что не можешь их разомкнуть. Они умерли. Они замкнуты, и ты не можешь ничего сделать, чтобы их разомкнуть. Поначалу ты будешь чувствовать, что это только воображение, и ты можешь их разомкнуть, если захочешь. Но десять минут продолжай думать, что не можешь их разомкнуть, не можешь ничего сделать, что твои руки разомкнуть нельзя. Затем, через десять минут, попытайся их разомкнуть.

Четыре человека из десяти, или сорок процентов, тут же добьются успеха: через десять минут они не смогут разомкнуть руки. То, что было только воображением, стало реальным. Как бы они ни бились... чем больше они бьются над тем, чтобы разомкнуть руки, тем это труднее. Ты покрываешься потом. Ты видишь свои руки и не можешь их разомкнуть! Они замкнуты.

Но не пугайся. Просто снова закрой глаза и снова вообрази, что теперь ты можешь их разомкнуть; только тогда ты сможешь их разомкнуть. Сорок процентов людей тут же добьются успеха. Эти сорок процентов очень легко могут двигаться в эту технику; у них не будет никаких проблем.

Для оставшихся шестидесяти процентов это будет немного труднее и потребует времени. Развей немного воображение, и тогда эта техника будет очень полезна.

Часть четвёртая:

Время прощания: Прозрения для тех, кто остаётся на этом берегу

Если вы сможете трансформировать смерть в момент празднования, то тем самым поможете другу, матери, отцу, брату, жене или мужу. Вы дадите им величайший подарок, который только возможен в существовании.

Великое откровение

Момент смерти кого-то, кого ты глубоко любил, приводит тебе на ум твою собственную смерть. Момент смерти — это великое откровение. Она заставляет тебя чувствовать бессильным и беспомощным. Она заставляет тебя чувствовать, что тебя нет. Иллюзия существа исчезает.

Каждый будет потрясен — потому что ты видишь, что земля под ногами внезапно исчезла. Ты ничего не можешь сделать. Умирает кто-то, кого ты любишь: ты хотел бы даже отдать свою жизнь, но не можешь. Ничего нельзя сделать; человек просто ждет в глубокой беспомощности.

Этот момент может сделать тебя подавленным. Этот момент может или сделать тебя грустным, или отправить в великое путешествие за истиной — великое путешествие в поиски. Что такое эта жизнь? Если приходит смерть и отнимает ее, что такое эта жизнь? Какой смысл она в себе несет, если человек так бессилён против смерти? И помни: каждый лежит на смертном одре. После рождения каждый остается на смертном одре. Другого пути нет. Все одры — это одры смерти, потому что только одно определено после рождения — и это смерть.

Кто-то умирает сегодня, кто-то завтра, кто-то послезавтра: какая, по сути, разница? Время не может иметь большого значения. Время может только создавать иллюзию жизни, но жизнь, которая кончается смертью, не может быть настоящей жизнью. Должно быть, это сон.

Жизнь подлинна, только когда она вечна. Иначе, какая разница между сном и тем, что вы называете жизнью? Ночью, в глубоком сне, сон кажется реальным, выглядит реальным — даже более реальным, чем то, что вы видите с открытыми глазами. К утру он уходит, и от него не остается и следа. К утру, когда ты просыпаешься, ты видишь, что это был сон, а не реальность. Этот сон жизни продолжается несколько лет; затем внезапно человек просыпается, и вся жизнь оказывается сном.

Смерть — это великое откровение. Если бы смерти не было, не было бы и религии. Именно из-за смерти существует религия. Именно из-за смерти рождается Будда. Все будды рождаются благодаря осознанию смерти.

***

Когда ты приходишь и садишься рядом с умирающим, пусть тебе будет жаль самого себя. Ты в той же лодке, в таком же положении.

Смерть может постучаться к тебе в двери в любой день. Будь готов. Прежде чем постучит смерть, вернись домой. Ты не должен быть пойман посредине; иначе вся жизнь исчезнет, как сон, и ты останешься в ужасной бедности, внутренней бедности.

Жизнь, настоящая жизнь, никогда не умирает. Кто тогда умирает? Умираешь ты. Умирает «я», умирает эго. Эго — это часть смерти; не жизнь. Поэтому, если ты можешь быть лишенным эго, тогда для тебя смерти нет. Если ты можешь отбросить эго сознательно, ты победил смерть. Если ты действительно осознан, ты можешь ее отбросить в один прием. Если ты не настолько осознан, тебе придется отбрасывать ее постепенно. Это зависит от тебя. Но одно определено: эго должно быть отброшено. С исчезновением эго исчезает смерть. С исчезновением эго отбрасывается и смерть.

Пусть тебе не будет, чрезмерно жаль умирающего человека, пусть тебе будет жаль себя. Пусть смерть окружит тебя. Почувствуй ее вкус. Почувствуй себя беспомощным, бессильным. Кто чувствует себя беспомощным и бессильным? Эго — потому что ты не видишь, что можешь что-нибудь сделать. Тебе хотелось бы помочь, но ты не можешь. Ты хотел бы, чтобы он или она

жили, но ничего сделать нельзя.

Прочувствуй это бессилие как можно более глубоко, и из этого бессилия возникнет определенная осознанность, молитвенность и медитация. Используй смерть этого человека — это возможность. Используй все, как возможность.

Будь рядом с ним или с ней. Сиди в молчании и медитируй. Пусть их смерть станет тебе указателем, чтобы ты не продолжал тратить впустую свою жизнь. То же самое случится и с тобой.

***

Если вы сможете трансформировать смерть в момент празднования, то тем самым поможете другу, матери, отцу, брату, жене или мужу. Вы даете им величайший подарок, который только возможен в существовании. И рядом со смертью это очень легко. Ребенок даже не беспокоится о жизни и смерти; его это не заботит. Молодой человек гораздо более вовлечен в биологические игры, в амбиции, в то, чтобы стать богаче, в то, чтобы добиться больше власти и престижа; у него нет времени, чтобы задаваться вечными вопросами.

Но в мгновение смерти, как раз перед смертью это случится с тобой, если у тебя нет никаких амбиций. Богат ты или беден, не имеет значения; преступник ты или святой, не имеет значения. Смерть уводит тебя за пределы всех дискриминаций жизни и глупых игр жизни.

Вместо того чтобы помогать в этом людям, этот прекрасный момент разрушают. Это самое драгоценное в человеческой жизни. Даже если человек прожил сто лет, это самый драгоценный момент. Но люди начинают плакать, рыдать, выражать сочувствие, говорить: «Это очень безвременно; этого не должно случиться». Или они начинают утешать этого человека, говоря: «Не беспокойся, врачи говорят, что ты будешь спасен».

Все это глупость. Даже доктора играют роль в этих глупостях. Они не говорят человеку, что пришла его смерть. Они избегают этой темы; они продолжают давать надежду. Они говорят: «Не беспокойся, ты будешь спасен», — прекрасно зная, что этот человек умрет. Они дают ложное утешение, не зная, что в этот момент человеку нужно позволить полностью осознать смерть — так остро и безупречно осознать, чтобы было пережито чистое сознание. Этот момент становится моментом великой победы. Тогда для этого человека смерти нет, есть только вечная жизнь.

Оставаясь рядом

Когда приходит смерть, вы должны быть к ней очень уважительными, потому что смерть — не обычное явление, это самое незаурядное явление в мире. Ничто более не таинственно, чем смерть. Смерть достигает самого центра существования, и когда человек умирает, ты движешься на священную почву. Это самый святой из всех возможных моментов. Люди неуважительны.

Вы должны оставаться в молчании. Если вы можете быть в молчании, когда приходит смерть, внезапно вы сможете увидеть многие вещи, потому что смерть — это не просто то, что человек перестает дышать. Происходит многое. Когда человек умирает, его аура начинает убывать. Если ты в молчании, то можешь это почувствовать — энергетическая сила, поле жизненной энергии отступает, возвращается в центр.

Когда ребенок рождается, происходит прямо противоположное. Когда ребенок рождается, аура начинает распространяться; она начинается у пупка. Точно как когда ты бросаешь камешек в озеро, начинается рябь — волны распространяются и распространяются. Когда ребенок рождается, дыхание распространяется, как круги волн на озере. Когда ребенок начинает дышать, это ударяет в центр у его пупка. Первый камень брошен в тихое озеро, и по воде начинают расходиться круги.

Жизнь продолжает распространяться. Примерно к тридцати пяти годам - аура завершается, достигает кульминации. Затем она начинает убывать. Когда человек умирает, она возвращается обратно в пупок. Когда она достигает пупка, она становится концентрированной энергией, или концентрированным светом. Если ты в молчании, ты можешь это почувствовать, почувствовать притяжение. Если ты сидишь рядом с умершим человеком, ты почувствуешь, словно дует едва уловимый ветерок в направлении мертвого человека, и тебя притягивает. Мертвый человек сжимает всю свою жизнь, все «поле», которым он был.

Многие вещи происходят вокруг мертвого человека. Если он кого-то любил очень глубоко, это означает, что он дал часть своей жизненной энергии этому человеку, и когда человек умирает, тотчас же часть, которую он дал другому, покидает этого человека и движется обратно к умершему. Если ты умираешь здесь, а твой возлюбленный живет в Гонконге, что-то тут же покинет твоего возлюбленного — потому что ты отдал ему часть своей жизни, и эта часть возвращается к тебе. Именно поэтому, когда любимый умирает, ты чувствуешь, что что-то покинуло и тебя; что-то в тебе тоже умерло. Теперь будет существовать глубокая рана, глубокий пустой пробел.

Каждый раз, когда умирает любящий, что-то в возлюбленном тоже умирает, потому что они были глубоко вовлечены друг в друга. И если ты любил многих, — например, если умирает такой человек, как Будда, — из всей вселенной энергия движется обратно в центр. Это вселенское явление, потому что он был вовлечен во многие, многие жизни, миллионы жизней, и отовсюду его энергия будет возвращаться назад. Вибрации, которые он дал многим, их покинут. Они будут двигаться в первоначальный источник; они снова станут сконцентрированными у пупка.

Если ты наблюдаешь, то почувствуешь рябь, возвращающуюся в обратном порядке, и когда волны полностью концентрируются у пупка, ты можешь увидеть огромную энергию, огромную световую силу. Затем этот центр покидает тело. Когда человек «умирает», это просто остановка дыхания, а ты думаешь, что он умер. Он не умер; на это требуется время. Иногда, если человек был вовлечен в миллионы жизней, чтобы он умер, потребуется много дней. Именно поэтому, когда умирают святые, мудрецы, особенно на Востоке, мы никогда не сжигаем их тела.

Только святых не сжигают; обычно всех остальных сжигают, потому что другие в них не так

вовлечены. Через несколько минут энергия собирается, и они прекращают быть частью существования.

Когда происходит смерть, будьте в молчании. Наблюдайте!

Во всем мире, где бы то ни было, чтобы воздать дань уважения умершему человеку, вы приходите в молчание, остаетесь в молчании две минуты — сами не зная, почему. Эта традиция продолжается во всем мире. Почему молчание? Эта традиция осмысленна. Вы можете не знать, почему, можете не осознавать, и ваше молчание может быть наполненным внутренней болтовней, или вы можете делать это просто как ритуал — это зависит от вас. Но в нем есть секрет. Это не то мгновение, в которое нужно говорить о смерти, это мгновение, с которым нужно быть.

Даже в смерти незнакомца умираешь ты сам.

Каждый раз, когда есть смерть, подойди ближе, вовлекись, позволь ее, и пусть она случится с тобой. Когда умирает твой отец, когда его дыхание становится затрудненным, почувствуй его и будь с ним в эмпатии. Чувствуй, что чувствует он, стань им, и пусть смерть случится и с тобой. Ты будешь безмерно обогащен. Ты будешь благодарен отцу за его жизнь и за его смерть. Он дал тебе так много, когда был жив, и дал так много, даже когда умер.

Когда умирает твоя женщина, когда умирает твой мужчина, будь рядом. Чувствуй биение сердца умирающего друга, любимого или возлюбленной. Пусть этот опыт станет и твоим опытом. Мало-помалу, узнавая смерть во многих ее аспектах, ты придешь к осознанию того, что это друг, не враг; великий отдых и расслабление. Смерть не против жизни. Только благодаря смерти возможна жизнь. Без смерти жизнь не была бы возможной.

Когда цветок розы исчезает вечером и его лепестки опадают, сиди рядом и медитируй. Чувствуй себя так, словно ты — цветок, и опадают твои лепестки. Рано утром, когда восходит солнце и звезды исчезают, почувствуй, что исчезаешь со звездами. И когда восходит солнце, и капли росы начинают исчезать в траве, почувствуй, что исчезаешь вместе с каплями росы. Чувствуй смерть всеми возможными путями. Стань великим опытом смерти.

Ответы на вопросы

Я только что услышал, что у моего отца рак, и что ему еще не сказали, что, может быть, ему осталось жить недолго. Как ты считаешь, лучше ли человеку об этом знать или нет?

Психологи пришли к ощущению — и то же самое чувствуют медицинские доктора — что человек доживает до семидесяти лет не потому, что в его жизни есть какая-то граница, но потому, что тысячи лет ему говорили, что человеческая жизнь длится семьдесят лет. Это самогипноз: семьдесят лет - библейская идея. Со времен Библии повторялось, что человек живет семьдесят лет; семьдесят лет — это закон. Поэтому к тому времени, как человеку исполняется пятьдесят лет, он начинает думать, что приближается смерть. К тому времени, как ему шестьдесят, он чувствует: «Теперь я уже на грани»; и к тому времени, как ему семьдесят, он готов. Это повторение идеи. Постоянно повторяемая тысячи лет, она стала огромной силой — это самогипноз — и человек умирает. Современные исследования показывают, что нет никакой необходимости в том, чтобы человек умирал в семьдесят лет; фактически, жизни человека нет предела. Он может жить сто пятьдесят лет, двести лет или больше, если этот самогипноз разрушить.

Поэтому лучше сказать ему правду. Это может разрушить этот его образец жизни и изменить его образ жизни.

Я слышал об одном человеке, который должен был умереть; врачи дали ему предел в шесть месяцев. Он был очень богатым человеком, но очень скупым, и он никогда не жил. Он всегда думал о том, чтобы заниматься любовью с этой женщиной, купить эту машину, но никогда этого не делал; он продолжал ездить на старом Форде. Он был действительно скрягой: о каждом центе он думал тысячу и один раз. Но теперь через шесть месяцев он должен был умереть, и он подумал: «Что мне делать?»

Он заказал всю красивую одежду, которую только было можно, — скроенную на заказ. Он купил все красивые машины, которые было можно, — не одну, все. И он начал влюбляться в каждую женщину, которую только мог найти. Он всегда хотел совершить кругосветное путешествие, и вот он отправился в кругосветное путешествие. Он взял все, что хотел, и начал радоваться жизни.

Он забыл о предупреждении, потому что через шесть месяцев должен был умереть... и у него было достаточно денег. И через шесть месяцев, когда он вернулся из кругосветного путешествия, рак прошел.

Доктора были озадачены. Они сказали:

— Никаких следов рака! Что случилось? Что ты сделал?

Он сказал:

— Я ничего не сделал — это вы сделали! В эти шесть месяцев я впервые начал жить.

Эта жизнь впервые разрушила его стресс — он расслабился. Он поехал в Гималаи, он поехал в Швейцарию; он посетил все красивые места. Теперь не было смысла ни в чем себе отказывать; он потакал себе во всем. Приближалась смерть. Может быть, она придет через шесть месяцев; если он будет слишком потакать себе, она может прийти через три месяца, ну и что? Пусть приходит, только бы прожить этот день! Его спираль развернулась — его энергии начали течь, его блоки исчезли...

Убеди докторов сообщить ему эту новость. Это совершенно несправедливо — человек должен быть информированным. Это такая большая вещь в жизни; это нельзя удерживать в

тайне. Его смерть — это его смерть; он должен о ней знать.

Мой брат умирает, но никто в этой семье не хочет даже говорить об этом, особенно с ним. Я думаю, он должен это знать, но никто ему не сказал. Что я могу сделать для него?

Если ты сможешь делать медитацию гудения, это его очень расслабит. Просто покажи ему, делай ее с ним, и делай с такой силой, как только можешь, и тогда он откликнется очень глубоко. Он будет наслаждаться ею, лежа в постели и ожидая смерти.

На Западе люди делают во время смерти абсолютно абсурдные вещи. Во-первых, они не позволяют человеку знать, что он умирает. Это абсолютно глупо, потому что тогда он будет оставаться постоянно встревоженным жизнью, потому что думает, что будет продолжать жить, и все притворяются, что он будет продолжать жить. Найди тихий момент, когда никого больше рядом нет, и скажи ему эту новость. Это может быть шоком, но это будет хорошо, потому что, как только человек знает, что умрет, тотчас же его интерес к этому миру теряется — тотчас же.

Просто подумай об этом. Как только ты знаешь, что умрешь через несколько дней, тотчас же этот мир: деньги, банк, бизнес, это и то — становятся бесполезными. Теперь все — не более чем сон, и ты уже на грани пробуждения. Как только ты говоришь человеку, что он умрет через некоторое время, и это определено, этот человек уже умер в определенном смысле, и он начинает думать о будущем. Тогда возможна медитация.

Если ты ему скажешь, что он будет жить, и все в порядке, и все врачи в больнице и родственники будут притворяться и улыбаться, ты обманешь этого человека, и он будет продолжать цепляться за вещи, которые бесполезны, тщетны и абсурдны. Как только он знает, что умрет, он отбрасывает все абсурдное сам. Тотчас же все его видение претерпевает трансформацию. Он больше не здесь: он начал смотреть в будущее, потому что, когда человек отправляется в путешествие, он начинает к нему готовиться.

Если ты должен завтра уехать, ты начнешь паковать свою одежду; ты больше не беспокоишься об этой комнате в гостинице. Фактически, ты уже не здесь; ты уже складываешь вещи в чемоданы и думаешь о путешествии. То же самое происходит с человеком, когда ты говоришь ему, что он умрет, что смерть определена, и ее нельзя избежать, и что он не должен продолжать валять дурака; наступил решающий момент, и он уже потратил впустую достаточную часть жизни... тотчас же этот человек поворачивается спиной к миру и начинает вглядываться в темноту будущего.

В это мгновение, если ты расскажешь ему о медитации, он будет готов это делать — и это может быть одним из величайших подарков.

Моя бабушка умирает, и я хочу спросить, - как ей помочь. Ей восемьдесят два года, и большую часть времени она очень напугана и взвинчена.

Просто научи ее небольшой медитации: наблюдать за дыханием. Когда она лежит в постели, просто сядь рядом с ней и положи руку ей на голову. Стань очень тихим и медитативным. Медитация заразительна: если ты действительно медитативен, это можно передать. Сядь рядом с ней, стань совершенно молчаливым, положи руку ей на голову и объясни ей, что она должна просто наблюдать за дыханием — входящее дыхание, выходящее дыхание. Скажи ей, что если она может наблюдать это входящее и выходящее дыхание, она осознает, что она не тело, и что она и не это дыхание. Она — тот, кто наблюдает, и этот наблюдатель никогда не умирает; он бессмертен.

В то мгновение, когда мы знаем своего свидетеля, мы бессмертны.

Самый лучший и короткий способ его узнать — наблюдать за дыханием, потому что дыхание — это мост, который соединяет тело и душу. Если ты наблюдаешь дыхание, ты уже на другом берегу. Наблюдение дыхания означает, что ты наблюдаешь мост — мост, соединяющий тебя с телом. Тело остается далеко позади. Между тобой и телом — дыхание, и ты наблюдаешь это дыхание. Так как ты наблюдаешь, ты отделен от него. Ты можешь что-то наблюдать, только если отделен от этого.

Таким образом, в эти последние несколько дней ты можешь помочь ей наблюдать, и это будет величайшим подарком, который ты можешь ей дать, прежде чем она уйдет, потому что тогда она может уйти в полном молчании, в абсолютном спокойствии и собранности — и это настоящий способ умереть.

Большинство людей не умеет жить, и есть лишь очень немногие люди, которые умеют умирать. Это величайшее искусство, потому что это кульминация жизни.

Если ты упускаешь смерть, значит, ты упускаешь и всю жизнь. Ты будешь снова брошен в новое чрево матери, потому что тебе придется этому научиться и снова пройти через весь процесс. Ты потерпел поражение, и тебе придется вернуться в тот же класс на второй год — пока не сдашь экзамен. Единственный способ сдать экзамен — умереть таким центрированным, таким бдительным и мирным, чтобы никогда больше не было никакого страха. Этого нельзя сделать, просто набравшись смелости, нет. Этого нельзя сделать, нет способа этого сделать. Пока ты не знаешь, что в тебе есть что-то бессмертное, сделать это невозможно. И это бессмертное есть всегда; это — твое свидетельствующее сознание.

Поэтому просто иди и помогай ей каждый день. Каждый раз, когда, она готова — утром или вечером, — сядь рядом с ней на несколько минут, и когда ты кладешь руку ей на голову, также наблюдай и свое дыхание. На самом деле делай то, что хочешь, чтобы делала она; только тогда это можно передать. Твоя медитативность может перетечь на ее существо.

Мой партнер умирает от опухоли мозга, но он все еще в сознании. Есть ли что-нибудь, что я могу для него сделать?

Помоги ему умереть медитативно. Медитация — это мост между жизнью и смертью. Она имеет огромную ценность, пока человек жив, и также имеет огромную ценность, когда он умирает. Если человек медитирует, пока жив, это позволяет ему оставаться спокойным и непривязанным; ты остаешься в центре циклона. Когда человек умирает, циклон находится в вершине. Если человек все еще центрирован, тогда ему не будет необходимости снова рождаться; цель жизни осуществлена. Вот эта цель: вся жизнь — это возможность либо отвлечься, либо оставаться центрированным и не отвлекаться. Жизнь — это великий вызов остаться непоколебленным. Встревожившись, ты терпишь поражение. Оставаясь непоколебленной, ты выигрываешь и добиваешься победы. Тогда последнее испытание — смерть.

Поэтому походи и помоги ему быть в молчании. Включи музыку — классическая музыка очень поможет — и скажи ему слушать музыку. Скажи ему просто наблюдать за дыханием. Скажи ему расслабиться и не бороться со смертью, потому что смерть тоже божественна.

Западный ум не умеет расслабляться. Он прекрасно умеет бороться; это воин, который продолжает бороться до самого конца. Даже со смертью он продолжает бороться. Когда нет возможности победить, даже тогда продолжают старые привычки. Скажи ему расслабиться. Скажи ему позволить смерти завладеть им. Скажи ему пригласить смерть; скажи ему думать о смерти не как о враге, но как о друге.

Будь такой счастливой, какой только можешь, рядом с ним; это единственный способ

попрощаться с кем-то, кто умирает. Люди делают прямо противоположное: вокруг умирающего они становятся очень серьезными, печальными, приходят в отчаяние. Они создают атмосферу темноты. Человеку нужно немного света. Человек отправляется в долгое путешествие — ему нужно, чтобы люди устроили ему небольшое прощальное празднование. Но люди делают это очень тяжелым. Они думают, что ведут себя дружески и сочувственно, но делают его путешествие гораздо более трудным.

Видя их печаль, он становится печальнее. Он начинает больше цепляться за жизнь, начинает отчаянно бороться со смертью, думая, что если все так печально, смерть, наверное, что-то очень плохое. Ни люди вокруг него не знают, что такое смерть, ни он сам. Это не лучший способ попрощаться.

Пусть будет музыка, пусть будут свет и смех. Пой песни, будь любящей и помоги ему почувствовать, что он движется в другого рода жизнь, смерть — это только дверь. Только старая одежда выбрасывается, и у него будет новая одежда. Если он сможет уйти смеясь, ты действительно поможешь ему. Будь рядом с ним и помоги ему, как только можешь.

Моя жена очень больна: врачи не уверены, что она выживет. Я чувствую полную беспомощность и не знаю, что делать.

Смерть, когда она оказывается рядом, или когда человек чувствует ее рядом, — это великая возможность быть любящим.

Когда мы думаем, что другой человек будет жить, мы скупы в любви, потому что можем любить завтра или послезавтра; и ум всегда откладывает на потом. Ум боится любви, потому что любовь — это слишком, и ум не может ее контролировать. Любовь ошеломляет его, любовь создает хаос, а ум всегда пытается создать порядок. Поэтому ум продолжает откладывать любовь на потом.

Но когда человек начинает чувствовать рядом смерть — а смерть всегда рядом; каждый может умереть в любое мгновение... Но когда чувствуется, что кто-то серьезно болен — этот человек, может быть, не умрет, но когда мы начинаем чувствовать тень смерти — тогда нет возможности откладывать. Любовь должна случиться прямо сейчас, потому что мы не можем думать даже о следующем мгновении. В следующее мгновение ее может не стать, и будущего нет.

Когда будущего нет, ум не может продолжать тебя контролировать. Ум может контролировать только будущее, путем откладывания. Он говорит: «Завтра. Обожди — позволь мне в данный момент сделать все по-своему; завтра ты сможешь делать другие вещи. Есть завтра, зачем так торопиться?» Но когда завтра нет, и внезапно ты чувствуешь, что падает занавес, ум не может больше обманывать тебя.

Эти мгновения могут стать безмерным откровением.

Будь любящим! Все, что у нас есть, — это любовь.

Все остальное несущественно, потому что все остальное снаружи; только любовь исходит изнутри. Все остальное — мы можем дать деньги, вещи и подарки... мы не принесли их с собой; мы собрали их здесь. Мы пришли обнаженными, но полными любви. Мы пришли пустыми от всего остального, но полными любви, переполненными любовью. И когда мы отдаем от нашей любви, только тогда мы действительно отдаем. Это подарок, настоящий подарок, и его можно дать, только когда рядом стоит смерть. Поэтому не упускай эту возможность.

Она может выжить, но и тогда ты выучишь урок безмерной важности. Тогда не забывай этот урок, потому что никому не нужно серьезно болеть, чтобы умереть! Человек может умереть просто от сердечного приступа, в любое мгновение. Поэтому никогда не откладывай любовь;

можешь откладывать что угодно, но только не любовь. И человек, который никогда не откладывает любовь, становится любовью, а стать любовью — значит познать божественное.

Смерть — это великая возможность. Она отбрасывает тебя обратно к твоему источнику любви. Будь рядом с ней и изливай на нее свою энергию любви. Если она умрет, она умрет в великом пространстве любви; если она выживет, она выживет как новое существо. И то, и другое очень хорошо. Смерть не имеет значения, все, что имеет значение, — это любовь.

Поэтому будь любящим. Если она уйдет, она уйдет в великой любви; а когда есть любовь, смерти нет. Кто заботится о смерти? Человек может умереть, смеясь! Если человек знает, что он любим, он может встретить смерть с великим празднованием. Если она умрет, она умрет в безмерном покое. Если она выживет, она будет новым человеком; она впервые будет знать твое сердце.

Моя мать была больна тридцать пять лет, и последние семь дней находится в коме. Она часто говорила, что хочет умереть, но теперь, кажется, она может висеть между жизнью и смертью вечно. Я хотел бы что-нибудь для нее сделать, чтобы ей не нужно было здесь больше оставаться.

Просто возьми за правило каждый вечер, прежде чем заснуть, пять минут молиться за нее. Молись о ее смерти, не о том, чтобы она пережила других. Молись, чтобы она покинула тело. Хватит, значит хватит. Молись, чтобы она была освобождена из тела; для нее нет необходимости оставаться дольше.

Расслабься в отношении твоей матери; хорошо, что она умирает. Иногда жизнь хороша, иногда хороша смерть. Ничто не хорошо само по себе; во всем есть глубина. Поэтому помоги ей уйти. Каждый вечер просто помогай ей уйти.

Наши привязанности к телу так глубоки, что даже если оно болеет, и сознательно мы хотим умереть, то бессознательно мы цепляемся. Тело готово умереть, цепляется только ум. Она может говорить, что хочет умереть, но это только поверхностно. Глубоко внутри она хочет жить. Глубоко внутри она продолжает надеяться вопреки всей надежде. Может быть, что-то случится, и она снова будет здорова: она снова сможет ходить. Кто знает? — может быть, изобретут какое-то чудесное лекарство. Человек продолжает надеяться.

Особенно, человек, который был болен тридцать пять лет, который не жил, естественно, цепляется за жизнь больше. Это парадокс: обычно мы думаем, что человек, который болел тридцать пять лет или был парализован четырнадцать лет, хочет умереть, но это неправильное рассуждение. Желание умереть случается естественно, только когда человек прожил всю свою жизнь, когда он жил так глубоко, что плод готов и созрел, чтобы упасть. Но она не жила.

Ей шестьдесят восемь лет, но мы должны вычесть из ее жизни тридцать пять лет. Она прожила только тридцать лет, и это тоже теперь как сон, где-то в прошлом. Может быть, она начала забывать даже это и вообще сомневаться в том, что когда-нибудь была жива. Потому что, если ты не жил, ты цепляешься больше.

В прошедшие два месяца я заботился о моей сестре, которая умирала от рака в больнице. Мне удалось дать ей любовь и физическую заботу, но я чувствую, что потерпел поражение в том, чтобы познакомить ее с медитацией; она отказалась смотреть в лицо смерти. Для меня загадочным было то, что после всех страданий, которые она, должно быть, перенесла, в последний момент на ее лице начала расти широкая улыбка.

Этот твой вопрос затрагивает что-то очень значительное, и вот что это: если случайно — и

я объясню, что подразумеваю под «случайностью» — если случайно кто-то умирает в большом страдании, таком как рак, страдание рака не позволяет человеку впасть в бессознательность.

Поэтому прямо перед смертью, когда тело отделяется от души, случается невероятный опыт, который бывает только у мистиков, у медитирующих. Для них это не случайность, они готовились к нему. Их медитация — не что иное, как попытка разотождествиться с телом.

Медитация действительно готовит их к смерти, и они могут умереть, не теряя сознания; обычно человек умирает в бессознательности. Поэтому человек не знает, что был отделен от тела, что не умер. Единственная связь между ним и телом исчезла, и его сознание так тонко, что отделение тела от души разрывает эту тонкую нить сознания.

Но медитирующий много раз сознательно переживает такое же состояние, когда стоит снаружи, в стороне от собственного тела. Другими словами, медитирующий много раз переживает смерть сознательно, и когда приходит смерть, это не новый опыт. Медитирующий всегда умирает, смеясь.

Ты пытался научить сестру медитации. Но это трудно, потому что, когда человек испытывает такое страдание, все твои разговоры кажутся ерундой. Но когда она действительно умерла, за мгновение до этого, когда случилось отделение, наверное, она осознала: «Боже мой, я думала, что я — тело, и что это было мое страдание. Страдание было только моей отождествленностью!» Теперь — разделение, нить разорвана, — и она улыбнулась.

Конечно, ты был, должно быть, озадачен тем, что произошло, потому что она боролась со смертью, боролась со страданием и не слушала тебя, и не совершала никаких усилий, чтобы научиться медитации. Все же она умерла в очень медитативном состоянии. Это произошло случайно.

Самое важное в жизни — это узнать, что ты не тело. Это дает тебе великую свободу от боли и страдания. Дело не в том, что страдание исчезнет, не в том, что не будет никакой боли или рака. Они будут, но ты не будешь с ними отождествлен. Ты будешь просто наблюдателем. И если ты можешь наблюдать собственное тело так, словно это тело кого-то другого, ты достиг чего-то безмерно важного. Твоя жизнь не была тщетной. Ты выучил урок, величайший урок из всех возможных для человеческого существа.

Мой единственный подход состоит в том, что медитация должна быть обязательным предметом для каждого студента и для каждого пенсионера. Должны быть университеты и колледжи, обучающие медитации. В каждой больнице должно быть отделение специально для тех, кто скоро умрет. Прежде чем они умрут, они должны иметь возможность научиться медитации. Тогда миллионы людей могут умирать со смехом на лицах, с радостью. Тогда смерть — просто свобода, свобода от клетки, которую вы называли телом.

Ты — не тело. Именно это твоя сестра поняла в последний момент. Наверное, она улыбнулась собственному пониманию, наверное, она улыбнулась тому, что сопротивлялась смерти. Наверное, она улыбнулась тому, что не хотела учиться медитации. Ее улыбка содержит многие напряжения, и я могу понять, что ты был озадачен.

Не забывай этого. Ее улыбка может стать безмерно важным опытом для тебя. Она дала тебе подарок, бесценный подарок. Она не смогла сказать ни слова, не было достаточно времени, но ее улыбка сказала все.

Есть истории о мистиках, которые, может быть, объяснят тебе разницу между случайным и преднамеренно привитым. Улыбка твоей сестры была случайной; она не была к ней подготовлена. Но нет необходимости в том, чтобы надеяться на случайность. Ты можешь к этому подготовиться.

Великий дзэнский монах объявил своим ученикам:

— Сегодня я умру. Не мешайте мне.

Они сказали:

— Кто тебе мешает? Но это странно!.. Никто так не объявляет о своей смерти, ни с того, ни с сего. Ты говорил обо всех возможных великих вещах, и вот вдруг говоришь, что умрешь!

Он сказал:

— Я устал. Не докучайте мне. Именно поэтому я говорю: не мешайте. Вы должны сделать только одно: предложить мне способ.

Ученики сказали:

— Но какой способ мы можем предложить? Если хочешь умереть, умри.

— Я не хочу умирать обычным способом, — сказал он.

— Что значит, обычным?

— Обычным способом, значит, лежа в постели. Девяносто девять и девять десятых процента людей выбирают такой способ. Это их выбор. Я не хочу принадлежать к этой толпе. Просто подумайте немного и предложите какую-нибудь оригинальную идею, потому что я не буду умирать каждый день — только один раз! Абсолютно правильным будет умереть оригинальным образом. Я жил оригинально; почему я должен умирать, как все остальные?

Ученики оказались в затруднении. Какой оригинальный способ? Кто-то предложил:

— Ты можешь умереть сидя; люди умирают лежа. Он сказал:

— Это не очень оригинально. Прежде всего, нет большой разницы между тем, чтобы сидеть и лежать; более того, многие святые умерли, сидя в позе лотоса. Я не буду этого делать. Неужели вы, не можете ничего предложить... а еще притворяетесь моими учениками!

— Мы никогда не думали, что ты задашь такой вопрос, — сказали они.

Кто-то сказал:

— Если ты считаешь, что сидеть, не очень оригинально, умри стоя.

— Это немного лучше, — сказал он. Но один из них возразил:

— Я слышал о другом святом, который умер стоя. Старый святой сказал:

— Все еще более усложняется; этот человек разрушил и эту возможность. Подумай еще. Предложи что-нибудь другое, потому что ты разрушил идею о том, чтобы умереть стоя; ты сказал, что это не оригинально.

— Оригинальным способом будет умереть, стоя на голове, — ответил ученик.

Монах сказал:

— Я так рад, что среди моих учеников есть оригинальный мыслитель! Я сделаю, что смогу!

И он умер, стоя на голове!

Теперь ученики были в растерянности и не знали, что им делать, потому что во всех ритуалах принимается как должное, что человек должен лежать в постели. Это было беспрецедентно. Теперь первым делом его нужно положить в постель, а он бы сопротивлялся, он бы рассердился. Он был такой человек, что даже после смерти мог их наказать или опять начать говорить:

— Перестаньте... Вы снова делаете все обычным. Кто-то предложил:

— Вот что будет лучше всего: в соседнем монастыре живет его сестра — она старше его — и лучше всего будет позвать ее. В любом случае, мы должны ей сообщить, что ее брат умер. Пусть она предложит, что делать.

Сестра пришла, и она оказалась настоящей сестрой этого человека. Она сказала:

— Идиот! Всю жизнь ты создавал проблемы, ничего не делая, как надо. Так не делают. Встань сейчас же и ляг в постель как положено!

И история говорит, что мертвец встал и лег в постель. Сестра сказала:

— А теперь закрой глаза и умри.

И она не осталась, она ушла! Для людей медитации, жизнь — это игра, как и смерть.

Когда сестра ушла, святой открыл глаза и осведомился:

— Ушла эта стерва? Она всегда меня мучила... только потому, что она всего на три года меня старше. Но теперь все бессмысленно... Я умру обычным способом.

Он закрыл глаза и умер.

Теперь ученикам было еще труднее решить, действительно он умер или нет. И они пытались его щипать, открывали ему глаза:

— Ты еще здесь, или умер? — но он действительно умер. Они ждали, чтобы не было никакой спешки, просто чтобы дать ему полчаса: может быть, он снова откроет глаза. Но старик ушел.

Это способ, которым должен умереть медитирующий, — с радостью, игриво, не принимая вещи всерьез. Жизнь — это игра, и смерть должна быть еще большей игрой.

Я присутствовал, когда умирал отец моего друга. Он сказал нам:

— Я чувствую себя так, словно у меня два тела: одно больное, а другое совершенно здоровое.

Мы ему сказали, что здоровое тело — это настоящий он, и пусть он с ним остается. Тогда он закрыл глаза, и вся энергия вокруг больничной постели изменилась. Мы не могли поверить в эту новую энергию. Позднее он мирно умер.

Я был тронут тем, что увидел в момент смерти кого-то, кто был так готов отпустить все, с таким доверием, ясностью и покоем.

Опыт, который ты пережил, всегда возможен, когда кто-то умирает. Все, что нужно, это немного бдительности. Этот умирающий человек был осознан, и самой небольшой осознанности достаточно для этого опыта.

В момент смерти физическое тело и духовное тело начинают отделяться друг от друга. Обычно они так вовлечены друг в друга, что ты не чувствуешь их отделённости. Но в момент смерти, прямо перед тем, как случается смерть, оба тела начинают разотождествляться друг с другом. Теперь их пути расходятся; физическое тело возвращается к физическим элементам, а духовное продолжает дальнейшее паломничество, к новому рождению, в новую форму, в новое чрево матери.

Если человек немного бдителен, он может это увидеть сам, и поскольку вы ему сказали, что он — более здоровое тело, а тело, которое больно и умирает, — не он... В эти мгновения доверять очень легко, потому что это происходит у этого человека прямо на глазах. Он не может отождествиться с телом, которое разваливается на части, и он может тут же осознать тот факт, что он — более здоровое тело, более глубокое тело.

Это был хороший шаг, сказать ему: «Ты более здоровое тело». Вторым шагом надо было бы сказать ему:

— Ты — свидетель обоих тел. Тело, которое умирает, — физическое, а тело, которое ты чувствуешь как здоровое, — психологическое. Но кто *ты* тогда? Ты можешь видеть и то, и другое тело; несомненно, ты должен быть третьим, ты не можешь быть ни одним из них.

Если бы вы сказали этому человеку:

— Хорошо, что ты совершил первый шаг; ты вышел из физического тела. Но теперь ты отождествился с психологическим телом. Ты — даже не оно; ты — только осознанность, чистое сознание и восприятие...

Если бы вы помогли этому человеку понять, что он ни это тело, ни то, но нечто бестелесное, бесформенное, чистое сознание, тогда его смерть была бы совершенно другим явлением.

Вы увидели перемену энергии; вы увидели бы еще одну перемену энергии. Вы видели, что нисходит молчание; вы увидели бы также и музыку, определенный танец энергии,

определенный аромат, наполняющий все пространство. И лицо этого человека показало бы другое явление — ауру света.

Если бы он совершил также и второй шаг, тогда его смерть была бы последней смертью. В тибетском Бардо это называется «великой смертью», потому что теперь он больше не будет рождаться в другую форму, в другую тюрьму; теперь он будет оставаться в вечном, в океаническом сознании, которое наполняет всю вселенную.

Поэтому помните: это может случиться со многими из вас. Может быть, вы будете с другом или родственником, с матерью или отцом. Пока они умирают, помогите им осознать две вещи: во-первых, они не физическое тело — и это очень просто осознать умирающему. Во-вторых, — это немного труднее, но если человек способен осознать первое, есть возможность и второго осознания, — что они даже не второе тело; они за пределами обоих тел. Ты — чистая свобода и чистое сознание.

Если бы он совершил второй шаг, тогда вы увидели бы, что вокруг него происходит чудо — что-то... не просто молчание, но что-то более живое, что-то принадлежащее вечности, бессмертию. Все вы, кто присутствовал там, были бы ошеломлены благодарностью, и эта смерть была бы не временем скорби, но стала бы моментом празднования.

Недавно я был с одним человеком всего за несколько часов до его смерти, и все же в комнате было то, что я могу описать только как очень сильную энергию. Что происходит вокруг умирающего человека?

В то мгновение, когда человек умирает, высвобождается вся его энергия. Если ты восприимчив, ты это почувствуешь. Если ты доступен, открыт, то почувствуешь, что уровень энергии поднимается. Это зависит от многих вещей — что за человек умирает, и какого рода энергия у него была. Если он был человеком гнева и насилия, тогда лучше не быть рядом с ним, потому что весь его подавленный гнев и подавленное насилие будут высвобождены, и ты можешь напрасно пострадать оттого, что вся эта энергия входит в тебя. Это очень естественно, потому что, когда кто-то умирает или умер, ты автоматически приходишь в молчание рядом с ним или с ней — никто не производит никакого шума, никто не разговаривает. Смерть — это такое таинственное явление, и каждый приходит в шок.

Поэтому первое — это осознавать, какой человек умирает. Если этот человек был любящим человеком, сострадательным, добрым, всегда готовым помочь и поделиться всем, что у него есть, тогда быть рядом с ним и сидеть в молчании тебе очень поможет. Когда он уходит, эти энергии будут излучаться вокруг него. Но если он был сексуально подавлен, склонен к насилию или другого рода преступности, лучше к нему не подходить, потому что все, что он собирал в жизни, будет высвобождено. Он движется в новый дом, и вся его старая мебель останется в старом доме. Он не может взять с собой старую мебель; она будет рассеяна вокруг него.

Из-за этого факта в Индии три великие религии: индуизм, джайнизм и буддизм — решили, что тело мертвого человека нужно как можно быстрее сжечь, чтобы оно не излучало напрасно ничего вредного для окружающих. А большая часть людей подавляет уродливые вещи. Поэтому в Индии только святых не сжигают; это исключение. Их тела держат в самадхи — в определенного рода могиле, чтобы их тела продолжали излучать многие годы, иногда сотни лет. Но тела обычных людей немедленно сжигают, как можно быстрее.

Другие религии мира решили не сжигать тел, но класть их в могилу. Это опасно. Это означает, что вы складываете накопленный гнев, ненависть, сексуальность и убийство — все возможные энергии будут излучаться из их могил, которые вы можете поймать. Они заразительны.

На Востоке каждый раз, когда умирает человек, достигший самого себя, он заранее объявляет, что собирается умереть, чтобы все его ученики пришли и разделили его энергию — его последний подарок. Он хочет умереть среди своих собственных людей, своих собственных учеников, которые понимают его и будут к нему восприимчивы. Он изливает на них все сокровище своей жизни и красивых чувств.

В том, что касается человека, который умирает или умер, нужно быть очень наблюдательным.

Есть древняя притча. Человек умирал. У него было четыре сына, и все они собрались вокруг него. Он сказал старшему из них:

— Подойди ко мне поближе, я хочу передать тебе послание.

Но он не подошел. Хотя и умирая, старик разозлился и сказал:

— Я всегда знал, что ты ни на что не годишься; ты не можешь даже принять последние слова умирающего, а я твой отец.

Но молодой человек остался на месте, как замороженная статуя; он не двинулся с места.

Старик попросил второго сына; тот не двинулся с места. Он попросил третьего; тот не пошевелился. Но четвертый был очень молод и подошел к нему, и старик прошептал ему на ухо:

— Все эти трое предатели; они предали меня. Хотя бы ты будь мне верен. Сделай одну вещь. Когда я умру, разруби мое тело на части, брось части в дом соседа и сообщи полиции.

— Но почему? — спросил мальчик.

— Просто чтобы дать покой моей душе, — сказал старик. — Видя, что все они в наручниках идут в полицейский участок, моя душа почувствует больше покоя, чем когда-либо раньше.

Эти три сына прекрасно знали своего отца. Всю жизнь он боролся. Весь день он проводил в суде. Вся его жизнь была не более чем борьбой. Они боялись слушать его последнее слово, потому что это могло быть что-то опасное, и нельзя отказать умирающему в его последнем желании.

Когда он умер, они все спросили молодого человека, что он сказал. Молодой человек сказал:

— Я понятия не имел, что наш отец — такой человек. Я не могу этого сделать. Но его душа будет очень страдать.

Эта древняя притча символизирует: чем человек был в своей жизни, будет накоплено в ее конце, в самом конце. Энергия сама по себе естественна, но какую форму она примет, это зависит от человека, от его личности и действий всей его жизни.

Беннетт вспоминает в своей биографии, что после второй мировой войны он так устал — он воевал на войне, — что почувствовал себя на грани смерти. Он захотел увидеть Георгия Гурджиева, своего мастера, в последний раз, по крайней мере, прежде чем умереть. И он приехал в Париж, чтобы с ним встретиться.

Он вошел в его комнату, и Гурджиев сказал:

— Что с вами случилось, Беннетт? Вы так бледны, словно собираетесь умереть. Вы пришли вовремя. Просто подойдите ко мне.

Он взял его за руки и пристально посмотрел ему в глаза. Через две минуты Беннетт почувствовал огромный прилив энергии. Но это было только одной стороной. В то же самое время он увидел, что Гурджиев побледнел, и ему стало страшно, что он делает. Он остановил его, сказал:

— Остановитесь! Я в полном порядке. Гурджиев сказал:

— Не беспокойтесь обо мне.

Как-то ему удалось дойти до ванной и закрыть дверь. Через десять минут он вышел; он был в полном порядке.

Беннетт вспоминает: «Я никогда не думал, что энергию можно передавать таким простым способом».

Если кто-то умирает, с кем ты близко связан: отец, мать, жена, муж, ребенок или друг — тебе хотелось бы что-то сделать, чтобы принять в этом участие... Этот человек умирает, а ты жив — ты можешь сидеть рядом с этим человеком; ты можешь положить руку ему на сердце, или взять его за руки, или просто быть в молчании и покое. Твои покой и молчание будут переданы, сообщены. Если ты можешь помочь человеку умереть в мире и молчании, ты совершил прекрасный и добродетельный поступок. Ты можешь чувствовать себя немного слабым, усталым или истощенным, но это ничто; лишь немного отдыха, и ты будешь в полном порядке.

Таким образом, со своей стороны ты можешь помочь умирающему человеку перейти на лучший план жизни, но для этого ты должен быть в молчании, и ты должен быть в покое. Тогда ты на высшем плане, и энергия может течь.

Энергия течет таким же образом, что и вода, — вниз. Она не может течь вверх. Поэтому помни: в обоих случаях произойдет обмен энергии. Если человек определенно злого характера, лучше его избегать. Ты не сможешь ему помочь; напротив, он может помочь тебе — дать тебе что-то дьявольское, посеять какие-то семена в твоём сердце и существе. Лучше его избегать. Но если человек хороший и никому не причинил никакого вреда... самое главное, если ты любишь этого человека, если у тебя есть какое-то чувство к этому человеку, тогда ты можешь влить в него энергию. Пришло время, и это последний шанс; у тебя больше не будет возможности дать ему подарок.

Не может быть лучшего подарка, чем этот, потому что этот подарок может изменить все его будущее путешествие. Если он умрет в покое и молчании, он родится на более высоком плане. Но ты должен быть очень осторожным. Не пытайся сидеть в медитации и помогать Адольфу Гитлеру — не пытайся. Это за пределами твоих возможностей. Ты не можешь дать ему энергию; он даст энергию тебе — и это будет гораздо легче, если ты будешь в молчании и мире.

Человек должен быть очень осторожным с умирающими, потому что многое может случиться между вами. Это может повлиять и на его будущую жизнь, и на твою будущую жизнь, если только ты не настолько осознан, что ничто не может на тебя повлиять. Тогда проблемы нет; тогда ты можешь сидеть в полной осознанности рядом с Адольфом Гитлером. Он не сможет никаким образом тебе повредить. Может быть, ты сможешь ему немного помочь.

Каковы взаимоотношения между любовью и ответственностью? Моя мать много лет живет в доме для престарелых, и она может умереть в любой момент. Я чувствую, что мне следовало бы проводить с ней больше времени, но с другой стороны, это чувствуется как такое большое бремя.

Нет никаких отношений между любовью и ответственностью, потому что любовь и есть ответственность.

Но это слово нужно правильно понять, понять, что оно означает.

Я настаиваю на коренном значении этого слова. Ответственность означает способность отвечать. Это не значит «долг». Ответственность — иди в коренное значение этого слова — означает быть отвечающим. Любовь — это отклик! Когда другой зовет, ты готов. Когда другой приглашает тебя, тыходишь в другого. Когда другой не приглашает тебя, ты не вмешиваешься и не вторгаешься. Когда другой поет, ты поешь в ответ. Когда другой дает тебе руку, ты берешь ее в глубоком отклике.

Ответственность означает эту открытость и готовность ответить. Кто-то зовет тебя, и ты не отвечаешь, ты остаешься закрытым. Кто-то хочет тебя любить, но ты не помогаешь, не

сотрудничаешь; вместо этого ты создаешь для любви барьеры.

Но в твоём смысле, в любви нет ответственности. Это слово было развращено, отравлено и разрушено. Мать говорит ребёнку: «Я твоя мать; ты должен быть за меня ответственным». Муж говорит: «Я твой муж, и я тяжело работаю ради тебя; ты должна быть за меня ответственной». Отец говорит сыну: «Не будь безответственным! Каждый раз, когда ты что-то делаешь, думай обо мне». Это не ответственность. Вы развратили красивое слово; оно стало уродливым. Ответственность стала почти синонимичной долгу, а долг — уродливое слово.

Любовь красива. Если ты любишь мать, люби её, но это не может быть долгом. Если ты это делаешь из чувства долга, лучше не люби, потому что долг не принесет ей удовлетворения. И если ты выполняешь долг, потому что она твоя мать и родила тебя, и тебе ничего другого не остаётся: ты должен о ней заботиться, должен с ней сидеть, когда она больна... Тогда все время, — если это долг, — твой ум против неё. Ты чувствуешь себя задушенным; ты чувствуешь, что это бремя и оковы. Тебе хочется взбунтоваться и воспротивиться. Если мать умирает, ты можешь этого никому не говорить, но ты почувствуешь облегчение.

Что это за ответственность? — когда мать умирает, а сын чувствует глубокое облегчение? Конечно, он плачет и рыдает. И не потому, что просто хочет показать другим, что плачет и рыдает; фактически, если бы ты любил мать, может быть, не было бы никаких слез. Но ты не любил мать; теперь возможность упущена. Ты никогда не любил мать, и теперь её больше нет! Отсюда слезы, отсюда столько рыданий и плача.

Это патологично, это не здорово. Если бы ты действительно любил мать, о чем тогда плакать и рыдать? Её больше нет. Тебя окружает глубокое молчание. В этом глубоком молчании ты начинаешь понимать смерть и начинаешь осознавать собственную смерть.

Когда умирает мать или отец, это указание, что тебе тоже придется умереть; тогда ты становишься вовлеченным в смерть. Попытайся это понять.

Когда твоя мать была жива, она помогала тебе понять жизнь. Теперь, когда её нет, она открыла другую дверь, дверь смерти, в которую ты можешь заглянуть, потому что её не стало, и ты должен за ней последовать. Если ты кого-то любил, когда этот человек умирает, ты не чувствуешь облегчения — но и не плачешь и не рыдаешь. В глубоком молчании ты принимаешь этот факт, во всей своей беспомощности, и любовь продолжается — потому что любовь не кончается с телом, любовь не кончается с умом. Любовь продолжает течь.

Нет, не спрашивай, какие отношения между любовью и ответственностью — никаких. Когда любви нет, входит вопрос об ответственности. Когда любви нет, ты начинаешь говорить о долге. Когда любовь есть, любовь сама по себе становится ответственностью.

Как быть, что делать с чувствами, когда любимый умирает?

Смерть случилась, твой любимый умер. Не двигайся в мышление. Не вноси в это упанишад, гит и библий. Не спрашивай христов и будд. Оставь их в покое. Вот смерть: посмотри ей в лицо, столкнись с ней. Будь с этой ситуацией тотально. Не думай о ней. Что ты можешь думать? Ты можешь только повторять старый вздор. Смерть — это такое новое явление; она так неизвестна, и твоё знание ничем тебе не поможет.

Отложи ум в сторону. Будь в глубокой медитации со смертью.

Ничего не делай, потому что... — что ты можешь сделать, что может помочь? Ты не знаешь. Поэтому будь в неведении. Не вноси ложного знания, заимствованного знания. Смерть есть; будь с ней. Столкнись со смертью в тотальном присутствии. Не двигайся в мышление, потому что тогда ты бежишь от ситуации, прекращаешь присутствовать здесь. Не думай. Присутствуй в смерти.

Будет грусть, будет горе, на тебе будет тяжелое бремя — позволь ему быть. Это часть... — часть жизни и часть зрелости, часть осознания высочайшего и предельного. Оставайся с ней, тотально присутствующей. Это будет медитацией, и ты придешь к глубокому пониманию смерти. Тогда сама смерть становится вечной жизнью.

Но не вноси ум и знание. Оставайся со смертью; тогда смерть откроется тебе, тогда ты узнаешь, что такое смерть. Ты будешь двигаться в ее внутренние чертоги. Тогда смерть приведет тебя к самому центру жизни, — потому что смерть является самим центром жизни. Она не против жизни, это сам процесс жизни, но ум вносит то противоречие, что жизнь и смерть противоположны друг другу. Тогда ты продолжаешь думать, и из-за того — эта противоположность ложна в самом своем корне — никогда не можешь прийти ни к какому заключению, которое было бы истинно и реально.

Каждый раз, когда есть прожитая проблема, будь с этой проблемой без ума — именно это я подразумеваю под медитацией — и, просто оставаясь с этой проблемой, реши ее. И если ты действительно присутствуешь в смерти, она никогда с тобой не случится, потому что тогда ты узнаешь, что такое смерть.

Мы никогда этого не делаем... — никогда не с любовью, никогда не со смертью, никогда не позволяя ничего, что подлинно, реально... Мы всегда движемся в мыслях, а мысли вызывают искажения. Они — заимствованные, не твои собственные. Они не могут тебя освободить. Только истина, твоя собственная истина может стать для тебя освобождением.

Смерть кажется такой бесчувственной и приводит в депрессию. После всех этих лет работы над собой и попыток понять, что такое жизнь, я так и не могу этого постичь. Сейчас очень близкая подруга находится в коме, и врачи говорят, что она умрет. И я не знаю, чувствовать ли мне гнев на нее, на врачей или на самого себя.

Единственная проблема состоит в том, что ты продолжаешь от себя слишком много ожидать. Почему человек не может просто быть, таким как есть? Если ты не понимаешь, ты не понимаешь. Зачем эти постоянные попытки что-то сделать, кем-то стать или быть кем-то, кем ты не являешься?

Вот единственное возможное понимание: человек принимает себя таким, как есть. Что еще ты можешь сделать? Все это усилие во имя роста — не что иное, как путешествие эго. Ты будешь снова и снова разочаровываться и в каждом кризисе возвращаться к точке, где почувствуешь, что ничего не случилось. Но почему, прежде всего, что-то должно было случиться?

Все проблемы создает ожидание того, чтобы что-то случилось. Почему что-то должно случиться? И какой смысл этого ожидать? Ты будешь продолжать заставлять что-то случаться и планировать, как это сделать; тогда ты будешь напряженным. И когда ничего не случается, ты создашь ложную видимость, что что-то случилось, потому что человек не может жить в постоянном несчастье. Чтобы скрыть это несчастье, человек создает маску понимания. Но снова и снова эта маска будет разбита. Каждый раз, когда возникает настоящая проблема, ты увидишь, что стоишь обнаженным, и маска не помогает.

Поэтому вот на чем я настаиваю: прими эту ситуацию, и ты найдешь, что оказался внутри. Из нее нет выхода. Именно это и есть понимание — принятие того, какой ты есть. Дело не в том, что ты растешь. Просто вдруг ты видишь, что ничего не нужно. Тогда все эти ситуации могут быть полезными; они снова возвращают тебя в реальность.

Кризис — это благословение; он снова и снова возвращает тебя обратно на землю. Иначе ты начинаешь двигаться в фантазию.

Все остальные друзья говорят о том, в каком она, наверное, прекрасном пространстве, и как мирно она выглядит в своей коме. Я тоже могу это говорить, но на самом деле не знаю, действительно ли это правда.

Нет, говорить ничего не нужно. Если другие это говорят, может быть, они правы; может быть, они так чувствуют. Но тебе нет необходимости в том, чтобы чувствовать то же самое. Ты не такая, как они. И нет необходимости в том, чтобы они чувствовали себя точно так же как ты, поэтому не думай, что они просто притворяются. Они могут быть правы. Проблема не у них, проблема у тебя.

Только одно нужно понять: ты именно такой, как есть, и ещё, - что ты ничего не понимаешь. Прими это непонимание. Ты борешься с ним; именно поэтому ты чувствуешь депрессию. Чувствуя себя невежественным, ничего не понимающим, глупцом, идиотом — прими это! Почему ты должен стремиться быть кладезем мудрости или кем-то в этом роде? Тогда проблема исчезает, потому что она создавалась глубоким непринятием. Так или иначе, ты продолжаешь тонкими путями себя отвергать.

Вопрос не в том, что ты говоришь о твоей подруге, — суть совершенно не в этом. Все, что ты говоришь обо всех остальных, говорит, по сути, о тебе самом, и каждая ситуация — твоя собственная ситуация. В прекрасном она пространстве или нет, твоя проблема не в этом; ты не имеешь с этим ничего общего. И как ты можешь решить, в прекрасном ли она пространстве? Одно определено — что, в каком бы пространстве ни был ты сам, ты продолжаешь создавать себе трудности. Перестань бороться с самим собой. Просто увидь, что это бессмысленно. Если ты не понимаешь, значит, ты не понимаешь. Что можно сделать? Прими это, и проблема исчезнет.

Это точка, в которой начинается рост: в принятии, не в борьбе. Это не попытка кем-то стать. Это расслабление в том, кто ты уже есть. Тогда ты не будешь в депрессии; ты можешь чувствовать себя беспомощным, но не в депрессии. А беспомощность — прекрасное чувство, потому что вся молитва возникает из беспомощности. Беспомощность — прекрасное чувство, потому что это состояние не-эго. Ты чувствуешь себя беспомощным, чувствуешь, что ничего не можешь сделать. Кто-то умирает: ты любил этого человека и не можешь ничего сделать. Безмерно беспомощный, бессильный... — да, это красиво. Ты понимаешь, что все эго вздорно; оно бесполезно, и, из него, ты ничего не можешь сделать. Ты не можешь даже помочь человеку, который умирает, — что тогда ты вообще можешь?

Если ты думаешь в терминах эго, это становится депрессией. Тогда тебе хочется стать более сильным, более понимающим и получить больше власти, чтобы в следующий раз, когда кто-то попадет в беду, и ты чувствуешь, что им больно, ты мог им помочь. Именно это ты делаешь. Тогда ты чувствуешь депрессию оттого, что все еще не дорос до этого.

Если ты чувствуешь себя беспомощным, просто склонись в глубокой беспомощности. Сядь рядом с другом и скажи: «Я беспомощен, и ничего нельзя сделать». В этой беспомощности ты увидишь не только, что беспомощен ты сам, но и то, что беспомощно все человечество. В этой беспомощности ты увидишь, что все эго ложны. Внезапно эго становятся абсолютно несущественным. И в этой скромности ты исчезаешь. Возникает что-то другое — молитва. Ничего сделать больше нельзя. Каждый раз, когда кто-то оказывается в беде, ты молишься, вот и все.

Но людям нравится что-то делать, вместо того чтобы молиться, потому что молитва означает беспомощность.

Я всегда молился, но теперь не знаю, есть ли кто-нибудь, кому можно молиться.

Твоя молитва не должна быть трюком, чтобы что-то выманить. Ты молишься ради какой-то цели. Ты молишься, а потом проверяешь, сработало ли это. Тогда это не молитва; это снова стратегия. Если ничто другое не помогает, ты молишься Богу и думаешь, что теперь что-то должна сделать молитва. И когда даже молитва не срабатывает, ты впадаешь в еще большую депрессию. Ты не знаешь, кому молиться, что говорить, чего не говорить.

Суть не в этом — суть в самой по себе молитве. Это просто крик скромности, крик глубокой беспомощности. Не то, что ты молишься кому-то — может быть, никого и нет! — но просто чувствуешь себя беспомощным, как ребенок. Ребенок начинает звать маму или папу. Может быть, их нигде нет, может быть, они не существуют, но суть не в этом. Ребенок начинает плакать, и этот плач очищает.

Это поможет не твоей подруге; моя суть совершенно другая: это поможет тебе. И не в качестве конечного результата, но просто молясь, ты почувствуешь себя очищенным. Ты снова почувствуешь себя установившимся и ничем не потревоженным. Ты сможешь быть более принимающим, ты станешь более открытым. Даже смерть будет приемлема.

Люди молятся — но для них это очередная технология, часть их эгоистического усилия. Я говорю не о такого рода молитве, но о молитве, которая возникает из ситуации, в которой ты чувствуешь, что ничего не можешь сделать. Невероятного из нее ничего не случится, — но ты претерпишь трансформацию. Ты не будешь чувствовать, что чего-то не хватает. Ты будешь чувствовать осуществленность. Ты будешь чувствовать определенное новое спокойствие, которого никогда раньше не было.

И это всегда происходит в близости смерти, потому что смерть — это самый критический момент. Каждый раз, когда ты кого-то любишь — подругу или друга — и этот человек умирает, открывается великая возможность, потому что это мгновение бросит тебя в полную беспомощность. И если ты можешь молиться — я не имею в виду вербализировать, что-то говорить — если ты можешь просто плакать в беспомощности, и приходят слезы, ты будешь очищен. Это будет очищением. Ты выйдешь из этого более молодым, свежим и новым.

Поэтому не будь из-за этого в депрессии, потому что это ничем не поможет. Если ты можешь этому радоваться, радуйся, потому что никакой проблемы нет. Но если ты в депрессии, это не принесет никакой пользы; это будет пустой сущей растратой. Смерть не должна тратиться впустую таким образом. Этот кризис придет снова и снова, потому что никто не будет здесь вечно. Поэтому учись из него. Это великая дисциплина — наблюдать смерть.

И в тот день, когда она умрет — однажды она умрет, — сделай это празднованием. Сначала будь очищенным ее смертью. Фактически, в ее смерти попытайся научиться умирать. В ее смерти позволь случиться твоей собственной смерти. Сделай это возможностью увидеть, что такое смерть, чтобы ты получил некоторый ее вкус, некоторый ее аромат. И когда она умрет, все вы должны сделать это празднованием — танцем, песней, — и быть экстатичными.

Смерть нужно приветствовать: это одно из величайших событий в жизни.

Есть только три великих события в жизни: рождение, любовь и смерть. Рождение уже случилось — ничего сделать с ним нельзя. Любовь очень исключительна: она случается с очень немногими людьми, и о ней ничего нельзя знать наверняка. Смерть случается с каждым, и нельзя ее избежать. Это единственное, что известно точно. Поэтому прими ее, радуйся ей, наслаждайся ею.

Но, прежде чем умереть, твоя подруга дает тебе возможность очистить себя, стать чистым и медитативным, — чтобы, когда она покинет тело, ты мог радоваться этому явлению.

С тех пор как моя жена ушла из жизни около трех лет назад, моя жизнь стала такой пустой. Если жизнь и смерть — это два отделения, нет ли какого-нибудь способа коммуницировать с людьми, ушедшими за пределы, — какого-нибудь астрального пути, какого-нибудь тонкого средства коммуникации?

Каждому предстоит рано или поздно прийти к этой точке. Человек должен увидеть, что все пусто, что все было красивым сном... — жена или муж, и все путешествие... — красивый сон, но он должен кончиться. Никакой сон не может продолжаться вечно.

Человек должен понять эту пустоту, которая приходит неотвратимо.

Чем раньше она придет, тем лучше, потому что только эта пустота может привести тебя вовнутрь.

Настоящий поиск начинается, только когда человек начинает чувствовать, что жизнь бессмысленна. Если смысла нет, кто о ней заботится? Если есть какая-то удовлетворенность, и все течет прекрасно, и человек преуспевает в жизни, и полон занятий и амбиций, кого заботят истина и Бог? Только эта пустота заставляет человека исследовать и искать истину — истину, которая продолжается даже за пределами смерти.

То, что ты пережил, было великим опытом, но ты все еще жаждешь. И именно поэтому ты хочешь узнать: «...Нет ли какого-нибудь способа коммуницировать с людьми, ушедшими за пределы, — какого-нибудь астрального пути, какого-нибудь тонкого средства коммуникации?» Это показывает, что ты пытаешься, так или иначе, избежать этой пустоты. Ее избежать нельзя — и не нужно избегать. Вместо того чтобы избегать, в нее нужно войти.

Теперь ты можешь увлечься такими вещами, как астральные путешествия, ESP и парапсихология, есть масса всякой ерунды. Ты можешь наполнить себя тем или другим ее видом, чтобы создать некоторое утешение. Ты можешь пойти к медиумам и поговорить немного со своей женой, но все это просто игры. Если настоящая жена не смогла продолжать жить, теперь тебе абсолютно бессмысленно основывать жизнь на этих играх — я называю их играми.

Пришел момент, когда тебе нужно заглянуть в свою внутреннюю сущность, и тогда уход жены не будет чувствоваться как проклятье — он будет чувствоваться как благословение, потому что, если бы она все еще была, ты все еще оставался бы прежним. Может быть, это посланная богом возможность. Может быть, это станет прорывом.

Если ты начнешь двигаться в эту пустоту, это станет медитацией. Медитация — не что иное, как вхождение в пустоту. Если ты можешь войти в само ядро своего существа, все проблемы будут решены, и не будет больше жажды быть ни с женой, ни с кем-либо другим. Человек просто приходит к знанию своей вечности. И в этой вечности каждый становится вечным.

Ты не найдешь больше свою жену как отдельную сущность, потому что отдельная сущность существует только в теле и системе мозга. Твоя жена есть, но так, как если ты разбиваешь лампочку: свет все еще есть, но ты не можешь его видеть, потому что проводника, благодаря которому он становился проявленным, больше нет. Тело сожжено, и клеток мозга не стало. Теперь осталось чистое сознание. Волна исчезла в океане.

Вместо того чтобы думать об этой волне и мечтать о ней, двигаться в воспоминания и ностальгию, — а это будет пустой тратой времени, потому что скоро придет и твоя смерть... — прежде чем она придет, тебе нужно подготовиться.

Теперь смерть меня больше не пугает.

Нет, страх все еще есть. И когда придет смерть, тебе будет страшно. Ты утешаешь себя; ты

не знаешь. Ты веришь, что смерти нет, — ты хочешь в это верить, но это не твое знание. Это утешение. Мы живем в утешениях. Мы не хотим верить, что жена просто умерла, и теперь ничего не осталось, мм? Это больше, чем можно вынести, — это слишком потрясает нас. Просто идея, что она есть, что душа вечна... И я не говорю, что эти идеи неправильны. Я просто говорю, что эти идеи для тебя всего лишь идеи; это еще не твой опыт. Если это не твой опыт, когда придет смерть, она потрясет тебя, потому что идеи ничем не смогут помочь...

Пока ты не переживешь их как опыт... — только тогда они будут действительны. Обычно каждый верит, но когда кто-то умирает, начинает рыдать и плакать. Каждый знает, каждый думает, что знает, но очень редкий человек действительно приходит к такому знанию. Потому что знать тяжело; чтобы знать, требуются последовательные попытки войти в свое существо, и это темное путешествие и такое, в которое человек должен отправиться совершенно один. Чем глубже ты идешь, тем более одиноким становишься, потому что никто не может пойти с тобой. Даже мастер не может пойти с учеником. На предельной стадии ты остаешься один — чистое сознание. Но тогда ты узнал, и с этим знанием жизнь становится игрой, драмой. Остается жизнь или уходит, это не имеет значения; это несущественно.

Но этого еще не случилось. Ты можешь сделать так, чтобы случилось, но если ты будешь продолжать верить в эти утешения, этого не случится. Эти утешения опасны, а так называемые святые продолжают давать их людям; это придуманные верования.

Верование — не знание; это нужно понять абсолютно ясно. Верование — это не знание. Верование — это только верование, заимствованное. И, да, оно утешает; человек продолжает двигаться. Иначе жизнь становится такой болью, что человек начинает думать о том, чтобы совершить самоубийство, или сходит с ума; это может быть невыносимо. Эти верования как буферы между вагонами: они смягчают удары. Они тебя защищают от слишком жестоких фактов жизни, обкладывают подушками.

Очередной способ бегства?

Очередной способ бегства. Но истина есть. Истина пылает пламенем в существе каждого, и в нее возможно войти; каждый способен в нее войти. Нужно только принять решение и набраться храбрости; нужно только начать немного над этим работать.

Если ты сможешь каждый день уделять час или два часа медитации, вскоре тебе не понадобится никаких верований. И когда человек знает, что стоит на твердой почве, тогда для него нет страха смерти, потому что нет самой смерти. Если смерти нет, как может быть страх?

Моя двенадцатимесячная дочь недавно умерла: я не могу понять, почему у нее была отнята жизнь.

Жизнь очень хрупка и случайна: в любой момент каждый может из нее уйти. Поэтому не беспокойся о том, что случилось; никакой причины нет. Все ответы, которые можно дать на твое «почему?», будут не более чем утешениями, чтобы так или иначе рационально объяснить то, что по своей природе таинственно, — но этими рациональными объяснениями мы помогаем себе утешиться. Я не заинтересован в том, чтобы кого-либо утешать, потому что это опасная игра — утешение. Она удерживает в окружении буферов.

Истина в том, что ребенок был жив, а теперь, внезапно, он больше не жив. Это должно заставить тебя понять подобное сну качество жизни. Жизнь соткана из вещества, называемого сном. Нам может сниться прекрасный сон, но его может нарушить любая мелочь — немного шума, и сон исчезает. Может быть, это был сладкий сон, и человек чувствует боль, и ему хочется

закрыть глаза и продолжать видеть сон, но теперь ничего нельзя сделать.

Вместо того чтобы находить объяснения и утешения, всегда смотри на обнаженную истину. Это грустно, это больно, это ранит: видь это, видь, что это так, но никаким образом не пытайся перекрасить. Все объяснения и философии — не более чем попытки перекрасить вещи, которые не белы, которые очень темны и таинственны.

Когда приходят такие мгновения, они безмерно значительны, потому что в эти мгновения возможно пробуждение. Когда твой ребенок умирает, это такой шок: в этом шоке ты можешь проснуться, вместо того чтобы заплакать и упустить возможность. Через несколько дней шок больше не будет шоком; время лечит все. Через несколько лет ты забудешь об этом все. К концу твоей жизни это может выглядеть так, словно ты видела это в каком-то кинотеатре, или прочитала об этом в романе. В свое время все померкнет, превратится только в отдаленное эхо...

Поймай это прямо сейчас. Это мгновение, когда это может помочь тебе быть бдительной и пробужденной. Не упускай возможность; все утешения — это упущенные возможности.

Никогда не спрашивай, почему. В жизни нет никаких «почему», и в смерти нет никаких «почему». На это «почему» ответить нельзя — и нет необходимости отвечать.

Жизнь — это не проблема, которую можно решить, — как и смерть. Жизнь и смерть — обе они части одной тайны, которая не знает ответа. Вопросительный знак пределен и окончателен.

Поэтому все, что можно сделать в таких ситуациях, — человек должен проснуться, потому что эти шоки могут стать прорывами. Мышление останавливается. Шок так силен, что ум мутится. Ничто не кажется осмысленным; кажется, все потеряно. Человек чувствует себя полным незнакомцем, посторонним... вырванным с корнем. Это безмерно значительные моменты; это моменты, когда ты можешь войти в новое измерение. И смерть — одна из величайших дверей, которые открываются в божественное. Когда кто-то умирает, кто-то настолько близкий, как ребенок для матери, это почти что смерть тебя самой... словно ты сама умерла. И часть тебя умерла.

Просто видь, что жизнь — это сон, и все в ней рано или поздно исчезнет: прах вернется в прах. Ничто здесь не остается вечно. Мы не можем построить здесь свой дом. Это караван-сарай, остановка на ночлег, и утром мы будем двигаться дальше. Но есть одно, что постоянно и есть всегда, — и это твое наблюдение, твое свидетельство. Все остальное исчезает, все остальное приходит и уходит; остается только свидетельство.

Вся суть в свидетеле. Просто будь свидетелем и не отождествляйся. Не будь матерью; иначе ты отождествишься. Просто будь свидетелем, молчаливым наблюдателем. Это наблюдение поможет тебе безмерно. Это единственный ключ, открывающий двери тайн. Дело не в том, что он решает какую-то проблему; но он делает тебя способной проживать таинственное, и проживать тотально.

Моя дочь, с тех пор, как умерла ее бабушка, спрашивает меня о смерти. Она хочет знать, куда все уходит, когда умирает.

Это очень хорошо... Всех детей интересует смерть; это одно из естественных направлений любопытства. Но вместо того чтобы им отвечать... — потому что все ответы будут ложными. Таким образом, никогда не отвечай. Просто скажи, что ты не знаешь; мы умрем и тогда посмотрим. И пусть это будет само собой разумеющимся пониманием обо всех вещах, на которые ты не знаешь ответа.

Когда ребенок что-то у тебя спрашивает, прими свое невежество. Никогда не чувствуй, что принятие невежества причинит вред; так никогда не бывает. Родители думают, что если признать, что мы чего-то не знаем, это причинит вред; наш имидж упадет в глазах ребенка. Но,

фактически, реальность прямо противоположна. Рано или поздно ребенок установит, что ты никогда не знал, что говорил, и все же отвечал так, словно знаешь. И в тот день, когда ребенок это осознает, он почувствует, что ты его обманывал, и тогда все его уважение исчезнет. Рано или поздно ребенок обязательно найдет, что его родители так же невежественны, как и все остальные, и так же бессильны, как и все остальные, и точно так же пробираются ощупью в темноте, как и все остальные, но они притворялись, и это притворство очень разрушительно. Поэтому каждый раз, когда есть что-то, чего ты не знаешь, скажи: «Я не знаю. Я исследую и ищу».

Смерть — одна из тех вещей, о которых ничего нельзя сказать, кроме одного — когда мы вернемся домой, мы вернемся в то же самое место, откуда пришли. Мы и этого не знаем. Мы пришли из какого-то неизвестного источника и возвращаемся в этот неизвестный источник.

Смерть — это завершение круга.

Оба конца — начало и конец — скрыты в тайне.

Если представить, что в комнату влетает птица, порхает несколько секунд и улетает через другое окно наружу — это то же самое. Мы знаем только, когда птица внутри комнаты. Мы не знаем, откуда она взялась; мы не знаем, куда она делась. Все, что мы знаем, — это то, что в это недолгое время, в этот интервал времени птица была внутри комнаты. Мы видели, что птица влетела в одно окно и вылетела в другое; мы не знаем, откуда и куда.

Это состояние всей жизни. Мы видим, что рождается ребенок; птица влетела — откуда, никто не знает. Потом однажды человек умирает; птица вылетела.

И жизнь точно между рождением и смертью... — небольшой переход.

Позволь ребенку осознать эту тайну. Вместо того чтобы давать ответ, лучше позволить ребенку осознать таинственное всюду вокруг, чтобы ребенок начал чувствовать больше благоговения и удивления. Вместо того чтобы дать удачный ответ, лучше создать исследование. Помогите ребенку быть более любопытным, помогите ребенку задавать больше вопросов. Вместо того чтобы давать ответ, позвольте ребенку задавать больше вопросов. Если сердце ребенка станет вопрошающим, этого достаточно; это все, что родители могут сделать для ребенка. Тогда ребенок будет искать своих собственных ответов, по-своему.

Никогда не давай ответов. Это одна из самых опасных вещей, которые человечество практиковало веками, и это стало величайшим его бедствием. Мы очень высокомерны, когда даем ответы; мы теряем всю скромность. Мы забываем, что жизнь остается неизвестной — каким-то «X». Мы живем ее, и все же она остается неизвестной; мы в ней, и все же она остается неизвестной. Эта непознаваемость кажется в ней чем-то фундаментальным. Мы узнали многие вещи, но непознаваемость осталась прежней — незатронутой. Человек добился большого прогресса в знании, каждый день узнает много нового; к человеческому знанию добавляются тысячи исследовательских отчетов, тысячи книг. Но все же фундаментальное, непознаваемое остается прежним.

Перед лицом непознаваемого мы скромны и беспомощны.

Помогите ей более и более чувствовать эту тайну.

Послесловие

Снежинка тает в чистом воздухе

Дзэнский мастер Бассуи написал одному из своих учеников, который умирал, следующее письмо: «Сущность твоего ума не родилась, поэтому никогда не умрет. Оно не существование, которое смертно, оно не пустота, которая есть сущее ничто. Оно не цвет и не форма. Оно не наслаждается никаким удовольствием и не страдает ни от какой боли.

Я знаю, что ты очень болен. Как хороший студент дзэн, ты смотришь этой болезни прямо в лицо. Ты, может быть, точно не знаешь, кто именно страдает, но задай себе вопрос: в чем сущность этого ума? Думай только об этом. Тебе больше ничего не понадобится. Ничего не жажда. Твой конец бесконечен, подобно тому, как снежинка тает в чистом воздухе».

Смерть — не враг. Она кажется врагом, потому что мы слишком цепляемся за жизнь. Страх смерти возникает из этого цепляния. И из-за этого цепляния мы не способны узнать, что такое смерть. Более того, мы не способны узнать, и что такое жизнь.

Человек, который не может знать смерть, не сможет знать и жизнь, потому что глубоко внутри это две ветви одного дерева. Если вы боитесь смерти, в своей основе вы будете оставаться и в страхе перед жизнью — потому что именно жизнь приносит смерть. Именно путем жизни вы приходите к тому, чтобы умереть.

Вам хочется стать застойными и замороженными, чтобы не течь, чтобы этой смерти никогда не случилось. Вам хочется где-то застрять на пути, чтобы никогда не добраться до океана и не исчезнуть.

Человек, который боится смерти, слишком цепляется за жизнь; но ирония в том, что если он слишком цепляется за жизнь, он не может видеть, что такое есть жизнь. Его цепляние за жизнь становится преградой и к пониманию жизни. Он не может понять смерть, он не может понять жизнь; он остается в глубоком непонимании, в великом невежестве.

Это одна из самых фундаментальных вещей, которые нужно увидеть: смерть — не враг. Смерть не может быть врагом. Фактически, никакого врага не существует. Все существование едино. Все сущее дружелюбно. Все сущее — ваше и принадлежит вам, а вы — ему. Вы здесь не чужие.

Существование дало вам рождение; существование стало вам матерью. Когда вы умираете, вы просто возвращаетесь снова к изначальному источнику, чтобы отдохнуть и родиться заново.

Смерть подобна отдыху. Жизнь — это деятельность; смерть — отдых. Без отдыха деятельность невозможна. Жизнь — как день, а смерть — как ночь. Без ночи, сам по себе, день не может существовать. Именно ночь подготавливает ко дню, именно ночь восстанавливает силы, снова дает энергию. Ты движешься в глубокий сон, до той самой точки, куда приведет тебя смерть.

Каждую ночь ты движешься в смерть — это небольшая смерть — поэтому утром ты чувствуешь себя таким живым. Несчастливы те люди, которые не умирают каждую ночь. Утром они чувствуют себя более уставшими, чем когда легли спать. Им снились сны, и в своих снах они все еще цепляются за жизнь. Они не вошли в позволение. Они не позволили смерти себя охватить, исцелить и дать отдых, расслабление, новую энергию. Это несчастные люди. Счастливы те, кто входит в безмерно глубокий сон, сон без снов. Утром они снова живы, готовы смотреть жизни в лицо, во всем многообразии ее форм, полны радости, полны отклика, готовы принять любой вызов, который только бросит им жизнь.

Смерть подобна ночи. Жизнь — это ян, смерть — инь. Жизнь — мужская, смерть —

женская. Жизнь — это агрессия, амбиция — великое усилие многое завоевать. Смерть — расслабление от всей агрессии; внутреннее путешествие. Человек расслабляется в самом себе. Люди дзэн называют это «приютом отдыха».

Жизнь — это приключение; ты уходишь прочь от самого себя, уходишь дальше и дальше. Чем дальше ты уходишь, тем более несчастным становишься. Ты идешь на поиски счастья, но чем более ты ищешь счастья, тем дальше ты от него. И ты можешь увидеть это в своей собственной жизни. Это не философия, это простая констатация факта. Каждый отправляется на поиски счастья. Но чем дальше ты идешь, тем более несчастным становишься.

Жизнь — это поиски счастья, но она приносит страдание. Однажды ты пресыщаешься, устаешь, и тебе становится скучно. Это приключение больше не привлекательно. Ты расслабляешься в самом себе, ты возвращаешься обратно. Чем ближе ты подходишь к себе, тем более становишься счастливым. Чем более ты забываешь о счастье, тем более становишься счастливым. В тот день, когда ты прекращаешь поиски счастья, ты счастлив.

Жизнь — это обещание счастья, но только обещание. Оно никогда не осуществляется. Осуществляет смерть. Поэтому я повторяю: смерть — не враг. Смерть — это твой дом, куда ты возвращаешься после многих путешествий — усталый, разочарованный, изнуренный, чтобы искать приюта, отдыха, чтобы снова восстановить потерянные жизненные силы. Это первое.

Второе: жизнь и смерть не так далеки друг от друга, как мы думаем. Вы думаете, что жизнь случилась в тот день, когда вы родились, а смерть случится в тот день, когда вы умрете. И между ними промежуток в семьдесят, или восемьдесят, или сто лет. Это не так. Рождение и смерть идут рука об руку, всю вашу жизнь. В то мгновение, как ты начинаешь дышать, ты начинаешь и умирать. Каждое мгновение есть жизнь, и есть смерть — два колеса одной повозки. Они идут рядом. Они одновременны. Нельзя развести их в стороны — расстояние в семьдесят лет слишком велико. Нельзя так далеко развести их в стороны — они есть в каждое мгновение. Каждое мгновение в тебе что-то рождается и что-то умирает.

Смерть и жизнь — вместе. За семьдесят лет ты заканчиваешь умирать и жить. Ты устаешь от этой игры. Тебе хочется вернуться домой. Ты играл с замками из песка. Ты спорил и боролся за свои замки: этот мой, а этот твой, — хватит, значит хватит! Пришел вечер, и солнце садится, и ты хочешь вернуться домой. Через семьдесят лет ты соскальзываешь в глубокий отдых. Но смерть и жизнь продолжают вместе. Если видеть их в таком свете, это принесет тебе великое прозрение. В каждое мгновение есть и то, и другое.

Поэтому нет необходимости в том, чтобы бояться. Неправда, что смерть случится когда-то в будущем. Будущее создает проблемы — ...случится ли это где-то в будущем? ...как защитить себя? ...как поставить у смерти на пути Великую Китайскую Стену? ...какие меры принять, чтобы она с тобой не случилась, или, по крайней мере, чтобы ее можно было ненадолго отложить?

Но она уже происходит! Это не вопрос будущего. Она происходит с тех пор, как ты оказался здесь. Нельзя ее отложить, нельзя ничего с ней сделать! Нет никакого способа ничего с ней сделать. Это сам процесс жизни, смерть — это часть самого процесса жизни.

Например, это становится очень явно очевидным и бросается в глаза, когда вы занимаетесь любовью. Естественно, потому что любовь дает вам чувство жизни. Но вы не замечали? После каждого раза, когда вы занимаетесь любовью, вы чувствуете депрессию. Расслабление, молчание, но и своего рода разочарование. Пик вашей любви — это пик жизни, но тогда внезапно вы падаете в смерть. Каждый акт любви приводит жизнь к пику, и, естественно, дает вам проблеск бездны смерти, окружающей ее. Долина смерти очень явственна, когда пик жизни очень высок.

Из этого опыта в мире возникло два вида культур. Одна из них «антисексуальная», другая —

«антисмертная».

Антисексуальная культура более подчеркивает разочарование, следующее за сексуальным актом. Она более заботится о долине. Она говорит: «Смотри, ничто не достигнуто, только разочарование. Это была иллюзия; эта вершина, этот оргазм были просто иллюзией, мгновенным. Посмотри, что на самом деле приходит в конце — только разочарование. Снова ты плашмя на земле, побежденный. Это было своего рода созданной тобой иллюзией, но теперь это реальность».

После сексуального акта каждый начинает думать о безбрачии, о том, как отбросить все это колесо страдания, как выбраться из этого порочного круга. Идея безбрачия и брахмачарьи возникла из-за этой второй части. Она есть! Люди, которые антисексуальны, видят только ее. Люди, которые антисмертны, не видят этого. Люди, которые антисмертны, — они видят только вершину, они не смотрят в долину. Как случилась вершина, они закрывают глаза и засыпают. Они не думают о долине. Долина есть, но они выбрали только вершину.

Но посмотрите, из этого вытекает естественный вывод. Если вы видите только вершину, тогда вы будете очень бояться смерти, потому что у вас не будет никакого ее опыта. Тогда смерть будет вечно оставаться непознанной. Только умирая, — только тогда вы с ней столкнетесь. Тогда она будет слишком большой и слишком новой, и слишком незнакомой и неизвестной, и она будет для вас огромным шоком.

Таким образом, люди, которые антисмертны и видят только вершину жизни, оргазмическую вершину сексуального акта, будут избегать долины, не будут в нее смотреть. Затем, однажды, появится долина. Они пугаются. Поэтому Запад, где секс становится более свободным, и люди — менее антисексуальными, становится антисмертным. Люди Запада борются со смертью. Так или иначе, смерть должна быть разрушена.

На Востоке люди антисексуальны. Они смотрят только в долину. Они не смотрят на вершину; они говорят, что вершина иллюзорна. Поскольку они смотрят в долину, они более и более склоняются к смерти, становятся готовыми к смерти. Фактически, они ждут смерти; фактически, они надеются умереть, желают умереть, мечтают умереть. На Востоке величайший идеал — умереть так окончательно, чтобы никогда больше не рождаться. Именно это — высшая смерть.

На Западе идея в том, как создать ситуацию, в которой вы вообще не умираете; вы продолжаете жить — продолжаете, продолжаете и продолжаете. Оба эти подхода однобоки. Оба эти подхода создают в вас своего рода дисбаланс, и этот дисбаланс — человеческое страдание.

Настоящий человек, подлинный человек встретит лицом к лицу все; он не будет выбирать. Он не будет говорить: «Я буду видеть только долину и останусь слепым к вершине», или: «Я буду видеть только вершину и останусь слепым к долине». Он будет видеть то и другое, такими, как они есть. Он не будет выбирать.

Не выбирать — это дзэн. Быть невыбирающим — это дзэн: видеть вещи такими, как они есть, во всей их тотальности — хорошее и плохое, рай и ад, жизнь и смерть, лето и зиму — видеть их как есть. Дзэн — не философия выбора. Он не дает вам выбора, потому что он говорит: «Если ты выбираешь, то всегда будешь бояться того, что не выбрал».

Видьте это: если вы что-то выбираете, то будете оставаться постоянно заключенными в ловушку того, что не выбрали, потому что невыбранное было отвергнуто, невыбранное было подавлено. Невыбранное жаждет мщения. Невыбранное готовится — в какой-то день, в момент слабости, оно взорвется с удвоенной силой.

Поэтому человек, который антисексуален, боится мести секса — он может взорваться в любой момент. А человек, который боится смерти, который антисмертен, естественно, всегда дрожит, когда приближается смерть. Он знает, в нем есть молчаливое, негласное понимание.

Видишь ты это или нет, неважно. Если просто что-то не видеть, оно от этого не исчезнет. Оно есть. Ты знаешь, что это есть и приближается. И становится ближе с каждым мгновением.

Человек, который антисексуален, будет бояться того, что в любой момент в его сознании произойдет извержение сексуальности. А человек, который антисмертен, будет бояться того, что в любой день может случиться смерть, и завладеть им, и разрушить его.

Оба рода людей остаются ориентированными на страх; оба типа людей остаются в состоянии борьбы, в постоянном конфликте. Они никогда не приходят к спокойной безмятежности, к равновесию. Равновесие — это когда ты не выбираешь, когда ты видишь факт таким, как есть. Жизнь — это не вопрос выбора, выбирать не из чего. Все взаимосвязано. От твоего выбора ничего не изменится. Твой выбор может только привести тебя в своего рода неведение. То, что ты выбираешь, — только часть, и то, что ты не выбираешь, — тоже часть реальности. Невыбранная часть реальности будет продолжать висеть вокруг тебя, ожидая, чтобы ее приняли. Она не может исчезнуть, нет способа сделать так, чтобы она исчезла. Если ты слишком любишь жизнь и не хочешь видеть факта смерти... смерть есть и нависает над тобой, как тень.

Дзэн говорит: видь то и другое — они одно целое, они взаимосвязаны. Видя их одновременно, без всякого выбора, без всякой предвзятости, ты выходишь за их пределы. Видя их одновременно, ты больше не отождествлен с жизнью и не отождествлен со смертью. Неотождествленный, ты свободен, освобожден.

Отождествление — именно это и есть тюрьма. Пусть это будет полностью понято, потому что это коренная причина всего страдания, рабства.

Отождествление — это слово очень значительно. Оно означает, что ты отождествляешься с частью. Ты сливаешься с частью жизни, и эта часть начинает считать себя целым. Нет ничего неправильного в части как таковой, но часть есть часть; это не целое. Когда ты начинаешь считать часть целым, возникает предвзятость. Начав притворяться, что часть и есть целое, ты становишься слепым к целому. Теперь ты оказываешься в конфликте с реальностью.

И ты не можешь победить, будучи против реальности, помни это. Ты не можешь победить, будучи против реальности. Это невозможно. Так не бывает, так не может быть. Ты можешь победить только, будучи с реальностью, никогда не, будучи против реальности. Победа — на стороне реальности. Именно поэтому все великие мастера так настаивают на капитуляции. «Капитуляция» означает: быть на стороне реальности. Тогда победа несомненна — потому что реальность победит. Побеждает всегда именно реальность. На ее стороне ты будешь победителем; против нее ты будешь проигравшим. И все мы оказываемся проигравшими; все мы боремся.

Мы выбираем маленькую часть и объявляем, что это целое. Мы выбираем жизнь, удаляем жизнь из ее основного контекста — смерти — и говорим: «Это я. Я — жизнь». Теперь вы создали себе трудности. Вы окажетесь заключенными в клетку этой отождествленности. Как у вас тогда получится смерть? — а она есть, и происходит в каждое мгновение, и однажды застанет вас врасплох.

Вы отождествляетесь с телом: «Я — тело», и тогда возникают трудности. Вы отождествляетесь с умом: «Я — ум», и тогда возникают трудности. Отождествляться — значит создавать трудности. Отождествление — само то вещество, из которого соткано невежество. Как только отождествление отпадает, и ты ни с чем не отождествлен, ты просто остаешься свидетелем, не говоря: «Я — то или это». Ты просто остаешься свидетелем. Ты видишь, как мимо идет жизнь, видишь, как мимо идет смерть, ты видишь, как мимо идет секс; ты видишь разочарование, радость, успех, поражение. Ты продолжаешь видеть; ты остаешься сущим видением. Ты не ловишься ни на какой крючок; ты не объявляешь: «Я — это». Никем не

объявляя себя, кто ты? Не ограничивая и не определяя себя, не давая себе ограничения, просто оставаясь текущим, просто видящим... — это освобождение. Это великое освобождение.

Неотождествленный, - человек свободен. Отождествленный, - он заключен в клетку.

Дзэн говорит: не отождествляйся ни с чем, что бы то ни было. И тогда, естественным образом, происходит трансценденция. Ты видишь, что приходит страдание, и остаешься наблюдателем. Ты видишь, что возникает страдание, обволакивает тебя, окружает, как огромное облако темного дыма, но остаешься наблюдателем. Ты видишь это, ты не судишь. Ты не говоришь: «Это я» или «Это не я». Ты вообще ничего не говоришь, ты остаешься не судящим. Ты просто видишь факт, что есть страдание.

Потом, как однажды пришло, оно начнет исчезать. Облака собрались, а теперь начинают рассеиваться, и наступает прекрасная солнечная погода и счастье. Ты не отождествляешься и с этим. Ты просто видишь, что солнечная погода вернулась, облака рассеялись. Ты не говоришь: «Это я», ты не говоришь: «Это не я». Ты не делаешь о себе никакого утверждения. Ты просто продолжаешь наблюдать.

Много раз это случится — придет страдание, придет счастье — много раз ты добьешься успеха, много раз потерпишь поражение. Много раз ты окажешься в депрессии, много раз будешь чувствовать себя на вершине мира. Наблюдая всю эту двойственность, мало-помалу ты увидишь, что ты — за пределами всех этих двойственных пар вещей.

И такая же пара — жизнь и смерть. Такая же пара — ум и тело. Такая же пара — мир и нирвана. Все — двойственные пары. Если вы можете увидеть это насквозь, увидеть это прозрачно и не выбирать, вы — что-то трансцендентальное: свидетель. Этот свидетель никогда не рождается и никогда не умирает.

Смерть и жизнь приходят в видение этого свидетеля, но свидетель вечен. Он был, прежде чем ты родился, и будет, когда тебя не станет. Ты приходил в мир миллионы раз и, может быть, придешь снова — и все же не приходил никогда. Мир возникал в тебе, как отражение возникает в зеркале. Ничего, фактически, не случается с зеркалом. Или ты думаешь, что что-то случается с зеркалом?

Ты стоишь перед зеркалом, и зеркало отражает твое лицо. Думаешь ли ты, что что-то происходит с зеркалом? Ничего не происходит. Тебя не стало, и зеркало опустело. Кто-то другой прошел перед зеркалом, и зеркало отразило его лицо — красивое или уродливое — и у него нет выбора, оно не выбирающее. Ты приносишь красивую розу, оно ее отражает; ты приносишь уродливый шип, оно его отражает. В нем нет выбора. Оно не говорит: «Это не хорошо, и я не буду это отражать», или: «Это очень хорошо, и я буду цепляться за это. Пожалуйста, не уходи от меня. Оставайся здесь. Я — ты, ты — я». Нет, зеркало просто отражает.

Это подобное зеркалу качество — именно то, что подразумевается под свидетельствованием. И именно поэтому зеркало остается чистым от всех изображений. Оно продолжает отражать, но никакие отражения не собираются на нем. Это состояние осознанности. Именно в этом и состоит вся медитация.

Наблюдай, видь, будь бдительным, но не выбирай. И не входи ни в одну из частей. Часть — не целое. Часть есть часть, и рано или поздно часть уйдет, потому что часть не может оставаться долго. И когда она уходит, ты будешь страдать, потому что не захочешь ее покидать; ты будешь за нее цепляться, потому что отождествился с ней. Но ей придется уйти, и ты почувствуешь себя несчастным и будешь плакать и рыдать — но это создано тобой самим. Если бы ты оставался как зеркало, не было бы никакой проблемы. Что бы ни случилось, случается. Ты остаешься непоколебленным, и неотвлеченным.

Это существенное ядро всех религий. Это не вопрос практики, это не вопрос того, чтобы научиться концепциям, догмам. Это не вопрос того, чтобы повторять сутры. Это вопрос прозрения! И это прозрение вам доступно. Нет необходимости ни к кому идти за этим прозрением. Ты носил его в себе все время. Оно было в тебе с самого начала. Оно есть, зеркало есть. Просто начни использовать его.

Попробуй когда-нибудь, и ты будешь удивлен! Что-то беспокоило тебя в прошлом, и теперь это то же самое, но больше не беспокоит. Кто-то тебя оскорбляет — ты просто наблюдаешь, не отождествляешься с этим.

Ты не говоришь: «Он меня оскорбил». Как он может оскорбить тебя? Ты не знаешь себя, не знаешь, кто ты такой, как же он может знать, кто ты такой? Он не может тебя оскорбить. Он, может быть, оскорбил какой-то образ, который несет в себе о тебе, но это не ты. Может быть, у него есть какое-то представление о тебе, и это представление он оскорбляет. Как он может оскорбить тебя? Он вообще тебя не видит.

Если ты будешь оставаться бдительным и наблюдательным, ты будешь удивлен — оскорбление пришло, и ничего не случилось у тебя внутри, ничто не шевелится. Это спокойствие — сияющее. В тебе не возникло никакой вибрации, никакой волны, ни даже малейшей ряби. И ты будешь безмерно блаженным, зная это подобное зеркалу качество. Тогда ты становишься интегрированным.

Потом кто-то приходит и хвалит тебя. Попробуй снова. Будь наблюдательным. Не думай, что он хвалит тебя. Может быть, он хвалит кого-то, кого считает тобой. Может быть, он хвалит тебя по каким-то собственным скрытым мотивам. Это не твое дело. Ты просто видишь факт, что «этот человек хвалит меня». Но ты остаешься зеркалом. Не глотай этого! Не цепляйся за это! Если ты это проглотишь, то окажешься в затруднении. Возникает эго — с отождествлением возникает эго.

И тогда ты начинаешь ожидать, чтобы каждый тебя хвалил, как этот человек. Никто не будет так тебя хвалить. Тогда возникают обида и страдание. И завтра этот человек, может быть, больше тебя не похвалит. Может быть, его мотив осуществлен. Или завтра он начнет думать, что это было неправильно, или начнет мстить. Каждый раз, когда кто-то хвалит тебя, однажды он тебя и оскорбит — потому что он должен отомстить, расставить вещи по своим местам.

Возникает дисбаланс. Когда кто-то тебя хвалит, он чувствует себя не очень хорошо; ему больно тебя хвалить. Ему приходится тебе показать, что ты выше его — и это ранит. Он может прямо сейчас этого не показать, но внутри сохранит боль, рану. И однажды, когда у него будет возможность, он тебе покажет, кто ты такой: он поставит тебя на место. И тогда ты будешь ранен. Этот человек так тебя хвалил, а теперь он ранит тебя. Но он ничего не сделал. Это ты сам — ты начал цепляться за идею, которую он вложил тебе в ум.

Не отождествляясь ни с чем, наблюдая, сохраняя подобное зеркалу качество, — именно это приводит человека, мало-помалу, ближе к просветлению.

Ринзай однажды читал лекцию на тему: «Истинный Человек Без Заглавия».

Именно это я подразумеваю, когда говорю о подобном зеркалу качестве — именно «Истинного Человека Без Заглавия». Внутри себя ты Истинный Человек Без Заглавия. Он не мужчина, не женщина, не индуист, не мусульманин, не хороший, не плохой — у него нет заглавий — не образованный, не невежественный, не восточный, не западный, у него нет заглавия — не святой, не грешник, у него нет заглавия. И это — истинный человек внутри тебя.

Ринзай однажды читал лекцию на тему «Истинный Человек Без Заглавия».

Это было заглавием его лекции.

Монах, совершенно сбитый с толку, подошел к нему и спросил:

— Что значит, Истинный Человек Без Заглавия?

Ринзай схватил его за горло и закричал:

— Говори! Говори!

Монах лишился дара речи и ничего не смог сказать.

Ринзай отпустил его и воскликнул:

— До чего же никчемное вещество этот Истинный Человек Без Заглавия!

То, что сделал Ринзай, было нужно, чтобы создать ситуацию. Человек спросил:

— Что такое Истинный Человек Без Заглавия?

Ринзай схватил его за горло и закричал: «Говори! Говори!» Он привел его в шок. В этом шоке все заглавия исчезли. В этом шоке он был никто, просто никто, зеркало. В этом шоке ум больше не вращался. В этом шоке он просто лишился дара речи. Ринзай создал для него ситуацию, чтобы посмотреть в этого собственного реального человека без заглавия, в это подобное зеркалу качество.

Но человек упустил, он начал думать, как ответить:

— Что делает со мной мастер? Правильно ли это делать, в ответ на вопрос?

Должно быть, у него появились подобные мысли. Он упустил суть. Именно поэтому Ринзай воскликнул: «До чего же никчемное вещество этот Истинный Человек Без Заглавия!»

В тот момент, когда зеркало начинает за что-то цепляться, оно становится никчемным. В то мгновение, когда зеркало чем-то покрыто и к чему-то привязано, оно собирает пыль — ты становишься никчемным. В то мгновение, когда зеркало не собирает пыли, ты ценен безмерно — ты бог. Единственная разница между Буддой и тобой — не более чем то, что твое зеркало собрало много пыли, а зеркало Будды стало совершенно чистым от пыли. Все твои мысли — не более чем пыль.

Но иногда ты очень ценишь пыль. Ты говоришь: «Это золотая пыль, это не обычная пыль. Это чистое золото! Я должен за нее держаться. Я никому не должен позволять ее у меня отнять; она очень драгоценна».

Именно так ты становишься привязанным к жизни. Ты думаешь, что она очень драгоценна. И поскольку ты становишься привязанным, ты думаешь, что смерть — враг, грабитель. Смерть приходит, и она отнимет у тебя все твое золото, все твои драгоценные камни, которые ты носил с собой все время. Она отнимет всю пыль с твоих зеркал — и именно это ты считал твоей жизнью. Поэтому ты боишься.

Если ты видишь суть, то смерть - друг. Фактически, это друг лучший, чем сама жизнь. Почему я это говорю?

Потому что в жизни ты становишься привязанным, собираешь пыль. Смерть отнимает у тебя все привязанности и всю пыль. Если ты сможешь увидеть суть, то почувствуешь огромную благодарность к смерти. То, чего ты не можешь сделать, смерть делает за тебя. Именно поэтому, если ты можешь это сделать, тогда для тебя никакой смерти нет; тогда в смерти нет необходимости. Если человек может очистить свое сознание в медитации, он никогда не умрет.

Я не говорю, что он никогда не умрет телом, — это естественный процесс. Но он никогда не столкнется со смертью. Смерть происходит только с пылью, накопившейся на зеркале. Зеркало никогда не умирает! Зеркало само по себе неумирающее. Это свидетельство — нескончаемый процесс, и он вечен. Путешественник продолжается; только одежда рвется и гниет, и ее нужно сменить. Путешественник продолжается; только пыль собирается на теле, и его нужно отмыть.

Но если ты начнешь считать себя пылью, то никогда не сможешь мыться. Есть люди,

которые очень боятся принимать душ — словно они что-то потеряют, что-то ценное. Есть люди, которые боятся медитации, потому что медитация похожа на душ. Она отнимает все вздорные мысли, которые ты собрал, накопил, — весь мусор, который ты продолжаешь носить в голове. И твоя голова страдает, она очень тяжелая, и ты несчастен, но все же продолжаешь думать, что это что-то ценное.

Смерть — это великий друг, она освобождает тебя от бремени. Она освобождает тебя от всего, что ты накопил. Если это освобождение от бремени позволено добровольно, смерть становится самадхи. Если ты не позволяешь ее добровольно, тогда смерть — не самадхи; это боль. Теперь поймите суть. Одно и то же может быть и болью, и сущей радостью. Все зависит от вашего истолкования — как вы смотрите на вещи, как проникаете в определенный опыт, насколько глубоко в него движетесь.

Если ты цепляешься, очень собственнически относишься к жизни, тогда твоя смерть будет очень болезненной; будет большая боль. Ты будешь страдать. Ты будешь страдать не из-за смерти, ты будешь страдать из-за собственного цепляния, из-за собственной жадности и всего остального.

Но если ты не цепляешься, не очень собственнически относишься к жизни, если ты не жаден, не эгоистичен, не агрессивен, внезапно качество смерти меняется. Она становится, как порыв свежего ветра Бога. Он приходит и очищает тебя. Он дает тебе отдых, который тебе так нужен. Он очищает тебя. Он приводит тебя к вечному источнику, из которого ты возникнешь снова. Если ты войдешь в него добровольно, то возникнешь снова в лучшей форме, потому что научился чему-то из прошлой формы. Если ты не пойдешь в это добровольно, то и тогда смерть швырнет тебя в горнило, сожжет тебя, но насильно, и тогда ты вернешься снова в той же форме, потому что ничему не научился.

Студента, который ничему не научился, снова и снова придется посылать в один и тот же класс. Будда — это человек, который научился всем возможностям всех форм. Он был скалой и научился этому. Он был деревом и научился этому. Он был тигром и научился этому. Он был мужчиной и женщиной и научился этому. Он был богом и научился этому. И он продолжал учиться, учиться и учиться... И однажды он покончил со всеми формами. Он прошел все формы — наблюдая, бдительный без выбора, поддерживая зеркало ясным, не затуманенным, он прошел через все формы. И теперь он пришел к точке, где больше не нужно никакого учения. Он выучил урок. Тогда он исчезает. Тогда смерть становится нирваной. Тогда он распространяется на все существование, тогда он становится ароматом. Тогда он входит в космическую форму. Теперь маленькие формы больше не нужны. Он научился всему, что было в этих маленьких формах. Все, что содержалось в этих маленьких формах, он расшифровал. Он стал взрослым. Теперь ему больше нет необходимости в том, чтобы возвращаться в школу. Он становится частью целого. Он распространяется по всему целому. Тогда он — песня в сердце океанического ума, благословение, мир. Он больше не приходит, он ушел туда, откуда нет возврата.

Это последнее в учении. Но человек извлекает учение из всех форм. И смерть приносит великий урок, больший, чем жизнь. Смерть приносит очень интенсивную возможность понимания, потому что жизнь очень растянута во времени — смерть приходит очень, очень потенциальным образом, в очень короткое время. В одно-единственное мгновение она потрясает тебя. Если ты не будешь бдителен, то упустишь это мгновение; это мгновение очень крошечно. Если ты бдителен, само это мгновение станет дверью в божественное.

Как только вы не привязаны к смерти, как только вы не боитесь смерти, смерть становится игрой, драмой. Послушайте прекрасную историю.

Почти ослепнув, в возрасте девяноста шести лет, больше не способный учить или работать в монастыре, дзэнский мастер Ямамото решил, что пришло время умереть, и перестал есть. Когда монахи его спросили, почему он отказывается от еды, он ответил, что пережил свою полезность и теперь стал для всех только обузой.

Девяносто шесть лет... этого достаточно. И старик думает, что теперь пришло время умереть, и прекращает принимать пищу. Пришло время отдохнуть. Он начинает готовиться к тому, чтобы уйти. *Вот понимание, которое необходимо.*

Ученики сказали ему:

— Если ты умрешь прямо сейчас... — а это было в январе, было очень холодно, — ...когда так холодно, всем будет неудобно на твоих похоронах, и ты будешь еще большей обузой, поэтому, пожалуйста, ешь!

Это были тоже великие люди. Мм? — причина, которую они приводят: «Пожалуйста, только подумай об этом холоде. Если ты умрешь сейчас, в январе, когда так холодно, то будешь еще большей обузой для всех нас. Нам придется идти на твои похороны — поэтому начни есть».

Это может случиться только в дзэнском монастыре, с дзэнским мастером и дзэнскими учениками. Никто не заботится о смерти. Смерть приемлема. Мастер готов умереть, но посмотрите на учеников. Эти ученики очень близки к просветлению. Они говорят:

— Прекрати эту чепуху! Сейчас не лучшее время. Почему ты хочешь создать для нас проблемы? Да, ты обуза — девяносто шесть лет, но это будет еще более обременительным — умереть в середине января. Пожалуйста, ешь!

И старик, рассмеялся и начал есть, но когда стало тепло, перестал снова, и через некоторое время тихо упал и умер.

Смерть — это тоже игра; что-то, с чем нужно играть. Тогда ты не боишься. Тогда бояться нечего. Тогда ты не серьезен. Посмотри на несерьезность всего этого. Можешь ли ты представить, чтобы что-то подобное случилось на Западе? Невозможно! Это может случиться только на Востоке, где люди приняли и жизнь, и смерть такими, как есть.

Это может случиться, только когда известно, что никто не умирает, — именно поэтому они могут шутить с мастером, и старик смеется. Он не оскорблен. Только подумайте, эти ученики говорят: «Это будет накладно, сэр, если вы умрете в середине января. Сейчас так холодно, и нам будет очень обременительно вас хоронить». Просто увидьте суть этого, юмор — словно жизнь и смерть не более чем шутки, словно старик просто собирается разыграть представление, словно это неправда!

Именно так и есть. Просто так, словно он собирается разыграть представление. «Пожалуйста, не играй его прямо сейчас, ты можешь сделать это позже, когда станет теплее». Старик рассмеялся, он не почувствовал себя обиженным. Наверное, он безмерно наслаждался этим. Это было великим прозрением его учеников. Теперь они могут даже смерть принимать с юмором. Когда ты начинаешь принимать смерть с юмором, ты — человек понимания. Ты, мало-помалу, превращаешься в Человека Без Заглавия, настоящего «Человека Без Заглавия». Когда ты принимаешь с юмором и смерть, ты уже вышел за ее пределы. А выйти за пределы жизни и смерти, значит войти в свою реальность.

Другая история:

Когда Тозан умирал, один монах спросил его:

— Мастер, твои четыре элемента вышли из гармонии, но есть ли кто-нибудь, кто никогда не болеет?

— Есть, — ответил Тозан.

Он был очень болен. Все его тело распалось. Четыре элемента больше не были вместе. В его теле словно происходило землетрясение, элементы пытались освободиться друг от друга. Тозан был стар и умирал, и ученики спросили:

— Твои четыре элемента вышли из гармонии, но есть ли кто-нибудь, кто никогда не болен?

— Есть, — ответил Тозан.

— Смотрит ли этот кто-то на тебя? — спросил монах.

— Это моя функция: смотреть на него, — ответил Тозан.

— А что, когда ты сам смотришь на него? — спросил монах.

— В это мгновение я не вижу болезни, — ответил Тозан.

В тебе есть два мира: мир рождения и смерти, и мир, который трансцендентален. Да, тело может быть очень больным, и все же в тебе может не быть болезни — если ты не становишься привязанным к болезни, если не отождествляешься с болезнью, если не начинаешь думать: «Я болен». Это только своего рода гипноз. Этому нужно научиться, войдя через многие, многие двери.

Когда ты голоден, что ты говоришь? Ты говоришь: «Я голоден». Голоден не ты — голодно тело, голоден организм. Ты только наблюдатель, ты только видишь, что тело голодно, потом ты ешь и чувствуешь удовлетворение, и ты говоришь: «Теперь я удовлетворен, полностью удовлетворен». Ты не удовлетворен, потому что, прежде всего, не был голоден! Сначала ты видел голод в теле, теперь чувствуешь удовлетворение в теле — но ты только свидетель. Сначала твое зеркало отражало голодного человека, стоящего перед тобой, а теперь зеркало отражает удовлетворенного человека, стоящего перед тобой, — но зеркало никогда не было голодно, и зеркало никогда не было удовлетворено.

В один день ты здоров, в другой день ты болен — зеркало отражает! В один день ты молод, в другой день ты стар. В один день тебя любят, в другой день тебя ненавидят. В один день тобой восхищаются, в другой день тебя осуждают. Зеркало продолжает отражать.

Функция зеркала в том, чтобы просто отражать, что бы то ни было. Но каждый раз ты отождествляешься.

Прекрати это отождествление себя с вещами, которые стоят перед тобой, и внезапно ты увидишь, что никогда не был болен, и никогда не был голоден, и никогда не был рожден, — и никогда не умрешь. Ты сам — источник вечности. Ты вечен.

Теперь эта история:

Бассуи написал одному из учеников, который умирал, следующее письмо...

Обычно, когда вы пишете кому-то, кто вот-вот умрет, вы пишете утешительные вещи — вы думаете, что ему нужно утешение. И все ваши утешения фальшивы; все ваши утешения — ложь.

Но когда дзэнский мастер пишет письмо тому, кто умирает, и был его учеником, он просто констатирует истину. Фактически, когда кто-то умирает, время констатировать истину, потому что больше времени может не быть. По крайней мере, позволь ему услышать истину, прежде чем он покинет этот мир, позволь ему стать бдительным к тому, каков истинный факт. Нет необходимости утешать, потому что утешения не помогут.

Утешения — как колыбельные. Да, хорошо, они позволяют людям чувствовать себя комфортно. Они как транквилизаторы. Они не преобразуют тебя, только убаюкивают, только отупляют. Они на самом деле приводят тебя в замешательство, и реальность остается такой же, что и была. Утешения — это игрушки, даваемые детям.

Дзэнский мастер Бассуи пишет одному из учеников, который вот-вот умрет: наступил великий момент. Смерть — великий момент. Он должен использовать его на полную мощь. Смерть — это такая великая возможность, такая творческая возможность, что человек может стать в ней просветленным. Если ты упустил жизнь, ладно, но не упускай смерть. Используй эту

дверь, чтобы заглянуть в божественное.

Мастер написал:

Сущность твоего ума не родилась и поэтому никогда не умрет...

Сущность твоего ума — именно это я называю подобным зеркалу качеством. Это сама сущность твоего ума. Почему мы называем ее фундаментальной, существенной? Потому что она сохраняется прежней.

Наблюдай... Ты был ребенком. Впервые ты открыл глаза, у тебя не было мыслей, но это зеркалоподобное качество было. Даже в первый момент, когда ты открыл глаза, это зеркалоподобное качество было. Оно не было тебе никем дано; ты принес его с собой. Это существенно, это твоя природа. Ребенок открывает глаза; он не сможет увидеть, какие вокруг деревья — ашоки или сосны — он не может распознать, какие это деревья. Он не сможет даже знать, что это вообще деревья. Он не может видеть, что они зеленые, но видит их зелень. Он не сможет озаглавить ее как «зелень», не сможет сказать: «Это деревья, это ашоки, а это сосны» — нет.

Но все отражается в точности. Нет никакого языка. Его видение ясно. На нем нет пыли. Именно поэтому дети приходят в такое волнение от небольших вещей — потому что каждая мелочь для них почти психоделическая. У них нет препятствий, их глаза чисты, зеркало чисто. Оно отражает реальность такой, как есть.

Этому качеству — это зеркалоподобному качеству — никто не учит. Оно не обусловлено обществом. Языку учат; ты не приносишь с собой языка. Если ты рождаешься в японской семье, ты научишься японскому языку. Если ты рождаешься во французской семье, ты научишься французскому языку. Ты научишься всему, чему тебя научат. Но французский ребенок и японский ребенок, когда они впервые открывают глаза — просто зеркала. Японское зеркало больше не японское, и французское больше не французское. Они просто зеркала. Да, японец станет японцем, и француз станет французом, и соберется тысяча и одна вещь — язык, образование, школа, колледж, университет, религия, церковь, и все остальные вещи соберутся вокруг...

Таким образом все, чему тебя научили, не существенно. Это было дано снаружи. То, что дано тебе снаружи, заимствовано, это не твоя природа. То, что ты принес с собой, всецело принес с собой, то, что никто тебе не дал, — это существенная природа. И это и есть твоя душа. Найти это в себе — значит найти нечто из-за пределов рождения и смерти.

«Существо твоего ума не родилось, — говорит мастер, — и поэтому никогда не умрет».

Только то, что родилось, умирает; только то, что началось, кончается. Если у тебя есть одна полярность, то последует и другая, но если первой полярности нет, не может быть и другой. Если есть что-то, в чем ты не родился, что было еще до твоего рождения, тогда это будет даже после смерти.

Это зеркалоподобное качество не имеет ничего общего ни с кем другим; тебе его никто не дал. Это ты, твое подлинное существо. Это настоящий Человек Без Заглавия. Зеркало научится многим вещам, будет многими путями обусловлено — и все это будет несущественным. Именно поэтому я говорю, что если ты индуист, ты слишком привязан к заглавиям. Помни настоящего Человека Без Заглавия.

И это один и тот же человек! Ты и я не отделены в этом зеркалоподобном качестве. Это одно качество! Это то, из чего состоит сознание.

«Это не существование, — говорит мастер, — которое смертно».

Это нужно понять: «Это не существование, которое смертно». Это само существование!

Экзистенциалисты на Западе сделали разграничение между этими двумя словами: существование и экзистенция. Это разграничение ценно, оно будет здесь полезно.

Мы говорим, что дерево существует, но не можем сказать точно то же самое о Боге, что Бог существует. Почему? Потому что дерево однажды было несуществующим и однажды уйдет в несуществование. Таким образом, дерево существует по-другому, нежели чем Бог, потому что Он никогда не был несуществующим и никогда не будет несуществующим. Мы можем сказать, что дерево существует, потому что иногда оно исчезает из существования.

Дерево существует — оно может стать несуществующим. Бог не существует, он сама экзистенция. Он не может стать несуществующим, нет никакого пути. Фактически, если сказать «Бог есть», это будет повторением, потому что «Бог есть» в точности то же, что и «есть». Говорить «Бог есть» неправильно. «Дерево есть» — можно сказать, «стул есть» — можно сказать, «человек есть» — можно сказать, потому что они могут исчезнуть в «нет». Но «Бог есть» — неправильно.

Бог означает «есть-ность». Он не пришел в существование, поэтому он не может из него уйти. Это сама экзистенция.

Ты был здесь всегда! — и будешь всегда. Ты не можешь никуда уйти, помни это. Поэтому не бойся того, что придется куда-то уйти. Нет способа уйти отсюда и идти просто некуда, и нет никого, кто мог бы уйти! Все просто есть. Все было всегда и будет всегда. Это сейчас содержит целую вечность — все прошлое и все будущее. Все существование сходится в одной точке в этом мгновении, здесь-сейчас. В этом крике кукушки - все крики кукушек, — прошлые и будущие. В вашем слушании - все слушание всех людей, — прошлых и будущих. В этом говорении - все говорение всех, у кого было, что сказать в прошлом, и тех, у кого когда-либо будет что сказать в будущем.

Все есть... Ничто не уходит из существования. Формы меняются — несомненно; одежда меняется — несомненно; имена меняются — несомненно. Но не твое основное существо. Ты продолжаешь менять дома, ты продолжаешь менять тела, ты продолжаешь менять умы — но существенное, зеркалоподобное качество, настоящий Человек Без Заглавия остается прежним. Он не может измениться. У него нет частей, которые могут измениться, он бессмертен.

«Это не пустота, которая сущее ничто».

Слушайте снова. Мастер говорит: «Но не пойми неправильно» — потому что, когда мы говорим о Человеке Без Заглавия, или когда я говорю о зеркалоподобном качестве, вы можете начать думать, что зеркало просто пусто. Зеркало не просто пусто, хотя и кажется пустым.

И вы знаете, что когда никого нет, зеркало пусто. Да, пусто от формы, пусто от другого, но не пусто от самого себя.

Когда нет никого перед зеркалом, зеркало полно собственной зеркальностью, но не пусто. Фактически, когда кто-то стоит перед зеркалом, оно не так зеркально. Это отражение загораживает его наполненность. Есть что-то иностранное, что-то инородное. Когда все уходит и ничего не отражается, зеркало не просто пусто. Это не негативная пустота. Оно полно своим зеркальным качеством. Это только зеркало, совершенное зеркало — отражающее ничто, но совершенное зеркало.

Или посмотрите на это по-другому. Наши умы слишком привязаны к вещам; именно поэтому мы смотрим на вещи и судим по ним. Комната полна мебели, и вы говорите: «Комната полна мебели». Затем кто-то выносит всю мебель, и тогда вы говорите: «Теперь комната пуста». Что вы имеете в виду?

Вы слишком привязаны к мебели. Вы думаете только о мебели, никогда не о комнате. Теперь комната полна «комнатности»! Сначала она не была так полна «комнатности» — мебель загораживала ее «комнатность». Комната означает пространство; само слово «комната» означает пространство.

Сначала внутри было слишком много мебели; пространство было загорожено, разрушено.

Она не была на самом деле полна самой собой; что-то иностранное ей мешало. Она не была настолько же свободной. Теперь мебель удалена, и вы говорите, что она пуста. Сначала вы говорили, что она полна, теперь говорите, что она пуста. Пуста от чего? — пуста от мебели. Но есть и другой способ посмотреть на эту комнату — теперь она полна «комнатностью», полна пространством. Теперь она полна самой собой.

И Мастер говорит: «Не думай, что я говорю, что этот «существенный» - ты, — просто пустое ничто, нет». Сначала он полон мебели — мыслей, воспоминаний, желаний, отождествлений: я тело, я ум, я индуист, я христианин, это и то. Он полон мебели, мусора. Тогда однажды, когда ты выбрасываешь весь этот мусор и просто остаешься невыбирающей осознанностью, ты можешь начать думать, или, по крайней мере, неверно понимать, что теперь это просто ничто, ничего нет. Фактически, впервые ум полон свободы, быть самим собой — он расцветет. Это сознание распускается в лотос.

Это свобода, это освобождение. Освобожденный от всего мусора, освобожденный от всего, что чужеродно, освобожденный от всего, что иностранно, — гости ушли, хозяин свободен. Когда были гости, хозяин не был свободен. Ты это знаешь. Когда приходят гости, ты не свободен. Хозяин становится узником в собственном доме. У него нет такой свободы движений, какая была раньше. Он должен позаботиться о гостях. Они могут спать; ты не можешь включить колонки на полную мощность, радио, телевизор; ты не можешь играть музыку так, как хочешь; тебе нужно заставлять детей вести себя тихо — в доме гость. Ты должен подстраиваться под гостя.

Когда есть гость, хозяин становится вторичным, а гость первичным. Именно это произошло. Слишком полный мыслями и желаниями... — гости стали слишком важными, а хозяин, почти несуществующим, или даже забытым — вообще забытым. И гости остаются слишком долго. Они не уходят. Они стали постоянными членами семьи, и хозяин почти что изгнан из собственного дома.

Таким образом, когда гости внезапно уходят, ты можешь чувствовать себя так, словно это только пустое ничто. Это не так. Буддизм, дзэн — то и другое: очень неправильно понимается, потому что они говорят о шуньяте — пустоте. Шуньята, пустота — это Бог для Будды. Но это слово создает трудности. Люди думают: «Пустота? Выглядит негативно». Это не так, это просто указание, что теперь ты просто - ты сам, - пустой от всего остального, пустой от другого. Теперь ты просто сонастроен со своим существом, остаешься просто ты сам, твоя существенная природа будды. Она не пуста, она наполнена. Она совершенна — потому что это источник всего.

Оно не пустота, которая есть сущее ничто. Оно не цвет и не форма. Оно не наслаждается никаким удовольствием и не страдает ни от какой боли.

Ты думаешь, что страдаешь! Ты никогда не страдал. Ты думаешь, что наслаждаешься, — ты никогда не наслаждался. Ты всегда был и есть просто свидетель. Страдание случилось, но ты не страдал. Пришла радость, но ты никогда не радовался. Это были проходящие фазы, климаты, которые приходят и уходят, облака, которые окружают Луну и рассеиваются. Но ты! — ты остаешься в себе, непотревоженный, неотвлеченный. Есть дзэнское высказывание:

Я двигаюсь целый день, но вообще не двигаюсь. Я — как, Луна под волнами, которые катятся и катятся вечно.

«Волны продолжают накатываться. Я двигаюсь целый день, но вообще не двигаюсь». Да, огромное движение происходит всюду вокруг, но в самом твоём центре — центре циклона — ничто никогда не движется. Ни боль, ни удовольствие, ни счастье, ни несчастье, ни рай, ни ад — ты ничего не получаешь и ничего не теряешь. Все всегда остается прежним! Все остается абсолютно прежним. Вкус остается прежним. Он вечен.

Я двигаюсь целый день, но вообще не двигаюсь. Я — как Луна под волнами, которые

катятся и катятся вечно.

Волны продолжают накатываться. Видел ли ты когда-нибудь Луну, которая отражается в озере? Думаешь ли ты, что эта отраженная Луна тоже движется? Во-первых, это отражение, и оно не может двигаться. Во-вторых, как могут волны передвигать иллюзорную вещь, которой, прежде всего, вообще нет? Они не могут ее передвигать.

То же самое верно и в отношении тебя. Когда удовольствие приходит и движется, это волна, и ты отражен в этой волне и думаешь, что твое отражение движется. Твое отражение становится искаженным, несомненно. Ты сам никогда не подвергаешься искажению! Луна в небе никогда не искажается волнами, катящимися внизу. Но ты можешь увидеть другую Луну, отраженную в озере, и почувствовать, что, может быть, на настоящую Луну это не влияет, но Луна снизу, под волнами, несомненно, подвергается влиянию. Волны колеблют ее, распространяют ее по всему озеру.

Но можно ли распространить отражение? Отражения изначально нет, отражения не существует. Поэтому, когда ты видишь себя под воздействием вещей, происходящих вокруг тебя, это только отражение тебя в вещах, которое выглядит так, словно подвергается воздействию. Ты, настоящая Луна в небе, остаешься прежним. Но ты совершенно забыл, кто ты такой. Ты совершенно забыл, что ты — за пределами всего происходящего, что ничто не происходит в твоём глубочайшем внутреннем ядре, что оно всегда остается прежним.

«Я знаю, что ты очень болен, — пишет мастер. — Как хороший студент дзэн, ты смотришь болезни прямо в лицо».

Смотреть болезни прямо в лицо — значит продолжать видеть, что ты — не она, смысл именно в этом: смотреть прямо в лицо, продолжать видеть: «Я не это».

«Может быть, ты не знаешь точно, кто страдает, но задай себе вопрос...»

Задай себе вопросы: «Кто страдает? Кто умирает? Кто стареет?» Задавай вопросы, продолжай задавать эти вопросы, и мало-помалу ты увидишь: «Тот, кто страдает, — не я, тот, кто стареет, — не я, тот, кто умрет, — не я». И помни, это не должно быть чем-то данным; этот ответ не должен быть данным памятью — потому что ты это знаешь, ты это слышал, ты это читал в Упанишадах, ты слышал, что об этом говорили великие Мастера. Ты не должен давать его из памяти, просто продолжай задавать вопрос. Продолжай, словно молот, внутри этот вопрос: «Кто страдает?» В следующий раз, когда у тебя заболит голова, спроси: «Кто болит?» В следующий раз, когда у тебя затекут ноги, спроси: «Кто затек?»

И не торопись отвечать на него, потому что быстрый ответ будет ложным. Ты можешь быть очень мудрым, ты можешь сказать: «Да, я душа, а это тело». Но это будет подделкой. Пусть ответ придет сам по себе. Он не должен прийти из памяти, он должен прийти из твоего существа. Он должен прийти как прозрение; он не должен быть вербальным. Он должен прийти как реализация, как сатори, как проблеск.

Чувствуете ли вы, в чем разница? Когда что-то приходит как память, ты повторяешь, как попугай. Я говорил, что ты — не твоя головная боль. Завтра ты можешь это попробовать — сам сядь в молчании и сам задай себе вопрос: «Кто страдает?» И из памяти придет ответ: «Ты не страдаешь, ты трансцендентальная душа, ты свидетель». Наблюдай это, все это только приходит из памяти. В этом нет никакой ценности. Вышвырни это!

Пусть придут прозрение, реализация, внезапная ясность, прозрачность — что ты видишь это: «Я не страдаю». Помни: нужно видение. Это не ответ, который можно принести из памяти. Это прозрение, которое нужно принести из глубочайшего внутреннего ядра существа. Ты должен забросить сеть вопроса. И если ты продолжаешь забрасывать сеть и не удовлетворяешься своей поддельной памятью, то рано или поздно поймашь рыбу, и эта рыба сделает тебя свободным. Это освобождает. Истина освобождает.

«...Задай себе вопрос: в чем сущность этого ума?»

Первый вопрос: «Кто страдает?» — чтобы ты мог увидеть, что страдание происходит вокруг тебя, но не в тебе. Оно происходит близко, очень близко, но все же не в центре. Оно происходит на периферии, не в центре. Центр остается незатронутым.

Таким образом, первое: видь, где страдание. Стань разотождествленным со страданием. Этот вопрос тебе поможет — как меч — разубить отождествленность.

Следующий вопрос, который нужно задать: «В чем сущность моего ума? Кто этот «кто-то», кто не страдает?»

Сначала осведомись: «Кто страдает?» — чтобы старая отождествленность с телом и болезнью и умом была разрушена, и тогда ты приходишь к тому, чтобы заглянуть в свое глубочайшее внутреннее ядро. Теперь спроси: «Что такое этот существенный ум?»

«Думай только об этом».

И это послание, обращенное к умирающему человеку, помните. Мастер говорит: пока ты умираешь, думай только об этом. Перед смертью пусть будет ясно одно: что страдаешь не ты. И потом, входя в смерть, продолжай задавать вопрос: «Кто этот кто-то, кто не страдает?», «Кто я?» — как говорил Рамана Махарши: «Кто я?»

Думай только об этом, когда происходит смерть, потому что смерть отнимет все. Только этот вопрос можно взять с собой в смерть, и если ты сможешь продолжать задавать этот вопрос, пока умираешь, то можешь достичь самадхи — величайшего плода просветления.

«Думай только об этом. Тебе ничего больше не понадобится».

Мастер прав, именно так точно и есть. Тебе ничего больше не понадобится, если ты сможешь сделать только эти две вещи: разотождествиться с жизнью и всем, что жизнь накопила вокруг тебя; и, во-вторых, продолжать спрашивать: «Кто я?»

«Тебе ничего больше не понадобится. Ничего не желай».

Не думай даже о просветлении. Не желай даже природы Будды. Не думай даже о нирване. Ничего не желай! — потому что, как только ты начинаешь желать, ты теряешь свой существенный ум, теряешь контакт с космическим умом. Желай... и ты пал. Именно из-за желания происходит первородный грех. Таким образом, не желай ничего.

Он знает этого ученика очень хорошо. Он не будет желать денег, он не будет желать престижа и власти, он не будет желать другого рождения, он не будет желать другой жизни — суть совершенно не в этом. С этим покончено в первом вопросе: разотождествись.

Но есть возможность, что он может начать желать природы Будды. Он может начать думать о том, чтобы родиться на более высоком плане существования, быть Буддой, просветленной душой. Но тогда желание случилось, желание вошло. И он пал из изначального ума. Изначальный ум остается незатронутым, только когда ты не желаешь. В то мгновение, как ты начинаешь желать, ты отодвигаешься. Ты больше не в этом, ты снова попался в ловушку нового путешествия, снова ушел в сторону.

«Думай только об этом: что является существом этого ума? Тебе больше ничего не понадобится. Ничего не желай. Твой конец бесконечен, подобно тому, как снежинка тает в чистом воздухе».

Беспокоиться не о чем. Ты исчезнешь, как снежинка в чистом воздухе. Да, тебя нельзя будет найти в индивидуальной форме. Форма исчезнет в бесформенном — снежинка растает в чистом воздухе. Но ты будешь, и более того. Когда река исчезает в океане, она не умирает: она становится океаном, она распространяется, она становится больше, она становится громадной, огромной, бесконечной.

Смерть, если ты цепляешься за жизнь, будет выглядеть как смерть. Если ты не цепляешься за жизнь, смерть будет выглядеть как трансформация, свобода. Ты освобожден из заключения

формы, ты становишься бесформенным. Тогда есть великая радость. Человек, который может умереть, как снежинка, тающая в чистом воздухе, блажен. Есть великий экстаз, великое молчание и покой, суцая радость. Есть празднование, в самом сердце твоего существа.

Жизнь нужно использовать, смерть нужно использовать. Все нужно использовать, чтобы прийти к этому существенному уму, потому что этот существенный ум, есть сат-чит-ананда — это истина, это сознание, это блаженство.

***

Иногда это может выглядеть безумным, что человек должен отбросить все привязанности, даже привязанность к жизни. Это может выглядеть очень безумным — что человек должен трансформировать даже смерть в любовный роман. Это может выглядеть очень безумным, но жизнь и есть безумие, жизнь — это парадокс.

Джон Вилер сказал: «Мы говорим о вещах, которые абсолютно безумны. Может ли что-нибудь менее безумное быть правильным?»

Дзэн прав, потому что он совершенно безумен. Дзэн прав, потому что он совершенно парадоксален. Жизнь — это парадокс. Все, что истинно в жизни, будет великим парадоксом. Да, жизнь нужно прожить, и смертью нужно умереть.

Живя, проникни в глубочайшее ядро жизни. Умирая, проникни — снова — в глубочайшее ядро смерти. И глубочайшее ядро остается прежним — это существенный ум.

«Жизнь» не существительное, помни; и смерть не существительное. «Жизнь» и «смерть» — то и другое - глаголы. «Существование» — это глагол, не существительное. Жизнь — это процесс, смерть — это процесс. А кто подвергается процессу? Кто движется в этой повозке, в которой два колеса? Кто этот паломник? Кто это путешествует по многим формам? Этот существенный ум, этот не-ум, это зеркальное качество, это свидетельство должно быть найдено всеми путями и во всех возможностях. Каждое движение в жизни должно быть посвящено этому исследованию, этому поиску, и лишь тогда человек приходит домой. А не придя домой, ты будешь оставаться неудовлетворенным. У тебя может быть много денег, у тебя может быть много власти, но ты будешь оставаться бессильным, ты будешь оставаться нищим.

В тот день, когда ты придешь к этому изначальному в своем существе, к этому Человеку Без Заглавия, к этому древнейшему, к Тому, Кто Вечен, — в тот день ты станешь императором. В тот день все станет благословением. В тот день ничего не будет не хватать. И в тот день ты хорошо посмеешься, потому что увидишь, что ничего никогда не хватало — просто ты запутался в отражениях. Ты потерялся в гостях и забыл хозяина. Будь хозяином!

Ошо — современный мистик, жизнь и учения которого повлияли на миллионы людей всех возрастов и всех областей жизни. «Сэндэй Таймс» в Лондоне описывает его как одного из «тысячи создателей двадцатого века», а «Сэндэй Мид-Дэй» в Индии — как одного из десяти человек — наряду с Махатмой Ганди, Неру и Буддой, — которые изменили судьбу Индии.

О своей работе Ошо сказал, что помогает создать условия рождения нового вида человеческого существа. Он часто характеризовал это новое человеческое существо как «Зорбу-Будду» — способного наслаждаться и земными удовольствиями Грека Зорбы, и молчаливой безмятежностью Гаутамы Будды. Красной нитью через все аспекты работы Ошо проходит видение, объединяющее безвременную мудрость Востока и высочайший потенциал науки и технологии Запада.

Он также известен своим революционным вкладом в науку внутренней трансформации — подходом к медитации, который учитывает увеличивающуюся скорость современной жизни. Его уникальные «Активные Медитации» разработаны таким образом, чтобы сначала высвободить стрессы, накапливающиеся в теле и уме, чтобы легче было пережить не-мысль и состояние расслабления медитации.

Книги Ошо не написаны, но транскрибированы с аудио- и видеозаписей импровизированных лекций, данных ученикам и друзьям за время его жизни.

Osho Commune International, медитационный кампус, созданный Ошо в Индии как оазис, где его учения могут быть воплощены на практике, продолжает привлекать более 15 000 гостей в год, более чем из 100 разных стран всего мира.

Чтобы получить больше информации об Ошо и его работе, включая тур по медитационному кампусу в г. Пуна, Индия, посетите:

WWW.OSHO.COM

Медитационный Кампус Osho Commune International

Медитационный кампус в Международной Коммуне Ошо находится в Индии, в ста милях к юго-востоку от Бомбея, в городе Пуна. Изначально построенная как летнее убежище Махараджей и богатых британских колонистов, сегодняшняя Пуна — это процветающий современный город, ставший домом нескольким университетам и высокотехнологичным индустриальным предприятиям.

Кампус Коммуны Ошо простирается на 32 акра в трехлинейном пригороде, известном как Корегаон-Парк (Koregaon Park). Хотя сама Коммуна не обеспечивает жилищем своих гостей, вокруг нее расположено множество гостиниц и частных домов внаем, которые размещают тысячи посетителей со всего мира в течение всего года.

Программы Коммуны основаны на видении Ошо качественно нового вида человеческого существа, которое способно как радостно участвовать в повседневной жизни, так и расслабиться в молчании и медитации. Большинство программ происходят в современных, кондиционированных постройках и включают в себя разнообразные индивидуальные занятия, курсы и семинары, охватывающие все: от творческих искусств до холистического целительства, личного роста и терапии, эзотерических наук, «дзэнского» подхода к спорту и здоровью, динамике отношений и важных событий в жизни мужчин и женщин. И индивидуальные, и групповые занятия предлагаются круглый год, параллельно с ежедневной программой активных медитаций Ошо, аудио- и видеозаписей его бесед, медитационных техник разнообразных духовных традиций.

Открытые кафе и рестораны внутри Коммуны предлагают и традиционную индийскую пищу, и разнообразные блюда международной кухни, приготовленные из овощей, выращенных на собственной ферме Коммуны. Кампус располагает собственным запасом очищенной, фильтрованной воды.

OSHO INTERNATIONAL

80 Fifth Avenue, Suite 1403

New York, NY 10011

U.S.A.

T. +1.212.475 1822 F. +1.212.475 5833

Выбор, который вы делаете сегодня, определяет жизнь, которую вы будете жить завтра...